

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Основана в 1977 г.

Р. Н. Клейменова

КНИЖНАЯ МОСКВА

первой

ПОЛОВИНЫ

XIX века

МОСКВА «НАУКА»

1991

ББК 76.11

К 48

Рецензенты:

кандидат филологических наук А. А. ЗАЙЦЕВА,
член-корреспондент АН СССР С. Р. МИКУЛИНСКИЙ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. Л. ГРИШУНИН

Редактор издательства
А. Н. ТОРОПЦЕВА

Клейменова Р. Н.

К 48 Книжная Москва первой половины XIX века.—
М.: Наука, 1991.— 240 с.— (Серия «Страницы ис-
тории нашей Родины»)
ISBN 5—02—012727—2

В монографии рассказывается о литературе научной, по практическому ведению хозяйства, о медицинской, художественной, религиозной, мистической, лубочной, детской, музыкальной, вышедшей в Москве в первой половине XIX в. При этом повествуется о создателях книги (авторах, составителях, типографщиках) и тех, кто мешал им в этом, о ее распространителях и читателях. Большая часть монографии написана по архивным материалам Московской цензуры.

Книга рассчитана на историков науки и культуры, на широкий круг читателей — тех, кто еще только создает свою библиотеку, и тех, кто пополняет ее редкими изданиями.

К $\frac{4502030000-075}{054(02)-90}$ 100-90 НП

ББК 76.11

ISBN 5—02—012727—2

© Издательство «Наука», 1991

От автора

У всякой книги свой сложный путь к читателю, который можно изобразить в виде схемы: автор — издатель — книга — библиотека — читатель. К этой схеме надо добавить цензуру, так как она на всех этапах, начиная от создания книги и кончая ее распространением, следила за всем процессом и часто вмешивалась в него. Нельзя забывать и о том, что на книжное дело в России влияли события, происходившие в мире и в стране, а также уровень просвещения, национального самосознания, общественной мысли, состояния промышленности. Этот путь книги в Москве первой половины XIX в. мы и попытались осветить.

Основными источниками послужили архивные материалы, библиографические указатели. Последние для книговеда то же, что культурный слой для археолога. Просматривая имена авторов, издателей, составителей, названия книг, исследователь по отдельным деталям, как археолог по обломкам сосудов, может открыть некую закономерность, нарисовать яркую картину минувшей жизни.

В России до 1907 г. не было регулярной регистрации выходившей литературы. Для того чтобы представить себе вклад Москвы в развитие книжного дела, пришлось выбирать издания московских типографий из самых разнообразных источников: цензурных ведомостей, книготорговых каталогов. Было выявлено более 12 тыс. изданий, вышедших в Москве с 1801 по 1850 г.

Перебирая карточки составленного нами каталога, встречаешь Москву, уже знакомую по описаниям, открываешь и новое. Общеизвестно, что Москва была крупнейшим просветительским центром, но неожиданно эта характеристика теряет налет заштампованности благодаря обилию издававшейся учебной литературы (особенно пособий по изучению иностранных языков), детской литературы, различных игр, азбук, знакомивших детей с помощью прекрасных иллюстраций с окружающим миром. По воспоминаниям современников

известна любовь москвичей к театру, водевилям, но открывается и другое их пристрастие: романсы, русские народные песни, арии из опер и водевилей, которые издавались или в виде сборников, или на отдельных литографированных листках. Если судить по обилию таких изданий, то вся Москва представляется поющей. Распространенность русских народных песен, увлечение многих, в том числе и писателей, собиранием фольклора свидетельствуют об интересе к самобытности русского народа.

Из одних только названий книг можно судить о том, как Москва отстраивалась после пожара 1812 г., как она торговала, развивала промышленность, сельское хозяйство. Предстает наглядно и книжная Москва. Каталог помог определить круг издателей, типографщиков, авторов, распространителей книг, читателей. По выявленному репертуару можно судить о том, чему учились москвичи, что любили читать, о чем рассуждали.

П. И. Кеппен, занимаясь регистрацией литературы за 1825 г., заметил, что число книг, вышедших за определенный период времени, «в точности означить» нельзя из-за невозможности получать сведения о всех выходящих книгах, из-за переиздания книг, из-за печатания особыми книжками журнальных статей, из-за продолжающихся изданий, из-за печатания разных частей одного сочинения в различных типографиях¹. Мы бы добавили неполноту и разрозненность библиографических источников, поэтому цифровые данные, которые приводятся в работе, не могут считаться абсолютно точными.

Москва первой половины XIX века

С воцарением Александра I, когда подул либеральный ветер его начинаний, московская *общественная жизнь* всколыхнулась новыми мыслями, идеями, появились разные литературные течения. Темами для обсуждений были освобождение крестьян, политическое переустройство государства, преобразование суда и администрации, реорганизация просвещения, национальное самосознание русского народа. Была взята для обсуждения и такая идея французской революции, как равенство всех людей от рождения. Между шишковистами и карамзинистами шли дебаты о «старом» и «новом» слоге в русской словесности. В этом споре Москва принимала активное участие.

Москвичи остро реагировали на политические события, особенно на отношения России с Францией, с которой Россия то находилась в союзе, то вступала в вооруженный конфликт. Будоражили войны с Турцией, восстание греков против турецкого владычества, волнения поляков, проекты М. М. Сперанского 1803 и 1809—1810 гг. Все это нашло отражение в повременных и книжных изданиях. Потрясение от войны 1812 г. вылилось в целый поток патриотической и мемуарной литературы.

Политические новости обсуждались повсюду. Вероятно, под влиянием этих обсуждений один из современников считал, что «Москву можно уподобить республике по образу жизни, мнениям и свободе»². Особенное внимание вызывали военные события, так как они часто затрагивали интересы разных слоев общества.

Восприятие происходившего и отражение его в изданиях носили в Москве несколько иной характер, чем в Петербурге: в Петербурге делали политику, а в Москве ее критиковали. Москвичи не боялись открыто высказывать свои критические замечания правительству. В театре с восторгом встречалось любое слово, в котором проглядывался хотя бы намек на текущие события. Первые представления пьесы «Дмитрий Донской»

В. А. Озерова в Москве в 1807 г. превратились в политические манифестации. Книжные магазины стали предлагать много политической литературы. Распространялись антибонапартские сочинения. В приезд Александра I в 1809 г. в Москву город был полон слухов о том, что царь «подобострастен» к Наполеону, что французский посол Коленкур чинит всякие козни, что Н. П. Румянцев — друг Бонапарта, а М. М. Сперанский — изменник³.

Эпоха Александра I — это эпоха колебаний. Много было начато, но так и осталось незаконченным. Но тем не менее вольные разговоры, нарушения цензурных запретов серьезно не преследовались. С. Н. Глинка, поклонник Монтескьё, Беккария, Дидро, после Тильзитского мира выступил против всего, что выражало поддержку Бонапарту. Выступил именно тогда, когда правительством это было запрещено.

После разгрома восстания декабристов, когда в Петербурге уже многие были осуждены, а пятеро декабристов были казнены, Москва затаилась в ожидании новых репрессий. Наведение «порядка» началось после коронации в Москве Николая I в начале сентября 1826 г. Ректор Московского университета и директор Университетского благородного пансиона А. А. Прокопович-Антонский был отстранен от занимаемых должностей, за студентами был учинен строгий надзор, кафедра философии в университете была ликвидирована. Многие москвичи были напуганы, особенно те, кто находился в близких отношениях с декабристами. М. А. Дмитриев сжег протоколы Клуба смеха, Общество любителей российской словесности не собиралось на свои заседания.

Николай I в начале своего царствования продолжал политику реформ, начатую Александром I. Молодые люди шли служить, веря в то, что они таким образом могут способствовать благоденствию своего Отечества. В кружках дворянской университетской молодежи и примыкавшей к ним демократической интеллигенции возобновилось изучение проблем немецкой философии.

По воспоминаниям современников, в Москве, вдали от центра законодательной и правительственной деятельности, в 1830-е годы образовались литературные салоны, появились журналы, около которых группировались литературные кружки. Университет играл в этом движении немалую роль, главным образом в лице

своих воспитанников, пополнявших ряды литературных талантов. Продолжала развиваться научная деятельность. Если раньше в Москву приезжали жить вельможи, впавшие в немилость, то теперь она стала средоточием мыслящих людей разных направлений, не находивших или не искавших служебной деятельности. Сильное «брожение» наблюдалось среди студентов, многие из которых входили в тайные или полуполигальные кружки⁴. Споры о путях дальнейшего развития России привели в это время к расколу между западниками и славянофилами, которые до этого терпимо относились друг к другу. Сохранялся в Москве и дух стародворянской фронды в великосветских салонах и в Английском клубе.

Обычным для того времени было противопоставление Петербургу Москвы — двух символов, выражавших полярные политические настроения. В Петербурге любили указывать на Москву как на рассадник отечественного якобинства, как на гнездо «либеральной шайки», распространявшей особо неблагонамеренный «московский дух, совершенно противный петербургскому»⁵.

Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в своих «всеподданнейших» отчетах о «состоянии умов» неоднократно обращал внимание Николая I на партию так называемых «русских патриотов», центр которой находился в Москве. Эта партия критиковала «все шаги правительства, выбор всех лиц», в ней слышался «ропот на немцев», с пафосом повторялись предложения, речи Н. С. Мордвинова и слова их кумира А. П. Ермолова. Бенкендорф предупреждал: «Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение».

По словам Бенкендорфа, «молодежь... составляет в массе самую гангренозную часть империи» и «главное ядро якобинства находится в Москве, некоторые разветвления — в Петербурге». Среди купечества также встречались «русские патриоты».

Партия «русских патриотов», или партия Н. С. Мордвинова, вызывала негодование Бенкендорфа тем, что она ставила своей целью «спасение России» и стремилась «овладеть общественным мнением». «Банкротство дворянства, продажность правосудия и крепостное право — вот элементы, которые русские патриоты считают возможным использовать в подходящий момент, чтобы

возбудить волнение в пользу конституции»⁶, — докладывал Бенкендорф царю.

Полицейский надзор над обществом переходил и на литературу. Николай I, царская бюрократия, напуганные революционными событиями в Европе и у себя дома, не признавали литературы независимой, свободной, она должна была стать верным, покорным слугой царского режима, служить его интересам. Отсюда преследование, наказание всех, кто осмеливался критиковать царский режим, крепостное право, в какой бы форме это ни выражалось. Все это не замедлило привести к застоynom явлениям и в издательском деле. С конца 1830-х годов до 1855 г. количество издаваемой ежегодно литературы не увеличивалось.

А. С. Пушкин в своей характеристике Москвы ставит на первое место *Москву промышленную*, купеческую, а потом говорит о ее заслугах перед просвещением и литературой: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова. Московская словесность выше петербургской... Ученость, любовь к искусству и талантам неоспоримо на стороне Москвы»⁷.

Москва была крупным промышленным и торговым городом. В Московской губернии работало больше фабрик, чем в каком-либо другом регионе страны. Созданию новых фабрик способствовала и континентальная блокада Францией Англии с 1807 по 1812 г., прекратившая на это время торговые связи между Англией и Россией. В 1814 г. в Московской губернии действовало свыше 250 промышленных предприятий, на которых работали 27 тыс. человек, что составляло $\frac{1}{6}$ всех рабочих России. В 1852 г. на предприятиях Московской губернии работали 48 тыс. человек.

В начале XIX в. много было сделано для развития просвещения в стране. Университетский устав 1804 г. благоприятствовал развитию университетов, расширял их демократические права. В это время растет количество университетов, гимназий и других учебных заведений. Развивая просвещение, царское правительство преследовало свои цели. Оно надеялось усилить про-

паганду религии, защиту самодержавия, с тем «чтобы мысленность подданных направлять к истине, в которой государя и подданных польза и покой»⁸. Николай I одной из причин восстания 1825 г. считал гуманитарное направление в образовании, и им была сделана попытка переориентировать образование на естественно-техническое.

Население страны за первую половину XIX в. выросло более чем в 1,5 раза: с 39 до 60 млн человек. Число учащихся, по сведениям Министерства народного просвещения, в 1809 г. составило 46,7 тыс. человек⁹, т. е. на тысячу человек примерно один учащийся. К 1837 г. количество учащихся увеличилось почти в 10 раз, их стало 459,6 тыс. Из них 44,1 тыс. человек получали высшее образование, 415,5 тыс. человек довольствовались начальным образованием¹⁰. Тем не менее в многомиллионной крестьянской России в 1826 г. было всего 3—4% грамотных, в 1860 — около 6%¹¹.

По количеству учебные заведения сильно уступали питейным. По данным «Статистического изображения городов и посадов Российской империи по 1825 год», в 686 городских поселениях с более чем 3,5-миллионным населением было 1095 учебных заведений всякого рода, а трактиров и питейных домов — более 12 тыс.

В царствование Николая I образование приняло еще более резко выраженный сословный характер. 19 августа 1826 г. был издан указ, запрещающий людям крепостного состояния учиться в университетах и гимназиях. Теперь они могли учиться только в приходских и уездных училищах, где изучалось ведение сельского хозяйства, садоводство, ремесла¹². Новые школы, гимназии создавались не за счет государства, а за счет церковных приходов.

Особая эпоха в русском просвещении связана с именем С. С. Уварова, который убедил Николая I, что он, Николай I, «творец нового образования, основанного на новых началах». Уваров писал в 1832 г., что «образование правильное, основательное», необходимо «с глубоким убеждением, с теплой верой в истинно русские охранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества».

Придуманые Уваровым начала — православие, самодержавие и народность — ему самому не были свой-

ственны. М. К. Лемке замечал, что Уваров проповедовал «православие — будучи безбожником, не веруя в Христа даже по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки»¹³.

«Правильное» образование Уваров связывал все же с университетом. Ему пришлось уйти в отставку под натиском противников университетского образования, в котором царскому правительству виделся рассадник крамолы.

И в этих условиях Московский университет с первых лет своего существования сумел сохранить свое ведущее положение в распространении просвещения в России. Он не отставал от передовых университетов Европы по числу преподаваемых предметов. Его профессора не ограничивались студенческой аудиторией, организовывали циклы лекций по разным наукам для всех желающих. Привлекались к работе в университетских научных обществах все, кто стремился внести вклад в развитие наук, словесности. Ученые университета не оставались в стороне от деятельности неуниверситетских обществ, например Московского общества сельского хозяйства. Вместе с научными обществами большую роль сыграли кружки, в которых читались, обсуждались уже изданные книги и планы новых.

Профессора, инспектировавшие подведомственные университету учебные заведения Московского учебного округа, отбирали для учебы в университете наиболее способных учеников, которые после окончания курса возвращались в свои родные места учителями, врачами, юристами. По сведениям Министерства народного просвещения, в первой половине XIX в. в Московском университете и в Московском учебном округе насчитывалось больше учащихся, чем в других университетах и учебных округах.

О Московском университете этого времени высоко отзывались современники. А. И. Герцен писал, что он «больше и больше становился средоточием русского образования», «все условия для его развития были соединены: историческое значение, географическое положение и отсутствие царя». В гонениях на университеты он «устоял и начал первый вырезываться из-за всеобщего тумана»¹⁴. В. Г. Белинский в 1839 г. отмечал, что Московский университет «не знает себе

соперников»¹⁵. М. А. Максимович в 1830 г. на торжествах по случаю 75-летия образования университета сказал, что «если в прежние полвека университет Московский содействовал так много к водворению просвещения в России, то в последние 25 лет он много способствовал возникновению и развитию онаго»¹⁶.

Университет сумел объединить людей увлеченных, активно занимавшихся просветительством, воспитанием нового поколения, благодаря чему стали возможными издательская деятельность Н. И. Новикова и дальнейшие успехи в книгоиздательском деле в Москве.

Книги

В XVIII в. в России в среднем издавалось около 100 книг в год¹⁷, в XIX в. — в 12 раз больше — 1,2 тыс.¹⁸ (Для сравнения: в XX в. в нашей стране издается около 90 тыс. книг в год.) В XVIII в. наибольшее количество книг издавалось в 1781—1785 гг. — в среднем по 248 книг в год¹⁹. В первом пятилетии XIX в. ежегодно в среднем выходило 389 названий книг и журналов²⁰. В 1825 г., по подсчетам П. И. Кеппена, в России 61 типография выпустила 583 названия книг и журналов²¹. Таким образом, за четверть века издание книг и журналов увеличилось в 1,5 раза.

Некоторую замедленность роста в начале XIX в. можно объяснить тем, что издателям нужно было время, чтобы оправиться от репрессивной политики конца XVIII в. в отношении книгопечатания. Сказались и разрушительные последствия Отечественной войны 1812 г., особенно в Москве. Но постепенно в издательское дело входили новые силы, и за 1837 г., когда в «Журнале Министерства народного просвещения» начала печататься библиография всей выходившей литературы в стране, было зарегистрировано 1147 названий, что почти в 2 раза больше, чем в 1825 г. Но в связи с усилением реакции в 1840-е годы темпы книгоиздательской деятельности снизились, а в эпоху реформ 1860-х годов вновь произошел резкий скачок. Если в 1850 г. зарегистрировано 995 названий, то уже в 1864 г. — 1836. И далее этот процесс пошел по нарастающей. В 1894 г. количество изданных книг перевалило за 10 тыс. Таким образом, если за первую половину XIX в. издание книг выросло в 3 раза, то за

вторую — более чем в 10 раз. Накануне первой мировой войны в 1912 г. в России издавалось уже 34 630 названий книг²².

Развитие издательского дела в России в первой половине XIX в. отставало от развития его в других странах, но в чем-то было и сходным. Например, в Германии за 50 лет, с 1786 по 1836 г., количество изданий увеличилось с 2064 до 3421. Анализ показал, что «в этом увеличении философия не только не принимала никакого участия, напротив, далеко отстала и что из наук филология и педагогика с учебными сочинениями и науки коммерческие обращали на себя сравнительно наибольшее внимание; число беллетристических произведений также возросло значительно»²³.

Это заключение в чем-то перекликается с тем, которое сделал автор обзора литературы, вышедшей в России в 1835 г. Он также отметил преобладание в изданиях учебной литературы: «Книг учебных или касающихся до наук было более, нежели книг собственно литературных: первых 398 (из них 323 оригинальных и 75 переводных), последних 185 (из них 136 оригинальных и 49 переводных)»²⁴. Им же было отмечено, что практически не издавалась литература по философии.

Наиболее просвещенными центрами в первой половине XIX в. в России были Петербург и Москва. В них сосредоточилась треть всех типографий страны, которые выпускали в два раза больше литературы, чем во всех остальных губерниях. Количество выходившей литературы в Москве и Петербурге было приблизительно одинаковым, хотя типографий в Петербурге было больше.

В Москве издавалась в среднем треть всей выходившей в стране литературы. Конечно, москвичи не ограничивались только чтением московских изданий. Здесь продавались и выписывались книги, вышедшие в других типографиях страны и за рубежом. В свою очередь, московские издания продавались в Петербурге, в губернских городах, выписывались помещиками, жившими в деревне, некоторые посылались за рубеж.

Естественнонаучная литература

В первой половине XIX в. в Москве трудились выдающиеся ученые И. А. Двигубский, Д. М. Перевощиков, М. Г. Павлов, И. Е. Дядьковский, М. А. Максимович, К. Ф. Рулье, Г. Е. Щуровский²⁵. Свои научные исследования, разработки они популяризировали в лекциях, в журнальных статьях. Путь в науку начинался с написания диссертации на степень кандидата, магистра. Диссертации публиковались тиражом в 100—200 экз., помещались в виде статей в журналах. Отдельно научные монографии издавались редко. Новые разработки входили затем в учебные курсы.

Изучение естественных наук в понимании многих было связано с фокусами, чародейством, открытием тайн природы. Популяризирование естественных наук осуществлялось с помощью таких книг, как «Чародей XIX столетия, или Собрание любопытных физических и химических опытов, служащих для приятного препровождения времени» (1841).

В начале века П. И. Страхов, популяризатор знаний по *физике*, переводчик «Начальных оснований опытной физики» М. Ж. Бриссона (ч. 1—2, 1801—1802), в своем учебнике «Краткое начертание физики» (1810) дал материалистическое объяснение явлений природы. Он понимал природу не как случайное нагромождение предметов и явлений, а считал, что ей свойственны определенная закономерность и причинная взаимосвязь.

Наиболее активным издателем учебников был ученик П. И. Страхова И. А. Двигубский. Он стремился раскрыть заслуги русских ученых в развитии наук, выступал за преподавание на русском языке. Учебник физики И. А. Двигубского долгое время был основным, много раз переиздавался. И. А. Двигубский, считавший себя последователем М. В. Ломоносова, утверждал, что опытным путем можно найти ключ к познанию природы. Взгляды Двигубского наиболее ярко нашли свое выражение в издаваемом им журнале «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» (1820—1830).

Воспитанником Двигубского был Н. С. Селивановский, сын издателя, автор диссертации «Рассуждение о причинах качания ртутного столба в барометре», в которой рассматривались причины колебания атмо-

сферного давления, связанные с изменением погоды. Другой его ученик, Н. Коцауров, в диссертации «Об измерении высот посредством барометра» (1823) критически рассмотрел все элементы барометрической формулы и входящие в нее физические константы.

Перу Д. М. Перевощикова принадлежали учебники по физике и астрономии. Он начал в университете преподавание экспериментальной и теоретической физики, организовал геофизические исследования, основал астрономическую обсерваторию при Московском университете, недалеко от Пресненской заставы, издал в 1826 г. «Руководство к астрономии» и в 1842 г. более подробный учебник «Основания астрономии».

Книги по физике и астрономии составляли всего лишь 0,5% от всего количества изданной в первой половине XIX в. в Москве литературы.

Математическая наука в России за короткий срок достигла высокого уровня развития. На русский язык были переведены все лучшие европейские учебники по математике. Книг в Москве за первую половину XIX в. вышло в три раза больше, чем по физике. Особую роль сыграли в этом ученые Московского университета.

Для начального обучения наиболее часто издавалась «Арифметика», составленная К. Меморским. В обзоре литературы за 1835 г. об этом учебнике сказано: «...Арифметика Меморского, напечатанная новым изданием с бывшего в 1832 г., имеет достоинство по краткости своей, ясности и простоте формы в вопросах и ответах, — как легчайшее пособие для детей к изучению предлагаемого предмета»²⁶.

Для старшего возраста имелись учебники, написанные профессорами Московского университета. Д. М. Перевощиков в 1819—1825 гг. вместе с И. И. Давыдовым и М. С. Щепкиным издал «Курс чистой математики» Франкера из 12 частей. Отдельные части этого курса издавались самостоятельно, например «Высшая алгебра» (1824), «Дифференциальное исчисление» (1824), «Сферическая тригонометрия» (1825) и др. Причем этот курс был не просто переведен, а в него были внесены «перемены» и сделаны «прибавления» в соответствии с новейшими достижениями науки.

Много труда Д. М. Перевощиков вложил в издание «Ручной математической энциклопедии» (1826—1837). По обилию нового материала, по доступности и ясности изложения она стояла выше многих аналогичных

зарубежных руководств. Энциклопедия выходила отдельными частями более 10 лет. В рекламе этого издания Перевощиков писал, что из всех частей можно составить небольшую библиотеку. Отдельные части энциклопедии издавались дважды.

После 1835 г. в Московском университете работала целая группа выдающихся ученых-математиков, что нашло отражение и в издательской деятельности. Н. Е. Зернов, первым в России в 1837 г. защитивший докторскую диссертацию по математике, в 1842 г. выпустил собственный курс «Дифференциальное исчисление с приложением к геометрии», который был на уровне лучших курсов математического анализа того времени. Н. Д. Брашман написал оригинальный «Курс аналитической геометрии» (1836), удостоенный премии Академии наук. Брашман начал преподавать в Московском университете в 1834 г., после девяти лет работы в Казанском университете под руководством Н. И. Лобачевского. Статьи самого Лобачевского печатались в «Ученых записках» Московского университета.

Зарубежные курсы по *механике* были переработаны, углублены Ф. И. Чумаковым, Н. Д. Брашманом. Д. М. Перевощиков три тома из 13-томной «Математической энциклопедии» посвятил механике. Здесь содержалось систематическое, хотя и несколько упрощенное для университетского курса изложение теоретической механики.

Очень мало в Москве печаталось книг по военным наукам. Несколько из них было издано Г. И. Мягковым, преподавателем военных наук в Университетском благородном пансионе.

Книги по геологии составили всего около 0,25% ко всем изданиям Москвы первой половины XIX в. Ученые занимались изучением Подмосковья. В одну из поездок профессор Московского университета А. А. Иовский открыл месторождение каменного угля в Тульской губернии. Из монографий, оставивших след в геологической науке, можно назвать книгу Г. И. Фишера фон Вальдгейма «Ориктогнозия, или Краткое описание всех ископаемых веществ с изъяснением терминов» (ч. 1—2, 1818—1820), которую блестяще перевел на русский язык с немецкого С. А. Маслов. Книга сыграла положительную роль в совершенствовании минералогической терминологии. Обладал целым рядом

достоинств учебник А. Л. Ловецкого «Начальные основания минералогии» (1832)²⁷.

Г. Е. Щуровский результаты своих наблюдений на Урале и Алтае обобщил в работах «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях» (1841) и «Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колыванско-Воскресенских заводах» (1846). В первой из них он сделал обзор работ русских геологов, горных инженеров об осадочных породах Урала, что помогло ему подготовить обоснования к выделению Пермской системы и первым определить возраст Уральского хребта.

Книги по географии, о путешествиях были одними из самых популярных. От общего количества изданной в Москве литературы они составили около 2,5%.

Для детей издавались географические лото, картинки, книги, например: «Зимние вечера, или Разговоры отца с детьми о свойствах, нравах, обычаях, промышленности и образованности разных народов, обитающих на земном шаре» (соч. Делпинга, пер. с фр. Ф. Бобровского, 1835).

Учебник географии, составленный еще в начале века профессором Московского университета И. А. Геймом, переиздавался до 1840-х годов. Лучшим в то время учебником, также много раз переиздававшимся, был учебник Т. А. Каменецкого «Краткое всеобщее землеописание».

Об одной из многочисленных книг по географии, вышедших в то время, — книге пастора Зедергольма «Карманная книжка географии, с 21 раскрашенной ландкартой» (пер. с нем., 1835) обозреватель писал, что она «представляет любопытные статистические подробности, но, к сожалению, не изъята от ошибок, которые много вредят достоинству учебной книги»²⁸.

Для москвичей издавались адреса-календари Москвы, путеводители, планы, панорамы. Для путешественников имелись указатели дорог, почтовая книга эстафет. Несколько раз переиздавался путеводитель от Москвы до Петербурга. Имелась специальная литература для купцов, отправлявшихся на Нижегородскую ярмарку, по торговым путям России, Украины, Сибири, Средней Азии, для паломников, путешествовавших по святым местам.

ДИФФЕРЕНЦІАЛЬНОЕ ИЗЧИСЛЕНІЕ.

Соч. Франкера

СЪ ПЕРЕМЕНАМИ И ПРИБАВЛЕНІЯМИ

ПЕРЕВЕДЪ

Д. ПЕРЕВОЩИКОВЪ.

*Издано при Университетскомъ
Благородномъ Пансіонѣ.*

МОСКВА, 1824.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Титульный лист книги из серии «Курс чистой математики» Франкера

Одним из любимых видов чтения были книги о путешествиях по Европе, Азии, Америке. «Всеобщее путешествие вокруг всего Света», увлекательно и заманчиво написанное Дюмон-Дюрвилем, капитаном французского королевского флота, привлекло внимание сразу двух переводчиков: Бантуцкого в Петербурге и Н. А. Полевого в Москве. Интерес к подобного рода литературе способствовал появлению многотомных изданий. Четыре тома «Библиотеки путешествий мужей знаменитых» (пер. с нем., 1826) содержали описание

путешествий Колумба, Кука, Бридона, Турнбулла, Бирона и многих других, при этом описывались и «замечательные и необыкновенные предметы в природе и жизни человеческой».

Книги по ботанике и зоологии носили преимущественно описательный характер, много внимания уделялось описанию флоры Москвы и Подмосковья. Популярны были книги о лекарственных растениях. Дети знакомились с флорой и фауной по картинкам. Например, книга «Вид натурального кабинета, или Приятная и полезная забава для детей» (1816) состояла из 32 гравированных и иллюминированных на картах картин, изображавших различных животных, с объяснениями и описаниями.

Многие научные работы не потеряли своего значения и сейчас: описания зонтичных растений Г. Ф. Гофмана, исследования московской флоры М. А. Максимовича, Л. Ф. Гольдбаха. Последний издал три тетради «Изображений растений, употребляемых в медицине, сельском хозяйстве, художествах и ремеслах», где изображения были отпечатаны с высушенных экземпляров растений особым способом. Рисовать и гравировать предметы из живой природы Гольдбаху помогал И. А. Решетников, сын типографа А. Г. Решетникова. Ученые начинают видеть свою задачу не только в описании явлений, но и в раскрытии законов природы. М. А. Максимович в книге «Систематика растений» (1831) поставил вопрос о видообразовании, эволюции растений.

А. М. Филомафитский в 1835 г. впервые начал преподавать в университете физиологию и выпустил оригинальный учебник «Физиология» (т. 1—2, 1836—1840), который получил высокую оценку современников и был удостоен Демидовской премии Академии наук. До настоящего времени не утратил своего значения его трактат «О переливании крови» (1848).

К. Ф. Рулье основал московскую школу зоологов. Период с 1840 по 1858 г., когда он преподавал в университете, назван «эпохой Рулье». За курс лекций «Жизнь животных по отношению ко внешним условиям» и публикацию статьи «О первом появлении растений и животных на Земле» (1851), где он доказал причинную зависимость эволюции живых форм от изменения среды их обитания, за ним был установлен строгий надзор.

Книг по ботанике и зоологии вышло относительно мало — менее 100, что составило от общего количества изданий в Москве менее 0,8%.

Книги по химии имели уклон в медицину или предназначались тем, кто занимался промышленным производством. В медицинской литературе исследовались естественные минеральные воды, действие различных лекарств.

Для промышленников большое значение имели практические лекции по технической химии Р. Г. Геймана, не раз переиздававшиеся. Сам Р. Г. Гейман имел тесные связи с промышленностью. Он был экспертом на мануфактурных выставках, в Комитете сахарозаводчиков, состоял членом Московского отделения Мануфактурного совета, был директором первого в России стеаринового завода.

Наибольшим спросом пользовались книги для красильщиков, ремесленников. Несколько книг по химии и журналы профессора А. А. Иовского: «Начальные основания химии» (1822; 2-е перераб. изд., 1827—1828), «О важности химических исследований» (1827), «Вестник естественных наук и медицины» (1828—1832), «Журнал хозяйственной химии» (1829) — внесли значительный вклад в становление русской химической номенклатуры. И. А. Двигубский, М. Г. Павлов, Ф. А. Денисов разрабатывали проблемы химической технологии различных производств. Было издано несколько исследований о состоянии отечественной промышленности, по технологии, различным ремеслам. Обращалось особое внимание на выбор места для фабрик. Распространена была литература по шелководству, текстильной промышленности, табачному производству, производству оборудования для сельских хозяйств, например молотильных машин. Технология пищевого производства в основном содержалась в книгах для сельских хозяев.

Литература по химии, технике, химической технологии, пищевому производству, к которой была близка литература по домоводству, составила около 2% общего числа литературы, изданной в Москве в первой половине XIX в.

Книги по сельскому хозяйству, химии, промышленному производству, домоводству, торговле учили прежде всего практическим навыкам в разных областях хозяйствования. В книгах по агрономии и почвоведению

нию изложение теоретических проблем сочеталось с практикой земледелия. Книги профессора Московского университета М. Г. Павлова отличались самостоятельностью и смелостью мысли. Он возглавлял земледельческую школу на опытном хуторе Московского общества сельского хозяйства. М. Г. Павлов по возвращении в 1820 г. из-за границы выступил с лекциями о системах сельского хозяйства в России, которые посещались всеми желающими. Многие лекции были напечатаны в «Московских ведомостях» и отдельными изданиями. Павлов постоянно обращался к проблемам сельского хозяйства в издаваемых им журналах «Атеней», «Русский земледелец». Им издан специальный «Курс сельского хозяйства» (1837), в предисловии к которому он писал: «Признак рациональных хозяйств — современность с печатью местности». Напечатана им и «Земледельческая химия» (1825). «Атеней» имел приложение «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов». Исследования Павлова о питании растений, о взаимовлиянии растений и почвы, о динамичности почвенного процесса близки к современным представлениям.

В «Обзрении книг, вышедших в России в 1835 г.» дана высокая оценка изданных А. С. Ширяевым трудов «Сельский хозяин XIX века» (сост. и пер. И. Вилькин) и «Основания рационального сельского хозяйства» А. Теэра (с примеч. Н. Н. Муравьева и Е. Крюда, пер. С. А. Маслова). Помимо общих работ издавались специальные — по возделыванию отдельных культур, по разведению пчел, домашнего скота, по строительству сельскохозяйственных сооружений.

Одним из активнейших популяризаторов рационального ведения сельского хозяйства в первой четверти XIX в. был В. А. Левшин, автор и переводчик романов, сказок, драм, комедий, басен, лечебников. Свою деятельность Левшин начал у Н. И. Новикова переводом с немецкого языка 12-томного труда «Хозяин и хозяйка». Издания Левшина были настолько распространены, что даже А. С. Пушкин в седьмой главе «Евгения Онегина» писал о «деревенских приамах»: «Вы, равнодушные счастливцы, вы, школы Левшина птенцы...» Левшин был членом Петербургского Вольного экономического общества, избран в Саксонское экономическое общество, в Итальянскую академию наук.

Уже в первой половине XIX в. остро стоял вопрос

о том, останется ли Россия только аграрной страной. В 1815 г. противники создания в России крупной промышленности критиковались в брошюре под названием «Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуру, или лучше предоставить сему государству обогащать себя земледелием, то есть первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и прочее?» Есть предположение, что автором этой работы был купец О. Л. Свешников. Другой вопрос, который также всех волновал: можно ли некритически относиться к принципу свободной торговли? В 1818 г. появилась работа И. Сниткина «Рассуждение, должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров или только некоторых и каких более?».

Книг по основам сельского хозяйства, почвоведению, растениеводству, земледелию, садоводству, животноводству, пчеловодству, охотничьему хозяйству, ветеринарии вышло в Москве около 3% общего числа изданий.

С конца XVIII в. в России расширялись существовавшие медицинские учреждения, создавались новые. На медицинский факультет университета был неограниченный прием, 100 студентов обучались бесплатно. В первой половине XIX в. в Москве работали талантливые ученые и врачи Е. О. Мухин, М. Я. Мудров, И. Е. Дядьковский, Н. И. Пирогов, И. Е. Буяльский.

Потребность в *медицинской литературе* была огромной. Все лучшие сочинения зарубежных ученых были переизданы на языке оригинала или переведены на русский. Диссертаций по медицине защищалось гораздо больше, чем по другим наукам, они составили 14% всей медицинской литературы.

Основной упор в издаваемой медицинской литературе был сделан на популяризацию медицинских знаний. Эпидемия холеры вызвала к жизни целый поток специальной литературы. Так как врачей все-таки не хватало, то большое значение имели домашние, сельские лечебники, описания способов лечения народными средствами. Большое место в издаваемой литературе занимали издания по гигиене. Эта литература учила, как пользоваться мылом, хлором, как сохранять память, зрение, волосы. Специальная литература для женщин раскрывала секреты красоты, обращала внимание на влияние женской одежды на здоровье. Особы-

ми изданиями выходили книги о военной гигиене, о том, как «уберечься от любоволюбивой болезни», издавалась супружеская грамматика. Постоянным был интерес к лечению молоком, холодной водой, к целебным свойствам магнита.

О книге «Деревенский учебник, или Наставление о лечении болезней без помощи врача, простыми средствами» (автор С. Х. Р., 1835) обозреватель литературы сказал: «Дай Бог, чтобы люди более пользовались простыми средствами, повсюду предлагаемыми нам попечительством природы, и менее лечили химическими вытяжками — изобретениями новейшей медицины, которые, может быть, дождутся своего Мольера и Лесажа»²⁹.

Около 4% всей вышедшей медицинской литературы занимала литература, посвященная гомеопатическому лечению. Но уже тогда этот метод подвергался критике. Обозреватель литературы за 1835 г. не мог понять, с какою целью был напечатан «Опыт гомеопатической терапии перемежающихся лихорадок, для начинающих гомеопатов» доктора К. Ф. Беннингаузепа, так как нельзя не заметить, что в этом «Опыте» «предлагают лечить... от недоверчивости — белладонной и наперсточной травой, от расположения браниться и бурлить — аконитом! от постоянных мыслей предлагаются также белладонна, геллебор, фосфор! и проч.»³⁰. Сомневается все тот же обозреватель в правильности совета, высказанного гомеопатом Самуилом Ганеманом в книге «Наблюдения практические о влиянии кофе на здоровье человека» (1835), где автор «сильно восстает на употребление кофе». На этот напиток «нападали и прежде Ганемана, но старик Вольтер подшучивал, что прожил до 80 лет, привыкши к этому яду»³¹.

От общего числа изданий, вышедших в Москве в первую половину XIX в., медицинская литература составила более 5%.

Литература гуманитарного содержания

Книг по политической экономии в Москве выходило немного. В какой-то мере сказывались цензурные запреты. Появляются книги о государственном хозяйстве, основах экономики, кредите, купеческом состоянии в России, привозе иностранных товаров, фабриках, ста-

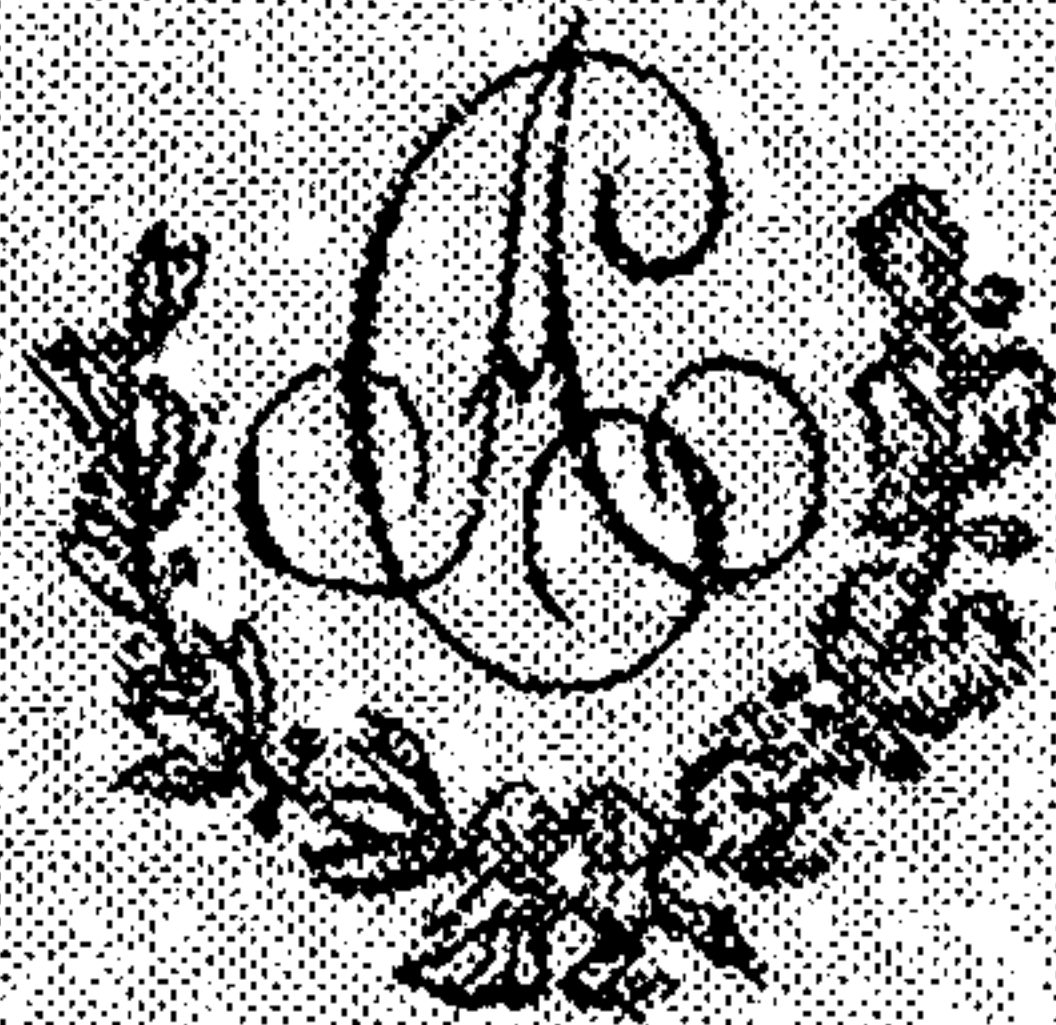
КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
ХОЛЕРЫ,
НАСТАВЛЕНИЕ
КАКЪ МЪЧИТЬ СЮ БОЛЪЗНЬ.
КАКІЯ МЪРЫ НУЖНО ВРАТЬ
ВО ВРЕМЯ ЕЯ СВІРЪЩСТВОВАНІЯ

И НАСТАВЛЕНИЕ
ДЛЯ НАРОДА КАКЪ СЕБЯ ПРЕДОХРАНЯТЬ СЪ ОНОЮ.

С О Ч И Н Е Н Н О Е

Временнаго Медицинскаго Совѣта Часкомъ

Медицины и Хирургіи Докторомъ А. Поленъ.

МОСКВА.

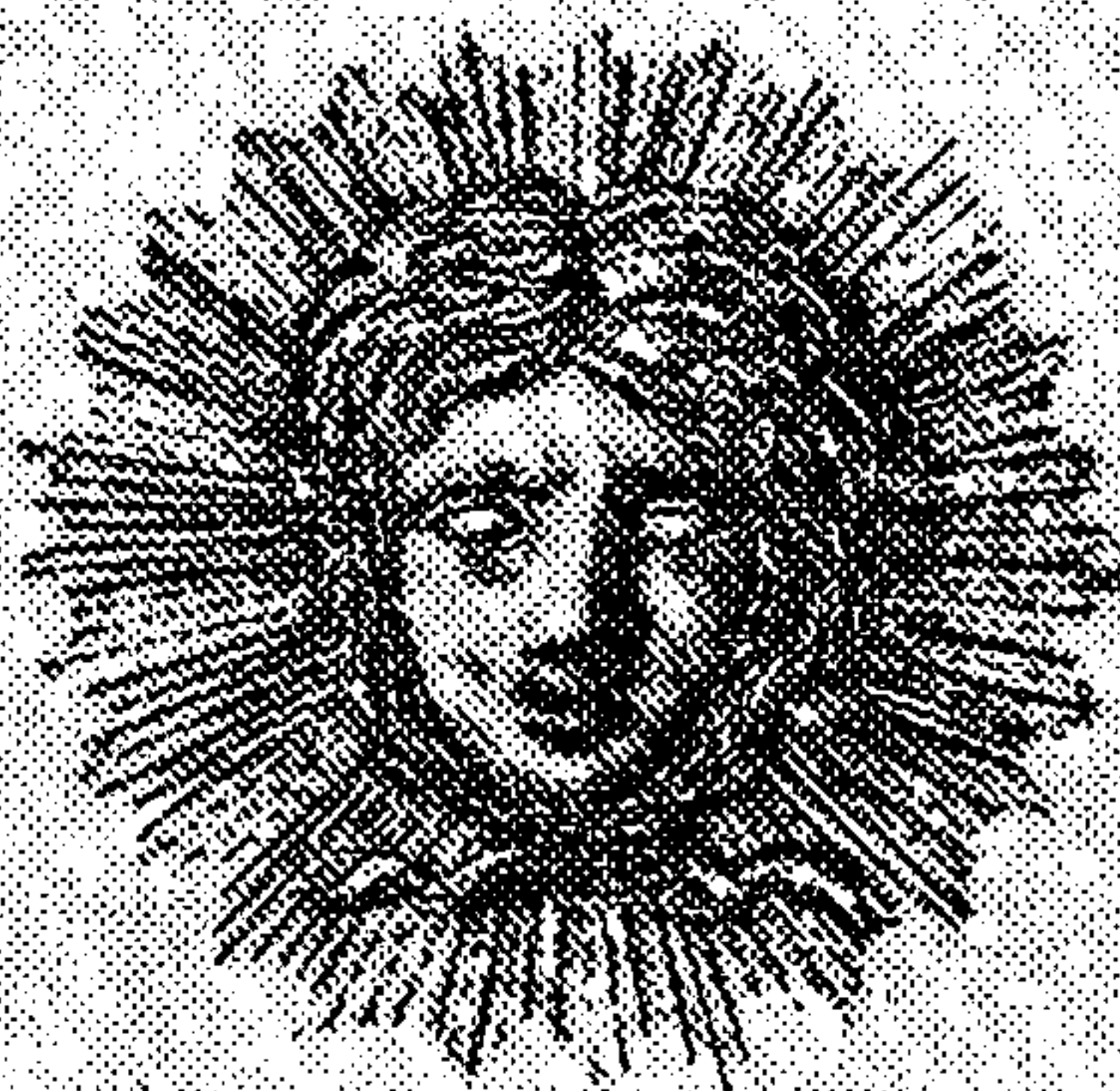
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГ. АКАДЕМІИ.
1836.

Титульный лист книги по медицине с маркой типографика А. И. Семена

тистические исследования различных губерний страны и зарубежных стран. Исследователей волновали такие вопросы, как налогообложение, связь «благоденствия народа с процветанием государства».

В начале XIX в. стала преподаваться политическая экономия по учебнику профессора Московского университета Х. А. Шлёцера «Начальные основания государственного хозяйства, или Наука о народном богатстве» (1805—1806), несколько раз переиздававшемуся в России и в Германии. Х. А. Шлёцер в по-

ПОЛНЫИ,
НАСТОЯЩИИ ПРОСТОНАРОДНЫИ
РОССИЙСКОЙ
ЛЪЧЕБНИКЪ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА
1818.

Титульный лист одной из книг по народной медицине

литическом строе России не видел никаких недостатков: отрицал наличие феодального строя, считал, что России выгоднее земледелие, чем строительство фабрик. Несмотря на это, учебник сыграл положительную роль в распространении преподавания политэкономии.

В 1823 г. профессор Л. А. Цветаев, «исправив, а в некоторых пунктах переменив» положения учебника Шлёцера, выпустил «Первые начала политической экономии, или Руководство для начинающих учиться сей науке». Как и Шлёцер, он считал земледелие

главным источником народного богатства, но замечал, что оно не должно быть единственным источником. Особенностью аграрной программы Цветаева было отсутствие специфических дворянских требований, в ней подчеркивались крестьянские нужды, требования свободной торговли хлебом.

Разраставшаяся в России государственная машина обеспечивала высокий спрос на *юридическую литературу*. Она составила в первой половине XIX в. 2% всей изданной в Москве литературы.

Изучением и публикацией работ по истории законодательства и права в России занимались Ф. Л. Морошкин, И. В. Васильев, П. Г. Редкин, Н. В. Калачов. Было опубликовано «Уложение» царя Алексея Михайловича, «Русская Правда», «Устав Владимира Киевского» и др. Своды всех действовавших законов для удобства пользования ими печатались в определенном порядке. Помимо полных сводов законов стали выходить справочники по отдельным вопросам. В 1826 г. из типографии Кузнецова вышел сборник законов «Российское уголовное право», составленный титулярным советником П. Гуляевым. Это была первая книга, в которой уголовное российское законодательство было изложено систематически. Учебник Л. А. Цветаева «Первые начала права естественного» (1826) и лекции будили политическую мысль студентов, помогали изучению русской действительности. «Законы... должны быть общие для всех граждан,— писал Цветаев,— когда власть монарха не подвержена никаким ограничениям, сие называется деспотизмом... первобытные права суть неотчуждаемы, т. е. никто не может лишить другого первобытных прав даже с согласия его». О французской революции Л. А. Цветаев писал, что она «возбудила во многих желание исследовать и изучать начала естественного права и тем самым содействовала к усовершенствованию и распространению его».

Более всего книг издал Цветаев по римскому праву. В работе «О влиянии правоведцев на усовершенствование римского права» (1830) он одним из первых подчеркнул активную роль римских юристов в совершенствовании норм частного права.

Основную часть изданий юридической литературы составили руководства, по которым можно было за короткое время познакомиться с особенностями отправления должности в судебных местах, с устройством го-

сударственных учреждений, с основами делопроизводства.

Социальные потрясения конца XVIII и начала XIX в. вызвали огромный интерес к *философии*, отражавшей новые формы общественного сознания, новые системы идей. Книги, включавшие в себя эти идеи, подвергались особой проверке и в России не издавались. С новыми философскими течениями знакомились в основном по зарубежным изданиям. В Московском университете И. И. Давыдов, М. Г. Павлов и некоторые другие профессора, изучив основные положения философских течений, пересмотрев их с собственных позиций, вводили затем в свои книги, статьи, лекции. Современники вспоминали, например, что с философией Шеллинга знакомились на лекциях М. Г. Павлова.

Известно, что многие тогда жаловались на отсутствие книг по философии. Может создаться впечатление, что они вообще не печатались, но это не так. Издавались книги по истории философии (например: К. Зедергольм. История древней философии. М., 1841), по отдельным вопросам философии (неоднократно переиздавалась «Краткая логика и риторика»; «Разговор Сократа ... о красоте», 1843; «Нынешний способ познания», 1839). Названия многих философских сочинений отражали понимание мира как божественного промысла: «Зритель Божиих дел во вселенной, или Внимательное рассматривание мудрого порядка, красоты и совершенства Натуры во всех царствах и элементарных действиях» (2-е изд., 1820, пер. с нем.). Трижды была издана философско-дидактическая поэма «Опыт о человеке» А. Попа. Сочинения по философии составили около 2% общего количества изданной в Москве литературы.

Появилась, правда, в небольшом количестве литература по социальным проблемам. Она отражала в основном деятельность московских комитетов, покровительствовавших сиротам, нищим, детским приютам, богадельням, тюрьмам.

Религиозная литература давала читателям определенную систему идей, взглядов на мир и на место в нем христианина, определяла этические нормы его поведения в обществе. Такова книга «Рассуждение об истлении и сожжении всех вещей, по чудесам онаго в царстве натуры и благодати относительно к большому и малому миру (*macro et microcosmice*) яко ключ, ко-

торым отверзается путь к усовершенствованию, обнажается сокровенное в тварях и основательно познается просветление смертного тела» (1816).

В книгах по этике, как переводных, так и оригинальных, философская категория нравственности переплеталась с понятием нравственности в христианской религии: «Нравственная энциклопедия, содержащая обязанности человека в общежитии» (ч. 1—2, 1804), «Основы философии нравственной и политической» (1837), «Краткое руководство к обращению грешной души на путь истинный» (1840). Распространены были книги по священной истории. Религиозная литература составила около 12% общего количества изданной в Москве.

Масонские ложи, Библейское общество (1812—1826) распространяли *мистическую литературу*. Сочинение Дергама «Бог в натуре, или Божественная и истинная метафизика и физика, доказанная бытием и свойством Божиим» (1820) содержало мистические рассуждения о природе. В России были распространены сочинения де ла Мот Гион. В Москве вышли ее «Избранные сочинения, или Изъяснения и размышления на деяния и послания святых Апостолов, руководствующие ко внутренней жизни» (1820—1821). Книги этого автора были осуждены Собором епископов во Франции и папой римским как наполненные заблуждениями квиэтизма. Автор во Франции была осуждена на заключение. В России ее книги были запрещены с закрытием Библейского общества.

Масонская литература изобиловала иллюстрациями с символикой. Например, в 1834 г. вышли извлечения из книги Фомы Кемпийского «О истинной мудрости» с символическим рисунком и подписью «Терпите друг друга в любви, стараясь соблюдать единство духа в союзе мира». К мистической литературе можно отнести «Открытые тайны древних магов и чародеев, или Волшебные силы природы» (1798—1804). Перевод был сделан В. А. Левшиным из сочинений Г. Галле, профессора Прусского королевского кадетского корпуса. Книга давала представление о состоянии науки того времени.

Сочинение аббата Баррюэля, очевидца Великой французской революции 1789 г., «Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы»

(1805—1809, пер. П. Домогатского) объясняло происхождение и весь ход революции, а также возведение на эшафот Людовика XVI происками и деятельностью франкмасонских лож. Через несколько лет, в 1816 г., вышла книга Карла фон Плуменека «Влияние истинного свободного каменщицества во всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначального его установления (основания)», направленная в защиту масонского ордена.

Литература по этике, а также христианские наставления своими нравочениями были близки *педагогике*. Особое место во всей этой литературе уделялось проповеди нравственности.

В первой половине XIX в. не утихал спор о начале просвещения на Руси. Одни считали, что просвещение стало распространяться со времени реформ Петра I, другие связывали его с принятием христианства на Руси и считали, что развивать его необходимо на религиозно-нравственной основе.

Обозреватель литературы за 1835 г. упрекал воспитанника Московской практической академии Лукутина за то, что он в своей «Речи о постепенном образовании в России» начало образования отнес ко времени Петра Великого, в то время как «первый шаг к образованию был сделан Россией в одно время с принятием христианства и даже ранее, нежели во многих других Европейских государствах»³².

В Москве была издана книга «О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании», вероятно, написанная кем-то из славянофилов. Цензура разрешила напечатать ее в 1849 г. 2-м изданием тиражом 12 тыс. экз. При этом из работы были исключены отдельные места: «рассказ о том, как два брата-князя сделали своих крестьян свободными хлебопашцами, за исключением нескольких семейств, которых нравственность и домовитость еще не довольно надежны, чтобы они могли жить без отеческой опеки»; отрывок, в котором князья давали «отчет в исполнении своей обязанности как помещиков», о создании школы, «в которой одинаково воспитывались и могут воспитываться все, от великих князей до простолюдина»; «рассуждение о всенародной грамотности», взгляды самого автора: «Впрочем, несправедливо было бы думать, что я, защищая всенародное распространение церковной грамотности... и притом не

иначе как на религиозно-нравственном основании, хочу отодвигать народ в понятиях его в X и XII века, тогда как разворачивается новая жизнь и появились новые потребности в гражданском обществе... сколько бы ни было их [школ], я уверен, что число их ничтожно в сравнении с потребностями общего населения помещичьих имений. Пройдет лет 10, 15, много 20, и помещичьи крестьяне далеко отстанут в образовании от свободных хлебопашцев, крестьян государственных и удельных. А кто будет этому виною, как не сами помещики? На них-то будет лежать ответственность пред правительством и пред лицом того, чьею неисповедимой волею возложена на них обязанность заботиться о благе этих людей»³³.

Книги по педагогике и просвещению составили около 3,5% всей вышедшей литературы. К ним отнесены книги о нравственном и физическом воспитании, о воспитании домашнем и общественном, о роли труда, единственная книга о воскресном обучении на фабриках в Москве. Сюда же причислены и речи, произнесенные преподавателями и воспитанниками на торжественных заседаниях в учебных заведениях, которые отражали в том или ином виде учебный процесс. Они составили большую часть всех книг по педагогике и просвещению.

В первой половине XIX в. вышло около 14,5% книг по *истории*, более половины которых были посвящены русской истории. Повышенному интересу к истории способствовала деятельность Московского университета, Общества истории и древностей российских, Румянцевского кружка, ученых, сплотившихся вокруг Архива иностранных дел.

Из книг по всеобщей истории наиболее часто печаталась история Франции, Греции, Римской империи. Своими лекциями Т. Н. Грановский пробудил интерес к истории средневековой Европы. За исторической литературой цензура должна была внимательно следить, чтобы не пропустить крамолу. Цензор М. Т. Каченовский 20 марта 1836 г. в отзыве на книгу «Введение во всеобщую историю» писал: «Господствующая в ней мысль есть переход человечества от рабства к свободе, понимаемой сочинителем в смысле, весьма соблазнительном и превратном... Франция представляется образцом демократии и страной, предназначенною довершить в мире всеобщее преобразование»³⁴.

По всеобщей истории издавались такие книги, как «Таблицы хронологические, объемлющие все части всемирной истории из года в год от сотворения мира до XIX столетия» Ж. Блера (Т. 1—2. 1835). Переводчик этой книги князь Иван Голицын дополнил ее. Он довел хронологию событий по русской истории до вступления на престол Александра I, составил алфавитный указатель достопамятных происшествий и указатель времени основания и конца древних и новых государств.

Война с Турцией вызвала к жизни около 20 исследований по истории Турции. Российское правительство попыталось ограничить их издание. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде не разрешил издавать в 1849 г. «по разным политическим соображениям» «Историческое обозрение Турции» Н. Всеволожского³⁵.

Постоянным спросом читателей пользовалась биографическая литература. В 1814 г. имелось «пять разных изданий жизни графа Суворова-Рымникского, четыре жизни князя Кутузова-Смоленского; два издания похода Наполеона в Россию... все книги печатаны были в одно почти и то же время у разных книгопродавцев»³⁶. Книги эти были невысокого научного уровня. В основном они переписывались из иностранных изданий. В 1814 г. в Московский цензурный комитет обратился книгопродавец Заикин с жалобой на то, что напечатанная им в Петербурге книга «Дух Наполеона Бонапарта» вышла в Москве на средства книгопродавца Немова под названием «Характер Наполеона, или Дух и свойства Наполеона». Выяснилось, что автор, студент Гольтенов, ставший кандидатом Московского университета, еще до войны 1812 г. передал свою рукопись для печатания одному из книгопродавцев, но она так и не увидела света. Тогда он уже после 1812 г., сделав некоторые дополнения, отдал рукопись книгопродавцу Немову, который и напечатал ее на свои средства в 1813 г. Источниками для написания книги Гольтенову послужили «Исторические письма о Франции», «Наполеон и народ французский», «Вот как-ков Бонапарте», журнальные и публичные известия³⁷.

В первой половине XIX в. курс русской истории выделяется из всеобщей истории в самостоятельный. Широким изучением источников русской истории и их публикацией занимались кружок Румянцева, Общество истории и древностей российских. Прекрасно подго-

товленные публикации исторических памятников с комментариями были сделаны К. Ф. Калайдовичем, Р. Ф. Тимковским, П. М. Строевым, М. П. Погодиным. П. А. Муханов опубликовал в 1835 г. «Рукопись Жолкевского. Начало и успех Московской войны в царствование Его Величества Короля Сигизмунда III, под начальством его милости пана Станислава Жолкевского, Воеводы Киевского, напольного коронного гетмана» по двум спискам: один принадлежал библиотеке Залусских, вошедшей в состав Публичной библиотеки, другой, переписанный с собственноручных записок Жолкевского, был найден в Польше. При книге были план и вид Смоленска и портрет князя М. В. Скопина-Шуйского, срисованный с живописного изображения XVII в.

Н. В. Калачов издал на основе своей диссертации о «Русской Правде» ее текст по четырем спискам и «Исследование о „Русской Правде“» (1849). Он же начал издавать журнал «Архив историко-юридических сведений о России» (1850).

Исторические памятники служили источником для издания их адаптированных вариантов, а также очерков, рассказов, повестей, романов. Например, Н. Головин издал «Сказание о побоище Великого князя Дмитрия Иоанновича Донского с нечестивым царем Мамаем и с бесчисленными татарами на Дону, на реке Непрядве, на поле Куликовом, 1380 г. 8 сентября» (1835). Он назвал книгу сочинением XV столетия, но не указал источников. В примечаниях он сообщил, что тела Пересвета и Осляби, героев Куликовской битвы, привезены в Москву, что гробница их найдена в Старом Симонове, в трапезной церкви Рождества, в слободке близ Симонова монастыря.

Учебники по русской истории писали С. Н. Глинка, Н. А. Полевой, М. П. Погодин. Книга М. П. Погодина «Начертание русской истории для училищ» (1835) содержала краткий очерк от Рюрика до смерти Александра I.

В 1847 г. праздновалось 700-летие Москвы. К этому юбилею был издан ряд книг, научных исследований, среди которых книга П. В. Хавского «Семисотлетие Москвы (1147—1847), или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков».

Среди научных изданий по русской истории были книги разных направлений. М. Т. Каченовский, основа-

тель «скептической» школы, отвергал достоверность важнейших памятников Древней Руси: летописей и «Русской Правды», но сильной стороной его учения было признание закономерности исторического развития, причинности и взаимной связи исторических явлений.

М. П. Погодин проповедовал норманистскую концепцию происхождения Руси. И хотя подвергался за это резкой критике, не отказался от нее. Разыскивая факты в подтверждение этой теории, он наиболее полно исследовал древний период русской истории, собрав огромный фактический материал.

В отличие от научных изданий учебники и популярные книги по истории имели большой тираж. Памятники, подготовленные кружком Румянцева и печатавшиеся тиражом всего 600 экз., оставались нереализованными всю первую половину XIX в.

В небольшом количестве издавались работы по теории изящных искусств, о сущности искусств, о подражании в искусстве, способе судить о живописи. Среди знатных вельмож была мода коллекционировать памятники искусства, как русского, так и зарубежного. Первый журнал по искусству — «Журнал изящных искусств» (1807) распространял художественные знания об итальянских мастерах XVI—XVII вв., античной скульптуре, древней иконописи, русских граверах. Популяризировалось искусство в художественных альбомах. Для любителей рисования издавались руководства.

Конец XVIII и первая половина XIX в. для Москвы стали временем особенно интенсивной застройки. Издавались книги по истории гражданского и церковного зодчества. Много было руководств для индивидуальных застройщиков. «Архитектурный альбом» (1832), например, представлял геометрические фасады соборов, монастырей, церквей, жилых домов Москвы. Большая часть гравюр выполнена была К. Я. Тромониным. Альбом издан в трех видах: иллюминированный, на цветной бумаге и на белой бумаге — и продавался соответственно по 100, 45 и 30 руб. Другая книга, «Полная архитектура для городских и сельских хозяев» (1836), служила руководством для постройки зданий без помощи архитектора и содержала описания и чертежи городских и загородных домов, скотных дворов, птичников, голубятен, колодцев, фонтанов, па-

вильонов, беседок, статуй, ворот, террас, теплиц, оранжерей, садков для хранения рыбы, овчарен, погребов, подвалов. Скульптура как независимый от архитектуры вид искусства только начала формироваться. Вышло несколько книг: о памятниках П. Г. Демидову в Ярославле, Н. М. Карамзину в Симбирске.

Характерными изданиями для первой половины XIX в. были собрания песен, романсов как без нот, так и с нотами. Именно в это время был создан основной песенный фонд, который в значительной мере определил характер национально-поэтической культуры и наложил отпечаток на музыкальный быт русского общества. В сборники обычно входили сочинения разных авторов, но появились и песенные циклы А. Л. Гурилева, Д. Н. Кашина, М. И. Глинки, А. А. Алябьева.

Издавались музыкальные сочинения для фортепиано, гитары, реже для скрипки, флейты, арфы. Распространены были сборники с нотами для танцев. В 1830-е годы появились музыкальные альбомы по типу литературных альманахов. Наиболее известен музыкальный альбом «Новоселье», изданный нототорговцем Миллером в Москве в 1834 г.

Пользовались спросом учебники игры на музыкальных инструментах, церковные музыкальные сочинения. Любое торжество сопровождалось музыкой. Для этого заказывались кантаты, сочинения для хора с оркестром, целые театральные представления. Все это потом издавалось. Бедно представлены в русской нотной печати оперные клавиры. Печатались лишь отрывки и увертюры из опер и балетов. Интерес к серьезной классической музыке небольшой группы знати удовлетворялся в большинстве случаев ввозимыми зарубежными изданиями.

Первая половина XIX в. в русской литературе — это эпоха, когда близко сошлись такие литературные течения, как классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм. Книг по истории и теории литературы, фольклору, мифологии выпущено около 2% общего количества вышедшей в Москве литературы. В этот подсчет вошли хрестоматии русской, французской, немецкой, римской и греческой литератур с их краткой историей. Своими лекциями в университете; в Университетском благородном пансионе пробуждал интерес к литературе профессор А. Ф. Мерзляков, сам поэт, пере-

водчик и критик. Его «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» выдержала четыре издания. Сочинение И. И. Эшенбурга, которым Мерзляков руководствовался при чтении лекций, он значительно переделал, пополнил материалами по русской литературе и издал под названием «Краткое начертание теории изящной словесности» (1822).

Профессор Х. Ф. Маттеи занимался изучением и публикацией древностей, особенно греческих, хранившихся в библиотеках Синода и Синодальной типографии. Им было издано с 1801 по 1811 г. 11 книг.

До сих пор вызывает интерес «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» (1836) С. П. Шевырева, которая включала обзор развития мировой поэзии и характеристику древнеиндийской и древнееврейской поэзии. Исторический принцип, положенный С. П. Шевыревым в основу рассмотрения явлений поэтического творчества, был шагом вперед в русской филологической науке.

Привлекали к себе внимание богатством сведений «Чтения о новейшей изящной словесности» (1835) Б. Вольфа, профессора Иенского университета, включавшие обзор французской, английской, нидерландской, испанской, итальянской, португальской, венгерской, датской, шведской, польской, немецкой словесности. В перевод этой книги была вставлена глава и о русской литературе, написанная переводчиком.

По теории поэзии продолжали издаваться сочинения Н. Буало, изложившего правила и нормы классицизма в поэме «Поэтическое искусство» (1674). Но молодежь все чаще его критикует, называет бездушным, превратившим поэзию в какое-то механическое ремесло.

Литературная борьба шла на страницах журналов. Оттиски некоторых статей выходили отдельно. Среди них были рассуждения по теории литературы, о зарубежных писателях: «О чудесном в поэзии», «О скандинавских сагах», о Гете, Шиллере, Шатобриане, Шекспире.

Интерес к фольклору способствовал появлению специальных исследований, среди которых выделялись труды И. М. Снегирева, Ю. И. Венелина. По-

следним была издана, например, книга «О характере народных песен у славян задунайских» (1835).

В начале XIX в. давали о себе знать неразработанность вопросов *языкознания*, русской грамматики, отсутствие систематических исследований, общих, неспециальный характер существовавших изданий. Научные работы появлялись лишь в виде статей в журналах, сборниках.

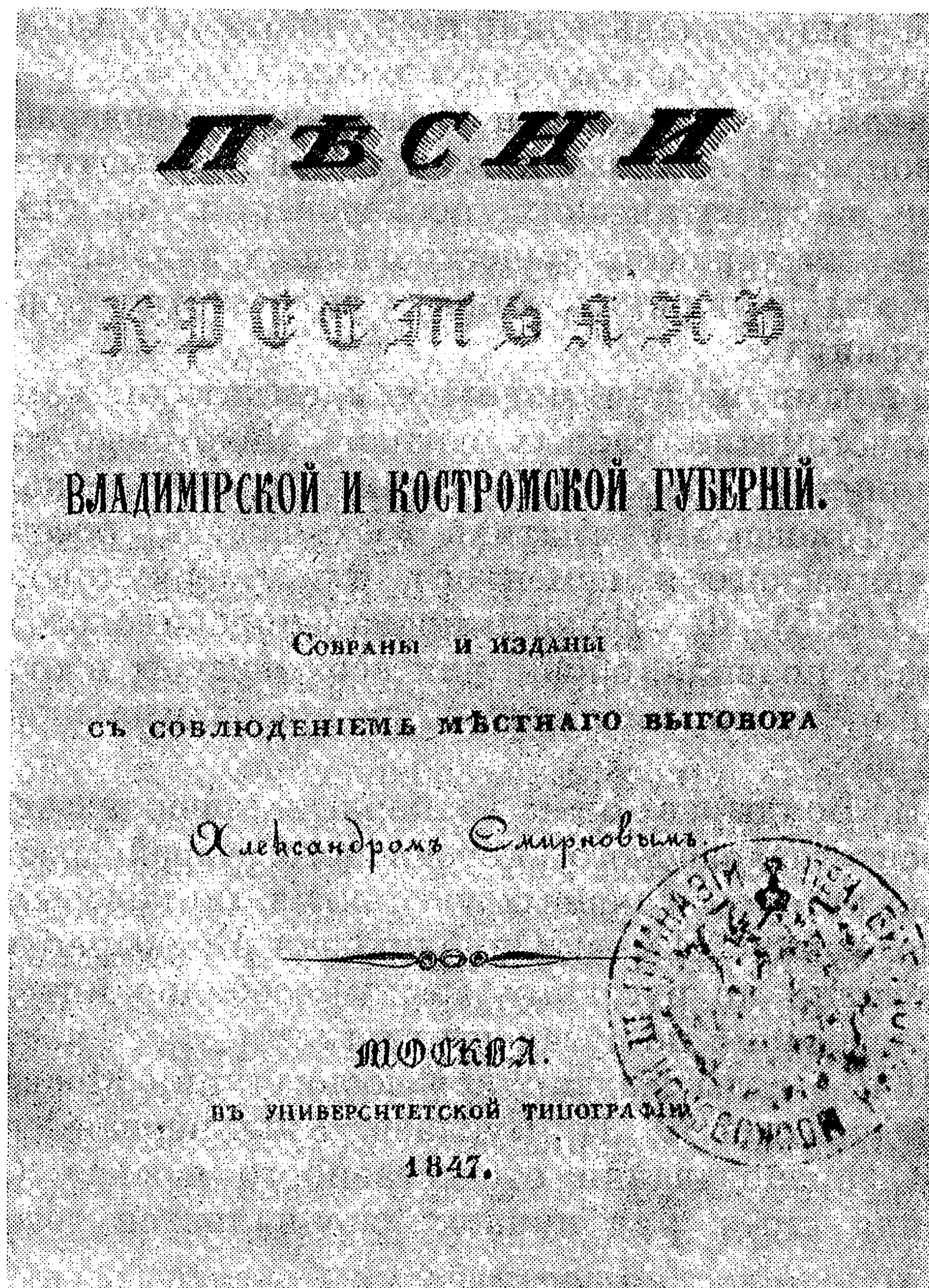
Основными изданиями были грамматики, самоучители, хрестоматии разных языков. Некоторые из них были приспособлены к изучению сразу нескольких языков. Такова «Грамматика трех языков: российско-го, французского и немецкого, или Совокупный свод оных» (1835) Ф. Володимирова-Смородинского. Она содержала правила, общие для всех языков, и отличия их друг от друга, методiku обучения грамматике каждого из них.

А. В. Болдырев, один из первых преподавателей в университете арабского, персидского, еврейского языков, был автором и первых учебников, по которым учились до конца XIX в. Опубликовал Болдырев и ряд исследований по русскому языку, особенно интересны его исследования по русскому глаголу.

В 1840-е годы выдвинулся воспитанник Московского университета Ф. И. Буслаев. Уже первая его работа «О преподавании отечественного языка» (1844) поставила его в ряд лучших специалистов того времени.

Распространен был опыт издания книг на основе прочитанных лекций как самими преподавателями, так и их слушателями. «Опыт полного учебного курса русской грамматики для преподавания русским и иностранцам» (1835) был издан по лекциям И. И. Давыдова слушателем, скрывшимся под инициалами «М. Д. И.».

Научная деятельность в языкознании во многом была связана с исследованиями, которые велись в Обществе любителей российской словесности и Обществе истории и древностей российских в области старославянского, древнерусского, церковнославянского языков при издании памятников древнерусской письменности. М. Т. Каченовский выдвинул ошибочный тезис о сербской основе славянского языка, но тем не менее им были сделаны ценные наблюдения над языком древнерусских памятников, он первым обратил внимание на различия между светским и церковным

Титульный лист одной из книг по фольклору

языками в памятниках Древней Руси. В 1848 г. Ф. И. Буслаев защитил диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык», которой положил начало научному изучению древнейшего словарного состава славянских языков. В 1858 г. им был издан «Опыт исторической грамматики русского языка» — первая книга по истории русского языка.

Учебники, азбуки, словари, хрестоматии по русскому и иностранным языкам составили около 9% всех изданий.

Одним из распространенных видов изданий была *детская литература*. Для детей издавались сборники с характерными названиями: «Для милых малюток»,

АЗБУКА

ДЛЯ

МИЛЫХЪ ДѢТЕЙ,

ИЛИ

ЛЕГЧАЙШІЙ СПОСОБЪ

ОБУЧАТЬ РОССІЙСКОМУ ЧТЕНІЮ.

СОСТАВИЛЪ

Федотъ Жузьмичевъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

ПОДАРОКЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. СКИРНОВА.

1837.

Титульный лист азбуковника

«Подарки детям». Из типографии Лазаревых вышла «Забавная игрушка для малюток, составляющая полезную и приятную восточную сказочку, в 12 механических картинках, изображающих приключения брата и сестры, Линдора и Анины, детей государя Кашемирского» (1835), где все чудесные превращения происходили перед глазами маленьких читателей посредством выдвигаемых картинок.

Знакомство детей с науками начиналось с раннего возраста с помощью картинок. А. С. Ширяев рекламировал изданную им книгу под названием «Дет-

ская комната» (1817), в которой содержались 33 «искусно гравированных картинки с изображениями природы, исторических событий, художеств, наук и ремесел с пояснениями к ним». Для детей издавались игры в виде фишек по истории, географии, математике, с изображениями национальных типов. Здесь же был складной глобус, забавный зверинец, астрономическая игра.

Наиболее популярными были азбуки, по которым можно было научиться читать, писать, считать, рисовать, выучить молитвы, познакомиться с русской историей, начать изучение французского и немецкого языков. Азбуки выходили и в виде книжек, и в виде карточек.

Книги для начального обучения по арифметике, географии, истории были краткими, хорошо иллюстрированными. Учебная литература для гимназий, институтов, пансионов, университета отражала современный уровень развития науки. Учебники писались просто, доходчиво. Материал делился на небольшие главки.

Несколько раз переиздавалась «Детская энциклопедия, или Сокращение всех наук» с гравированными картинками. Энциклопедия давала краткое понятие о науках. Большое место среди литературы для детей занимали художественная литература, жизнеописания великих людей, живописные альбомы, драматическая литература.

В редколлегию «Библиотеки для воспитания» (1843—1846), рассчитанной на детей от 8 до 10 лет, были приглашены известные ученые и писатели: С. П. Шевырев, отвечавший за словесность, Д. Л. Крюков — за древнюю филологию, Т. Н. Грановский — за среднюю и новую историю, П. Г. Редкин — за педагогику и общее редактирование, М. П. Погодин — за русскую историю, О. М. Бодянский — за славянскую историю, А. П. Зонтаг — за отдел русских сказок, преданий. Членами редколлегии были также А. С. Хомяков, Н. М. Языков. В «Библиотеке» печатались статьи по истории народов, по истории Москвы. Здесь помещены стихи Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, А. А. Дельвига. По естественной истории обращает на себя внимание статья К. Ф. Рулье «О влиянии наружных условий на жизнь животных» (ч. 2, 3, 1845).

Художественная литература

Художественная литература (около 32% всех изданий) почти наполовину состояла из романов и повестей (из них переводных около 60%). Охотнее всего посетители книжных лавок покупали романы «ужасные», «забавные», «чувствительные», «сатирические», «моральные», выходявшие изящными томиками в одну восьмую долю листа, малым форматом, объемом не более 200—250 страниц, с красивым прифтом, гравированными иллюстрациями в начале или конце книги, изображавшими сцены встреч, прощаний, молитв.

В начале века популярны были сочинения Н. М. Карамзина, П. И. Шаликова, А. Е. Измайлова. Нравоописательная сатирическая проза была ярко представлена сочинениями В. Т. Нарезного. Его повести «Российский Жильблаз», «Бурсак», «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» имели успех у читателей. В. Г. Белинский причислял Нарезного к писателям «с замечательным и оригинальным талантом» и считал, что «Бурсак» и «Два Ивана» — это первые русские романы³⁸. Современники называли Нарезного «русским Теньером» по имени фламандского художника, для творчества которого был характерен грубоватый натурализм в живописи. С сочинениями Нарезного был хорошо знаком Н. В. Гоголь. В его «Вие» можно узнать бурсаков Нарезного, в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович» — сюжет «Двух Иванов».

Однако русских романов было недостаточно, чтобы удовлетворить жажду читателей к чудесному, необычному, чувствительному. Переводы английских, французских, немецких романов заполняли книжный рынок. Один из современников замечал: «Англия, Германия, Франция едва успевают блеснуть каким-нибудь произведением умов своих и талантов; едва рецензент подаст о них понятие, как уже неусыпные переводчики наши перетаскивают оное на язык русский...»³⁹ Наиболее часто переводились сочинения мадам Жанлис, Коттень, Радклиф, Дюкре-Дюмениля, Коцебу, Лафонтена. О романах этих авторов В. Г. Белинский писал: «...добрый немец Август Лафонтен пленял в романе чувствительные души приторно-сладенькими мещанскими картичками семейственного счастья в пе-

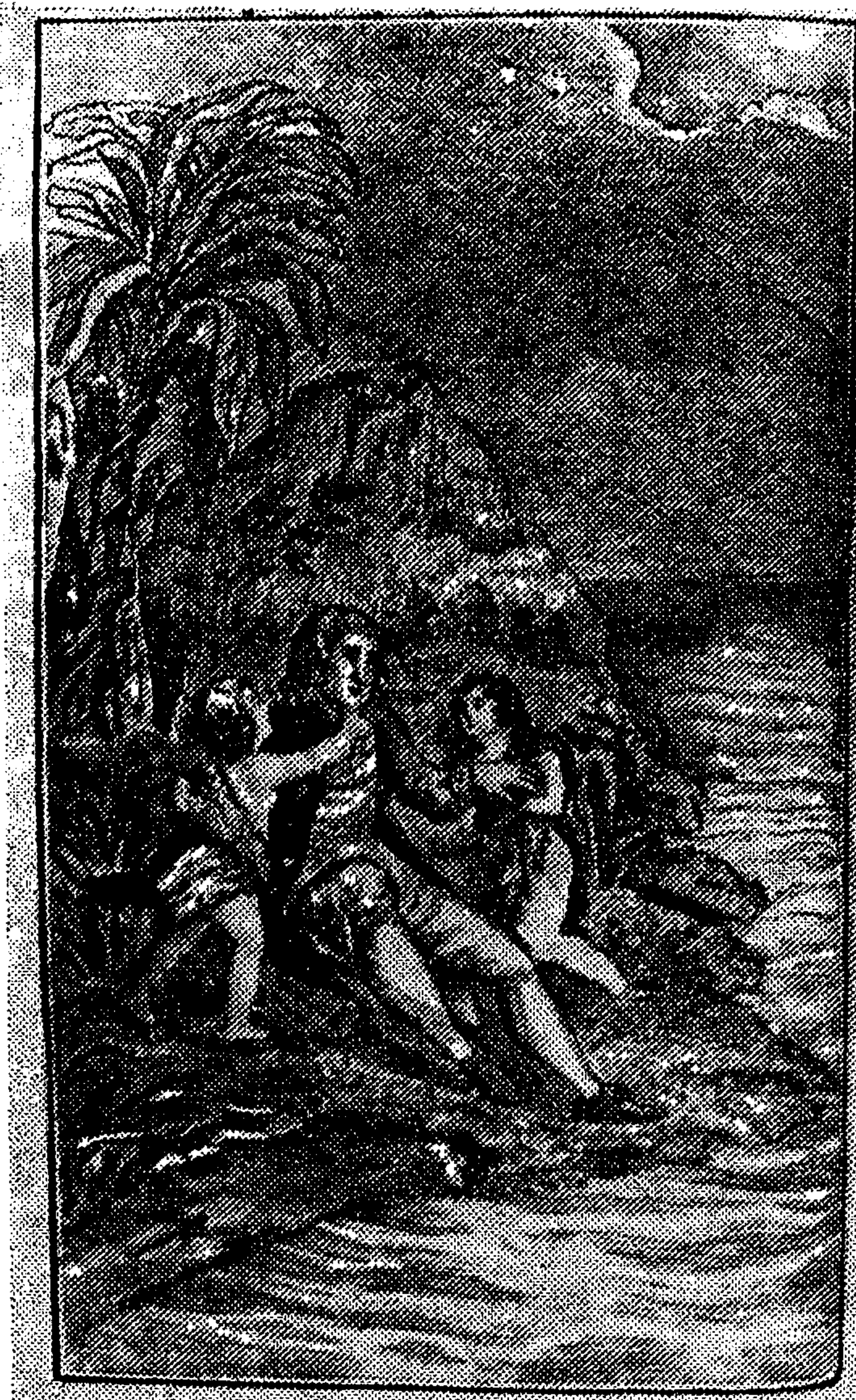
мецком вкусе. Француз Дюкре-Дюмениль рассказывал в романах о детях, рождение которых покрыто тайной, но которые потом благополучно находят своих „дражайших родителей“, папеньку и маменьку, и делаются богатыми и счастливыми. Англичанка Анна Радклиф пугала в романе воображение своих читателей явлениями мертвецов и призраков, которые потом очень естественно объяснялись тайными ходами и дверями в замках... Г-жи Жанлис и Коттен прославились сентиментально-моральными романами, но у первой на главном месте была мораль — ее неизбежная спутница — скука»⁴⁰.

Современники к увлечению подобными романами относились с юмором. В сатирической сценке, помещенной в «Новостях русской литературы», издатель делает заказ автору: «В нынешний год дети отменно удаются... Я прошу... какого-нибудь романа под названием: Дитя или Дети... чьи хотите! Любо смотреть, как скоро сбываем с рук Детей тайны, или Детей, рожденных в лесу. Лучшие авторы забыты из-за этих удивительных творений...»⁴¹ О романах с описаниями приключений и любовных переживаний героев «Вестник Европы», беря в расчет разный уровень читателей, писал, что «надобно всякому что-нибудь поближе: одному Ж. Ж. Руссо, а другому Никанора (злосчастного дворянина)», так как есть надежда что тот, «кто начинает злосчастливым дворянином, нередко доходит до Новой Элоизы»⁴².

Декабристы отдавали предпочтение романам мадам де Сталь, которая проповедовала культ свободного чувства, независимость от сильных мира сего, противопоставляла уединение от общества, нравственность, культуру ничтожности «порочных дворов», «царей и богачей». Популярностью пользовался ее роман «Коринна» с яркой любовной интригой. Одним из первых он знакомил русского читателя с великим итальянским поэтом Данте.

Читали «для забавы» и «Дон Кихота» Сервантеса, не раз переведенного В. А. Жуковским с нескольких французских изданий. Переводы были далеки от совершенства и давали приблизительное представление об оригинале, однако сатирическая направленность романа была подмечена уже тогда.

Много споров велось вокруг Шатобриана, самого яркого романтика Франции, да и Европы. Его роман

ЛОЛОТТА
И
ФАНФАНЪ,

или
приключеніе
двухъ младенцовъ,

оставленныхъ
на необитаемомъ островѣ.

Алисская сказка
Г. А. М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание четвертое.
Переводъ съ Французскаго

МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи у А.
Рѣшетникова

1804 года.

Титульный лист и фронтиспис одного из популярных романов

«Атала» несколько раз переиздавался в России. К сочинениям Шатобриана привлекали мастерство рассказчика, экзотичность материала. Но политические взгляды Шатобриана не встречали сочувствия у декабристов. В книге «Дух христианства», представлявшей смесь претенциозных афоризмов, картин, рассуждений, проповедовался католицизм, необходимость реставрации Бурбонов. Некоторая популярность этой книги в России была вызвана тем, что при дворе увлекались мистикой, были случаи перехода в католицизм.

Интерес к истории способствовал появлению исторических романов. Заслуженным признанием пользовалось сочинение Ж. Ж. Бартеlemi «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине IV века рождения Христа». О сочинении «Афинские письма, или Переписка одного агента, находившегося по тайным препоручениям от царя персидского в Афинах, в продолжение войны Пелопонесской», авторами которого была группа студентов Кембриджского университета, Ж. Ж. Бартеlemi заметил, что не начинал бы писать своего «Анахарсиса», если бы знал, что суще-

ПУТЕШЕСТВІЕ
МЛАДШАГО
АНАХАРСИСА
ПО ГРЕЦІИ,

*въ половинѣ четвертаго вѣка до
Рождества Христова.*

Переведено съ Французскаго
П. Страховымъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА, 1803.

Въ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Полова.

Титульный лист одного из популярных в России сочинений Ж. Ж. Бартеlemi

ствуют «Афинские письма». Это сочинение было построено в форме донесений, направляемых шпионом персидскому царю о греческом обществе в годы Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.). Авторы-студенты, писавшие мнимые донесения, опирались на источники той эпохи, в результате в их сочинении появились герои с манерой думать, поступать, говорить, писать, характерной для той эпохи. Это вызвало интерес к книге.

Сочинения Вальтера Скотта Пушкин называл «пищей для души». В России у него были подражате-

ли — М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников, выросшие в крупных романистов своего времени. Главными героями русских исторических романов чаще всего были Дмитрий Донской, Мазепа, Борис Годунов, Малюта Скуратов, Иван Грозный, Бирон, Суворов, Стенька Разин, Ермак, Дмитрий Пожарский.

Большое значение в жизни современников имел театр. *Драматических произведений* в сравнении с романами было издано немного, они составили всего около 1,5% общего количества изданной художественной литературы. Но они имели большое влияние на общественную жизнь, так как воздействовали и на читателя и на зрителя. На сцене ставились трагедии Вольтера, Шиллера. Вольтер оставался кумиром русского зрителя, его сочинения отвечали требованиям передовой общественной мысли, они оказали влияние на декабристов, на формирование русской классической трагедии А. П. Сумарокова, Н. П. Николева, Я. Б. Княжнина, В. А. Озерова. М. П. Бестужев-Рюмин признавался: «Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера»⁴³.

Продолжали издаваться и ставиться на сцене комедии Мольера. Не менее популярны были драмы Шиллера, особенно «Коварство и любовь». Он имел много подражателей, среди них выделялся по количеству и занимательности пьес А. Коцебу. Авантюрист по своему складу, он участвовал в военной кампании 1812 г. на стороне русских войск, был литератором, издателем, журналистом, путешественником, в 1819 г. он был убит в Германии как русский шпион студентом Карлом Зандом. Прогрессивными людьми России это было воспринято как справедливое возмездие. На пьесы Коцебу ходила рукописная эпиграмма князя Горчакова: «Гуситы, Попугай предпочтены Сорене, И Коцебятина у нас одна на сцене» (под Сореной имелась в виду героиня пьесы Н. П. Николева «Сорена и Замир») ⁴⁴.

При университете существовал студенческий театр, которым руководили П. И. Страхов, друг актера П. А. Плавильщикова, юрист Н. Н. Сандунов, брат актера С. Н. Сандунова. Н. Н. Сандунов к тому же писал пьесы. В это время пользовались известностью пьесы Н. И. Ильина, Ф. Ф. Иванова. По сюжету это были семейно-бытовые драмы. В них слышалась критика существовавших порядков. В пьесе Н. Н. Сан-

дунова «Отец семейства» живописец Бедняков почитал себя, когда он работал, «выше всякого князя, графа... выше самого государя». В пьесе «Семейство Старичковых» Ф. Ф. Иванова проводилась мысль о том, что жизнь простого человека больше приносит «славы для имени русского, нежели тысяча жизней изнеженных дворян, жадных откупщиков и плаксивых ханжей».

Сборники стихов или отдельно изданные *стихотворения* составили 20% всей художественной литературы, вышедшей в Москве в первой половине XIX в. Переводов было немного — 12—15%. Чаще других переводили Байрона, древних поэтов и басни. Были случаи издания русских поэтов на французском и немецком языках, например «Бахчисарайский фонтан», «Бородино». Сочинения Пушкина, Лермонтова еще не были так популярны, как впоследствии. Современниками не был до конца осознан их талант. Профессор русской словесности поэт А. Ф. Мерзляков, читая «Кавказского пленника» Пушкина, говорят, плакал. Он «чувствовал, что это прекрасно, но не мог отдать себе отчета в этой красоте — и безмолвствовал»⁴⁵.

Распространенным видом изданий были *литературные сборники*. В начале века они назывались собраниями «образцовых» сочинений. Затем их вытеснили альманахи. Издание литературных сборников в какой-то мере компенсировало недостаток литературных журналов. Сочинения воспитанников Университетского благородного пансиона, у которых, по свидетельству современников, «прочно установился вкус» к литературным занятиям, были напечатаны в нескольких сборниках, издававшихся в небольшом формате в одну восьмую долю листа, в коричневых полукожаных переплетах. С 1800 по 1820 г. их вышло 14. Все они имели характерные названия: шесть книжек под названием «Утренняя заря», по одной «Чертеж наук и искусств» и «И отдых в пользу», две — «В удовольствие и пользу» и четыре — «Каллиопа». В 1809 г. вышли «Избранные сочинения из „Утренней зари“» (ч. 1—2), в 1824—1825 гг. — «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах» (ч. 1—3) из всех сборников.

В своих сочинениях молодые авторы чаще всего сосредоточивались на нравственных коллизиях — дружба и самопожертвование, любовь к бедным и презрение к роскоши и славе; много в них философских

рассуждений о познаваемости мира, самого себя. Часто звучал мотив любви к Отечеству. Здесь встречались имена молодого В. А. Жуковского, будущих декабристов.

Альманахи также издавались в виде небольших томов, иллюстрированных гравюрой на меди и содержащих сочинения современных поэтов и прозаиков. Обычно их называли именами античных богинь или муз. С 1822 по 1834 г. в России было выпущено 186 литературных альманахов. Альманах «Мнемозина» (имя богини памяти, матери муз в Древней Греции; кн. 1—4, 1824—1825) издавался в Москве В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским. Здесь были помещены сочинения самих издателей, стихотворения А. С. Пушкина, П. А. Вяземского Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова и др. В альманахе нашли отражение философские и эстетические взгляды декабристов и позиция кружка «любомудров». Все четыре книги альманаха имели приложения в виде музыкальных сочинений: куплеты из водевиля, романсы.

Сборники становятся характерным видом изданий и для научной литературы. 23 сентября 1841 г. вышли особые правила, по которым сборники статей по одной или разным отраслям наук, литературы, искусств, промышленности, общественной жизни должны издаваться без определения сроков, в них нельзя было помещать рассуждения о текущих событиях с обещанием продолжения в последующих изданиях. Из сборников исключались библиография и полемика, дозволялись лишь общие критические разыскания по наукам, литературе, а также отдельные рассуждения о том, что сделано по ним в тот или иной период. Подписка на сборник со взносом денег допускалась не иначе как за каждую книгу, рассмотренную и одобренную цензурой⁴⁶.

Если в художественной литературе первой четверти XIX в. романы зарубежных писателей преобладали, то во второй четверти XIX в. романы русских писателей начали вытеснять зарубежные.

1830-е годы — время зрелости пушкинского гения. Раскрылся талант М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. В лирике появились такие имена, как А. В. Кольцов, А. И. Полежаев, Н. Ф. Щербина; в беллетристике — В. Ф. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, А. А. Погорельский, В. А. Ушаков, М. Н. Загоскин,

И. И. Лажечников, Н. А. Полевой, Н. В. Кукольник, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, А. Ф. Вельтман, Д. Н. Бегичев, Н. Ф. Павлов, Н. И. Греч, О. И. Сенковский. Все это были люди богато одаренные. 1840-е годы — расцвет критического таланта В. Г. Белинского. Общественную мысль оплодотворял спор между западниками и славянофилами о путях развития России.

В 1840-е годы увидели свет «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова, «Антон-Горемыка» Д. В. Григоровича. Получили известность поэты А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. А. Фет, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, А. Н. Плещеев, Н. П. Огарев. Началась критическая и публицистическая деятельность И. В. Киреевского, М. Н. Каткова, В. Н. Леонтьева, О. Ф. Миллера, Н. И. Пирогова, П. В. Анненкова, П. М. Дружинина, А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковых, Л. Н. Толстого, А. Ф. Писемского. Москва активно участвовала в этом литературном процессе.

О небольшом сборнике стихов А. Кольцова, вышедшем в Москве в 1835 г. объемом всего 39 страниц, современник писал: «Стихотворения русского простолюдина прасола Алексея Кольцова удивили читателей глубиной чувства и мыслей в его „Вечерней думе“ и заслужили общее одобрение прелестью русской простоты в песне пахаря, празднике русских поселян и некоторых других стихотворениях»⁴⁷.

Выходили и переиздавались романы И. И. Лажечникова «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман», романы М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (7 изданий), «Рославлев». Интересен эпизод, связанный с публикацией романа Загоскина «Аскольдова могила». По предложению цензора Цветаева роман был передан в духовную цензуру, которая указала на недопустимость в характеристиках героев сходства их со святыми, предложила снять церковные песнопения⁴⁸. Загоскин приехал в Петербург, побеседовал с Бенкендорфом, разъяснил ему значение романа и получил разрешение печатать его с незначительными сокращениями. Обер-прокурор Синода обратился к министру народного просвещения с жалобой на богомерзкий роман, но не получил ответа⁴⁹.

В 1833 г. в Москве в типографии А. И. Семена была напечатана комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комедия была написана в 1823 г., а в 1824 г. списки ее разошлись по всей России. Отрывки из комедии были напечатаны в альманахе Ф. Булгарина «Русская талия» за 1825 г. Наследницей Грибоедова после его гибели стала его сестра Мария Сергеевна Дурново. Она обвинила Булгарина в том, что он, продавая комедию «Горе от ума», извлекает выгоду для себя, не имея на то права. Булгарин в одном из своих писем объяснял, что он получил право на издание комедии от самого Грибоедова, но печатать ее не мог до тех пор, пока она не будет сыграна на сцене. Разрешения на ее постановку добились петербургские актеры братья Каратыгины, Григорьев и Валберхова-старшая, им были отданы Булгариным три акта комедии, «каждому по частичке». По словам Булгарина, «три акта разыграны даром». Четвертый акт он продал актеру Брянскому за 1200 руб. Деньги ему понадобились «для переделки» портрета Грибоедова. Всю же рукопись Булгарин продал книгопродавцу Смирдину за 10 тыс. руб. с условием получить деньги после того, как цензура пропустит комедию, но в октябре 1831 г. петербургская цензура запретила ее к изданию. Булгарин возмущался обвинениями М. С. Дурново и отказался от своего права на издание комедии⁵⁰, после чего М. С. Дурново обратилась в Московский цензурный комитет с просьбой разрешить ей издать комедию.

Комедия была отдана цензору Л. А. Цветаеву, который 24 марта 1833 г. доносил в цензурный комитет, что в 1-м и 2-м явлениях 1-го действия «представляется благородная девушка, проведенная с холостым мужчиною целую ночь в своей спальне и выходящая из оной с ним вместе без всякого стыда», что в 11-м и 12-м явлениях 4-го действия «та же девушка присылает после полуночи горничную свою звать того же мужчину к себе на ночь и сама выходит его встречать». Цветаев нашел «сии сцены противными благопристойности и нравственности» и не одобрил комедию. Но так как комедия игралась несколько раз в московском театре, то он просил цензурный комитет вынести окончательное решение⁵¹. 2 мая 1833 г. из Петербурга, из Главного управления цензуры, пришло разрешение на печатание комедии с исключением монолога Фаму-

сова (2-е действие, 1-е явление). От издателя были затребованы «удовлетворительные законные доказательства своего права на издание... комедии»⁵². Их представила Екатерина Сергеевна Лассен-Геернер, прислав 23 июня 1833 г. от «доверительницы» «поручицы Дурново» «свидетельство, данное ей из (Чернского) уездного суда», в котором подтверждалось, что наследницей Грибоедова являлась его родная сестра Мария Сергеевна Дурново. Лассен-Геернер просила тогда же вернуть ей рукопись комедии «Горе от ума»⁵³.

Из сочинений М. Ю. Лермонтова при его жизни в 1840-е годы после его смерти в Москве появилось лишь несколько произведений в журналах и сборниках.

В «Отечественных записках» за декабрь 1842 г. в разделе «Библиографическая хроника» было помещено объявление о том, что в Москве выходит сборник стихотворений русских поэтов, переведенных на французский «М. М.» (Мещерским). Некоторые стихотворения были перепечатаны в «Отечественных записках», в том числе стихотворение Лермонтова «Последнее новоселье». По мнению Бенкендорфа, перевод был «не приличен» и не соответствовал «отношениям к иностранным державам». Он заметил, что переводчик плохо знает французский язык и своим переводом делает плохую услугу русской поэзии, «наносит явный вред, искажая известных наших сочинителей»⁵⁴.

С трудом, но тем не менее появлялись сочинения Полежаева. В 1835 г. был запрещен сборник его стихов «Разбитая арфа» из-за того, что цензор М. Т. Каченовский в статье «Кориолан» нашел «выражения, может быть сообразные с духом римлян, но... неприличные ни для автора, ни для читателей, благоденствующих в стране под монархическим правлением»⁵⁵. 14 мая 1837 г. цензор В. Флеров не разрешил рукопись «Часы выздоровления» «по господствующему в ней духу и направлению»⁵⁶. 10 сентября 1837 г. цензор Булыгин нашел «некоторые неприличные и неуместные выражения из священного писания в стихотворении А. И. Полежаева „Царь охоты“» и не одобрил его⁵⁷. 27 мая 1838 г. цензор И. М. Снегирев донес в цензурный комитет, что рассматриваемая им рукопись «Из Виктора Гюго» содержит переводные пьесы Полежаева из ранее запрещенных сборников «Часы выздоровления» и «Последние стихотворения Полежаева», поэтому вся

Титульный лист и фронтиспис сочинения А. С. Полежаева, разрешенного цензурой

рукопись «Из Виктора Гюго» также была запрещена⁵⁸.

Сборник произведений Н. Ф. Павлова «Три повести», вышедший под таким названием в 1835 г., состоял из повестей, печатавшихся ранее в журналах. Собранные вместе, они произвели сильное впечатление на читателей, особенно повесть «Именины», в которой рассказывалось о трагической любви крепостного музыканта к дворянке. Цензор Снегирев имел неприятели за пропуск сборника.

В 1839 г. Снегирев не пропустил комедию А. Правдина «Гражданский предводитель, или Провинциальный быт» (в 5 действиях). Он причислил ее к статьям, «кои могут производить вредные впечатления на читателей и внушать неприязненное расположение к правительству и вообще к высшим сословиям и званиям в государстве...». Снегирев писал, что в комедии «изображаются резкими чертами злоупотребления во всех родах государственной службы и во всех преимущественных местах в России». Для убедительности он привел некоторые реплики, например: «подьячие величайшие деспоты, над ними нет властей, Сената не слушают»; «все берут взятки от первого до последнего, за исклю-

чением жандармского полковника»; «в учебных заведениях берут менее от того, что не с кого брать, зато в ученых остаются дураки, которых никуда употребить нельзя»; «искусство брать взятки приведено здесь в стройную систему». Все эти высказывания, по мнению Снегирева, «ведут к заключению, будто вся государственная служба в России основана на подкупах и взятках». Далее он писал, что комедия отличается «невыгодным изображением состояния духовных и гражданских училищ». Особенно оскорбительными Снегирев считал отзывы о русском дворянстве: «у всех русских дворян заложено имение, это обычай... все по уши в долгах и не платят долгов. У нас все на одну мерку по рапжиру, никто не высовывайся»; «Будь ты совершенство во всех отношениях, да если не дашь дворянству поподличать... то они недовольны...»⁵⁹ Эту комедию Снегирев не пропустил, но ему же как цензору пришлось давать в 1841 г. разрешение на второе издание комедии Гоголя «Ревизор»⁶⁰, так как пьеса понравилась царю.

У Снегирева были дружеские отношения с Гоголем. И, вероятно, по этой причине Гоголь дал именно ему на просмотр «Мертвые души». Снегирев нашел поэму «совершенно благонамеренной», но цензурный комитет не был таким снисходительным и обвинил автора в том, что он выступает против бессмертия души и против крепостного права, и запретил рукопись. Но Петербургский цензурный комитет дал разрешение на ее публикацию. Первые два издания книги были напечатаны в Москве в 1842 и 1846 гг.

Лубочная литература

Крестьяне, мещане, купцы отдавали предпочтение лубочной литературе. Малая советская энциклопедия определяет лубочную литературу как дешевые массовые издания в дореволюционной России, многократно переиздававшиеся, к которым относятся переделки сказок, былин, житий святых, литературных произведений, сборники анекдотов, песенники, сонники, печатавшиеся обычно с лубочными картинками. Лубочные книги и листовки, как и рукописные издания, были написаны метким, кратким, образным разговорным языком. Авторы и составители этих книг и картинок часто еле владели грамотой, однако хорошо знали

жизнь народа, его запросы. Первый читатель лубка был интеллигентом того времени — дворянин, позднее офицер, чиновник, купец. Через мещан и мелкое купечество книга получила распространение в народе. В первой половине XIX в. читателями лубка были в основном крестьяне, дворовые, мещане, купцы.

Распространители лубка чаще всего сами шли к покупателям. В городах это были толкучие рынки — в Москве сначала Спасский крестец, затем, когда торг у Кремлевских стен был запрещен (1812), — Сухаревская площадь, Холщевый ряд в Китай-городе, Мытный двор у Москворецкого моста. Здесь книги и картинки развешивали для обозрения на веревочках или прикрепляли к церковной ограде; продавец («ходебщик») громким голосом, иной раз в стихах, толковал их содержание, перемежая свою рекламу суждениями о политике. В деревню лубки попадали через офеней (книгонош, коробейников, картинщиков).

Лубочная литература всегда считалась литературой второго сорта, против нее постоянно боролись, а она продолжала жить и находила постоянный спрос. В. Б. Шкловский считал, что писатели потому нападали на лубочную литературу, что видели в ней врага, конкурента, притом преуспевающего.

Среди лубочной литературы были особенно любимые и популярные сочинения. Далекое не все они попадали в книготорговые каталоги, поэтому трудно учесть все издания. По нашим подсчетам, в Москве в первой половине XIX в. было 32 издания «Анекдотов о Балакиреве»; 17 — «Истории о храбром Франциле»; 13 — «Повести о приключениях Аглинского Милорда Георга»; 11 — «Истории о славном Еруслане Лазаревиче»; 8 — «Сказки о славном Бове Королевиче». Много было изданий с такими названиями: «Старичок весельчак», «Дядя по носу глядя», «Емеля Пустомеля», «Не любо — не слушай, а врать не мешай».

Сочинителя лубочной литературы Матвея Комарова, чьи книги издавались с 1771 по 1918 г., Л. Н. Толстой называл самым знаменитым русским писателем. Сочинение Комарова «Обстоятельное и верное описание жизни славного мошенника и вора Ваньки Каина и французского мошенника Картуша» в первой половине XIX в. нам не удалось зарегистрировать. Эта книга была запрещена цензурой. Но ее помнили и хорошо знали. Сюжет ее использовался многими писа-

телями. 22 декабря 1833 г. цензор Н. Лазарев не одобрил рукопись «Ванька Каин. Нравоописательный роман», так как сомневался в ее «благотворительном влиянии»⁶¹. В. Ф. Потапов в 1846 г. издал русскую сказку в стихах в двух частях «Ванька-Каин».

Сочинение Комарова «Повесть о приключениях Аглинского Милорда Георга» издавалось вплоть до 1918 г. Читателя привлекали эротичность и необычность материала. Последнее издание «Георга» 1918 г. было уничтожено.

«История о храбром рыцаре Франциле Венециане и о прекрасной королевне Ренцивене» была составлена дворовым человеком Андреем Филипповым и не уступала по своей популярности «Георгу». Плодовитым сочинителем дешевой литературы был Ф. С. Кузмичев, «сын природы», как называл он сам себя. Его романы, сказки наиболее часто издавались в 1830—1840-е годы. Эти сочинения также не все пропускались цензурой. Цензор Л. А. Цветаев 12 декабря 1830 г. не одобрил ни одной из трех рукописей А. А. Орлова. Первая рукопись под названием «Настоящий русский купец» — «плохая сказка»; вторая — «Восемь купеческих сундуков и пр.» — «описание походов распутных молодых людей» и третья — «Круторогий Баран и пр.» — похождения «пьяницы мужа и развратной жены». Все три рукописи «совершенно противны благопристойности»; Цветаев предлагал запретить их и предупредить автора, чтобы «он впредь не осмеливался представлять в оный [цензурный комитет] такие соблазнительные и постыдные для него сочинения»⁶².

Популярность лубочной литературы могла объясняться и тем, что других дешевых изданий для народа было мало. Когда в 1830-е годы возник вопрос об издании дешевого журнала для народа, министр народного просвещения был категорически против; вместе с Главным управлением цензуры он считал, что «приводить низшие классы некоторым образом в движение и поддерживать оные как бы в состоянии напряжения не только бесполезно, но и вредно»⁶³.

Уваров воевал и против лубочной литературы. Рассказывают, что он случайно встретил коробейника, продававшего лубочные картинки, из которых особое внимание министра привлекла одна с изображением двух дерущихся мужиков. Под картинкой была подпись: «Два дурака дерутся, третий смотрит и смеется».

Когда граф, не видя третьего, спросил у коробейника, где же он, то узнал, что третьим является он сам, зритель картины. Это показалось графу неслыханной дерзостью, и он, обобщив свои впечатления от скабрёзности, или непристойности, или сатиры, содержащейся в других картинках, приказал в 1839 г. цензурным комитетам процензуровать всю лубочную литературу и живопись, не исключая портретов особ императорской фамилии и героев Отечества, начиная с 1812 г.⁶⁴

До 1822 г. лубочные картинки, вероятно, и книги печатались без цензуры, потом их должна была рассматривать полиция. Некоторые из лубочных изданий были запрещены полицией, и доски были уничтожены. Цензурный устав 1826 г. особым параграфом предусматривал получение разрешения уже цензуры на печатание «всякого рода изображений». Тем не менее лубок умудрялся миновать цензуру, отсюда острая политическая направленность некоторых лубочных изданий. В 1849 г. московский губернатор «приказал заводчикам народных картинок уничтожить доски, не имевшие цензурного дозволения... Собрали все старые медные доски, изрубили их при участии полиции в куски...»⁶⁵

Были запрещены к изданию и гадательные книги. В поле зрения комитета 2 апреля 1848 г. под председательством Д. П. Бутурлина попала книга «Магазин всех увеселений, или Полный и подробнейший оракул и чародей». Комитет запросил Московский цензурный комитет, кто автор и почему тот думает, что звезды оказывают влияние на судьбу людей. Московский цензурный комитет ответил, что «книгу эту напечатал новым сотым изданием такой-то книгопродавец, а почему он думает, что звезды имеют влияние на судьбы людей, — комитету неизвестно». Это было доложено царю, и получена резолюция: «Не вижу препятствия подобные сочинения впредь вовсе запрещать», что вскоре и последовало⁶⁶.

Царь обратил внимание на недостаток простонародных книг, «соответствующих видам правительства», поему в 1850 г. были разработаны специальные правила для издания таких книг.

Периодические издания

Число периодических изданий в России в первой четверти XIX в. ежегодно колебалось между 10 и 20. Резкий подъем наблюдался в 1830-е годы, когда количество журналов и газет увеличилось до 50 и потом практически не менялось до середины века. Газет выходило относительно немного. В Москве в первой половине XIX в. выходило более 60 журналов научных, литературных, смешанных, для любителей театра, для любителей мод, постоянно издавалась газета «Московские ведомости».

«Московские ведомости»

Первый номер газеты вышел в 1756 г., последний в 1917-м. С момента основания и всю первую половину XIX в. издателем ее был Московский университет. Тиражи у газеты были немалые: в 1789 г.—4 тыс., в 1802 г.—6 тыс., в 1815 г.—8 тыс. экз. В дальнейшем тираж несколько падал, потом опять увеличивался примерно до 9 тыс. экз.

По своей структуре «Московские ведомости» делились на две части: на политические ведомости и объявления. Издателем политических ведомостей до 1809 г. был В. П. Иванов, в 1810 г. его сменил В. И. Долгоруков, фактическим редактором газеты в этот период был его помощник Ильинский. Дольше всех редактором был П. И. Шаликов. В 1817 г. он был определен помощником и с 1824 по 1841 г.—редактором. Сменил его на этом посту Е. Ф. Корш.

В политических ведомостях публиковались правительственные указы, на печатание которых университет получил привилегию в 1810 г., и сведения из русских и зарубежных повременных изданий.

Помимо сообщений о событиях в стране и за рубежом в газете помещались известия о новом театральном сезоне, о различных московских происшествиях. Широко отражалась жизнь университета. Ученые на страницах газеты публиковали сообщения о своих наблюдениях, открытиях, печатали лекции. Объявлялось о начале лекций для студентов. Приглашались желающие на публичные лекции, регулярно помещались отчеты научных обществ. Например, в первом номере за 1820 г. напечатан отчет о заседании Москов-

**ДОЧЬ
РАЗВОЙНИЦА,**

ИЛИ

ЛЮБОВНИКЪ ВЪ БОЧКѢ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ ВРЕМЕНЪ

БОРИСА ГОДУНОВА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. К.

Печатано съ изданія 1839 года.

МОСКВА.

Въ Типографіи А. Евреинова.

1841.

Титульный лист книги одного из самых плодовитых писателей Ф. С. Кузмичева

ского общества испытателей природы 15 декабря 1819 г., на котором обсуждались инструкции для отправлявшихся в Китай с целью изучения его природы и читались доклады о путешествиях по Сибири, Молдавии, Украине.

Газета имела около 40 страниц, выходила размером в четвертую долю листа большого формата, текст печатался в две колонки. С 1820 г. часть тиража (1 тыс. экз.) стала печататься на белой бумаге вместо обычной серой. Подписка на газету шла в Универси-

тетской типографии, через почтамты Московский, Малороссийский и Казанский. В 1816 г. соответственно подписалось читателей в Университетской типографии около 35%, через Московский почтамт — около 45, через Малороссийский — около 19 и Казанский — менее 1% ⁶⁷.

В одном из своих отчетов Шаликов писал, что подписка на газету в Москве составляла «менее четвертой части противу иногородних подписчиков», видел ее недостаток в том, что она вторична, не оригинальна, что она не может печатать отечественные сведения и собирать их «помимо начальства». Достоинством газеты он считал то, что «из иностранных газет и журналов относительно науки переводится все, что любопытно» ⁶⁸.

«Положение о типографии» 1851 г. закрепляло за газетой право помещать «любопытные и занимательные, оригинальные и переводные статьи». Газета не подвергалась общей цензуре, за нее несло ответственность университетское начальство.

В Москве делались попытки издавать и другие газеты, на некоторые из них были получены разрешения, но удержался лишь «Утренний листок», начавший выходить в 1830 г. В нем помещались в основном объявления.

Журналы первой трети XIX в.

Роль русских журналов была велика и многообразна. Они являлись источником просвещения, проводником философской, эстетической, экономической, а подчас и политической информации. Поэзия, проза, драматические сочинения, критика, обзорные статьи заполняли журналы. Они создавали традицию непрерывного чтения, культивировали постоянство художественных интересов. Разнообразие материала, единое идеологическое и художественное направление, увлекательность и доступность изложения, периодичность, постоянные рубрики — черты, характеризовавшие журналы первой половины XIX в.

Инициатором создания некоторых журналов был попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев. В 1805 г. И. Ф. Буле предпринял с помощью Муравьева издание еженедельного научного журнала «Московские ученые ведомости», который выходил до 1807 г. форматом в 4°, на 8—10 страницах. Сотрудни-

ками журнала и переводчиками на русский язык были Н. Ф. Кошанский и Я. И. Десанглен. Здесь печатались рецензии на русские и иностранные книги по истории, философии, филологии, медицине, физике, химии, ботанике, математике. Эти книги посылались Муравьевым из Петербурга в университетскую библиотеку.

И. Ф. Буле в 1807 г. начал также издание «Журнала изящных искусств», но вышло только три номера. Прекращение издания сразу двух журналов связано было со смертью в этом году М. Н. Муравьева.

По инициативе М. Н. Муравьева был создан «Журнал полезных изобретений в искусствах, художествах и ремеслах и новейших открытий в естественных науках» (1806—1809). Выходил он нерегулярно, менял названия. Его редактором был директор Московской губернской гимназии П. М. Дружинин, в послужном списке которого отмечалось, что он продолжал издание журнала до 1811 г.⁶⁹

Печатались журналы и для детей. Целью их было воспитать молодежь в патриотическом духе, возбудить интерес к учению. Среди таких журналов «Патриот» (1804), «Детский вестник» (1815), «Друг просвещения» (1804—1806), «Друг юношества» (1807—1815). Последний был создан опять же по инициативе М. Н. Муравьева. В детских журналах печатались нравоучительные повести, басни, стихи.

Из наиболее известных журналов первой трети XIX в. выделялись по своей целенаправленности журналы «Московский Меркурий» (1803) П. И. Макарова, «Амфион» (1805) А. Ф. Мерзлякова, «Русский вестник» (1808—1820, 1824) С. Н. Глинки.

Ряд журналов издавались в виде приложений к «Московским ведомостям». Одним из таких журналов был *«Исторический статистический и географический журнал, или Современная история света»* (1790—1830). Это название он получил в 1809 г., а до этого назывался «Политический журнал, или Современная история света». Печатался ежемесячно, объемом в 5 печатных листов, на голубоватой бумаге, размером в восьмую долю листа. Профессор М. Г. Гаврилов, редактор журнала, заполнял его извлечениями из отечественных и зарубежных изданий без комментариев и указания источника. Лишь в последние годы в нем стали появляться оригинальные статьи по политике, истории, географии и статистике. Ф. Ф. Вигель вспо-

минал, что в этом журнале «помещались целиком речи Мирабо, жирондистов и Робеспьера. Такая смелость должна была бы произвести по крайней мере удивление; никто не ведал про содержание журнала, и никто его ныне не помнит. Ленивые цензоры с рассеянностью пропускали его номера; а название политического пугало и отталкивало праздных тогда и невежественных москвичей, малое же число читателей, тайно принимающих живое участие в сохранении его, не спешили разглашениями»⁷⁰.

Журнал до 1812 г. пользовался успехом, если судить по его тиражу. В 1813 г. было напечатано 1264 экз. «по образцу прошедшего года», однако разошлось всего 685 экз. С этого времени журнал начал терять подписчиков. В 1818 г. их было 435, в 1825-м — 156. В 1815 г. подписавшихся на журнал через типографию Московского университета было 112, через почтамты Московский — 157, Малороссийский — 93, Казанский — 21, книжную лавку Глазунова в Петербурге — 10⁷¹. Таким образом, в Москве расходилась примерно четвертая часть тиража.

Несмотря на убыточность журнала, университет долгое время не решался его закрыть, так как он содержал статьи нужные и полезные, что должно было, по мнению Совета, «составлять существенное попечение университета при издании от него подобных журналов»⁷².

Другой журнал, выходивший два раза в месяц как приложение к «Московским ведомостям», — «*Вестник Европы*» (1802—1830). Редакторами его были поочередно Н. М. Карамзин, П. П. Сумароков, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов. Дольше всех (21 год) его редактором был М. Т. Каченовский.

В 1805 г. в обращении к читателям М. Т. Каченовский рассказал о том, как делался журнал: «Я трудился один... Кроме пьес: Рюрик, о музее г. Дубровского, о красноречии Бридена, Письма о языке древних сармат, двух писем из Грузии и статьи о благодети Владетелей, все в прозе писано мною. Пьесы политические и известия взяты из разных журналов и газет; некоторые пьесы, относящиеся до наук и словесности, почерпнуты из тех же источников; все прочее или сочинено, или переведено большею частью из книг новейших...»⁷³

Каждая книжка «Вестника Европы» была объемом пять печатных листов, в одну восьмую долю листа, с одной или двумя иллюстрациями, которые гравировались обычно А. А. Флоровым.

Журнал задумывался как политический и литературный, и первоначально в нем печатались обзоры внешней политики Александра I, политические сообщения из зарубежных журналов. Выше либеральных пожеланий журнал никогда не поднимался, но сразу завоевал своего читателя. Постепенно «Вестник Европы» из литературно-политического становился научно-историческим благодаря склонностям своего основного редактора.

В литературном отделе печатались переводы Ф. Шиллера, Шатобриана, Лафонтена, В. Скотта, Э. Т. Гофмана; из русских писателей — сочинения Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, М. М. Хераскова, И. И. Дмитриева, В. Л. Пушкина. Первые опубликованные в печати стихи А. С. Пушкина появились в «Вестнике Европы». К 1820-м годам имена известных русских писателей все реже появлялись на страницах журнала. Здесь пробовали свои силы воспитанники университета и пансиона А. И. Полежаев, М. А. Дмитриев, А. И. Писарев.

На страницах журнала публиковали свои статьи по истории Е. Болховитинов, К. Ф. Калайдович. Здесь же М. Т. Каченовский обосновал направление «скептической» школы в исторической науке. Н. П. Румянцев с большим уважением относился к М. Т. Каченовскому и его журналу. В журнале печатались диссертации молодых ученых по истории и другим наукам.

«Вестник Европы» после первого же года издания имел 1 тыс. подписчиков. Этот успех должен быть признан огромным. В дальнейшем тираж значительно вырос. В 1813 г. печаталось 1815 экз., в последующие годы тираж держался около 1600 экз., по подписке расходилось около 1200 экз., остальные распродавались вместе с книгами. В 1815 г. в типографии Московского университета на журнал подписалось 304 человека, через Московский почтамт — 559, через Малороссийский — 250, через Казанский — 64, через книжную лавку Глазунова в Петербурге — 70⁷⁴.

Журнал «представлял собою не только первый по времени, но и самый главный, серьезный и влиятельный орган новой русской журналистики вообще: он

давал тон литературе и до некоторой степени служил образцом для других журналов, появившихся по его следам»⁷⁵.

Журнал «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» (1820—1830) под редакцией профессора И. А. Двигубского начал выходить как приложение к «Московским ведомостям». В конце XVIII в. издавался журнал «Магазин натуральной истории, физики, химии» под редакцией А. А. Прокоповича-Антонского, пропагандировавший естественнонаучные знания. «Новый магазин» продолжил его основную линию.

Журнал печатался в восьмую долю листа, на белой бумаге, с иллюстрациями, имел удлиненный формат. На типографской обложке желтого цвета в рамке повторялся текст титульного листа. Журнал, как и большинство других журналов в это время, не был целиком самостоятельным. В нем перепечатывались материалы из других изданий, для чего выписывались зарубежные и отечественные журналы на 500 руб. В год основания журнал вышел тиражом 315 экз. В последующие годы печаталось около 160 экз., в 1825 г. осталось 104 подписчика.

В журнале помещались обзорные статьи по зоологии, ботанике, химии, геологии и другим наукам. Здесь печатали свои статьи ученые университета А. А. Иовский, М. Г. Павлов, М. А. Максимович, Г. И. Фишер фон Вальдгейм. Из статей самого Двигубского обращают внимание статьи по геологии и минералогии. Журнал знакомил с работами Ж. Кювье в области зоологии и палеонтологии, с открытиями в области электродинамики и с другими новейшими научными открытиями. Журнал предназначался для преподавателей естественных наук.

Литературными приложениями к газете «Московские ведомости» были журналы «Иппокрена» (1799—1801), «Новости русской литературы» (1801—1805), «Минерва» (1801—1807), выходившие в основном до 1806 г., в период аренды университетской типографии.

Журналы конца 1820—1840-х годов XIX в.

Перелом в журналистике произошел во второй половине 1820—начале 1830-х годов, когда новые журналы начинают качественно отличаться от предшествующих. Холерный 1830 г. памятен и для русской журналисти-

ки. «Холера коснулась и журналистов, — говорил С. П. Шевырев, — „Галатея“ простудилась, „Атений“ объелся, а у „Вестника Европы“ поднялась желчь. Они не будут издаваться»⁷⁶.

Прекращая издание «Вестника Европы», М. Т. Каченовский писал: «В изнеможении от долготы дней, при конце бытия своего, но еще вполне владея способностями рассудка и памяти, завещаю современникам последние слова старческой опытности. Умираю смертью обыкновенною... Увы... я, находясь в сонме живых, должен был слушать не погребальные песни, не мольбы о грехах моих, а неистовое глумление и скоморошеское кощунство от некоторых из нового поколения журналов, незрелых смыслом, дерзких волею, велеречивых, бранчливых и хвастливых»⁷⁷.

Среди прекративших свое существование были журналы «Галатея. Журнал литературных новостей и мод», издававшийся с 1828 г. С. Е. Раичем и Д. П. Ознобишиным, «Московский вестник» М. П. Погодина, «Атений. Журнал наук, искусств и изящной словесности с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов» (1826—1830) М. Г. Павлова. Последний журнал сыграл положительную роль в популяризации естественнонаучных знаний в России.

Несколько позже, в 1832 г., закрылся журнал А. А. Иовского «Вестник естественных наук и медицины» (1828—1832), который был единственным в то время журналом по химии.

Правление университета, закрывая в 1830 г. «Исторический, статистический и географический журнал» и «Новый магазин естественной истории...», подсчитало, что за пять лет первый журнал принес убыток более 6,6 тыс. руб., а второй — более 13,4 тыс. руб. В 1830 г. их тиражи были минимальными: 312 и 98 экз. Правление пришло к выводу, что «Исторический журнал» «потерял свою цену, и дальнейшее его издание, кроме убытка, не может принести желаемой пользы...». Второй журнал, «Новый магазин естественной истории», «издавался единственно для распространения ученых сочинений, оригинальных и переводных, в надежде возбудить большее любопытство»⁷⁸. Но число подписчиков не увеличивалось, и журнал также был закрыт.

После этого университетом была еще сделана попытка издавать научный журнал. С 1833 по 1836 г. из-

давались «Ученые записки» по 12 книжек в год, объем каждого номера — 15 печатных листов, тираж — 1,2 тыс. экз. Журнал имел четыре отделения, соответствовавшие факультетам университета: нравственно-политическому, физико-математическому, врачебному и словесному. В нем излагались начала наук, еще плохо известных, разбирались теоретические сочинения как отечественных, так и зарубежных ученых, печатались библиография и извлечения из иностранных сочинений. Для издания журнала был создан комитет, в который входили ректор и восемь членов факультетов.

Но журнал не оправдал возлагаемых на него надежд. Неудача была заложена уже при его организации, когда издателям предписывалось в изложении научных знаний «положить твердый оплот от вторжения чужестранных мыслей, народному духу несвойственных»⁷⁹.

В Москве издавался еще целый ряд научных журналов частными лицами, научными обществами. Некоторые из них уже упоминались, о других будет сказано ниже.

В. Г. Белинский о журналах 1820-х годов писал, что они были «не как журналы с мнением и направлением, а только как сборники разных статей»⁸⁰. Перелом в русской журналистике совершил Н. А. Полевой. Он считал, что журналы могут вызвать интерес у русской публики разнообразием, занимательностью, смесью полезного с приятным, а это значило, что в журналах должны были помещаться «большею частью переводы; стихи как необходимость; ученые статьи — изредка, и то как балласт на кораблях; критика (которая, однако ж, не основывалась еще на твердых, неизменных правилах); споры, несогласие мнений». Но время «для журналов чисто ученого содержания», даже «отличного достоинства», не пришло, также вряд ли могли существовать журналы, «исключительно занимаемые одним оригинальным и русским»⁸¹.

Журнал Н. А. Полевого «*Московский телеграф*» был энциклопедически разносторонним и злободневным и, по мнению Белинского, стал «явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала, — и его журнал, с первой же книжки, изумляет всех живостию, свежестию, новостию, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды

принятому и резко выразившемуся направлению». Полевой «был рожден на то, чтоб быть журналистом, и был им по призванию, а не по случаю». Белинский считал, что Полевой своим журналом оказал такое же влияние на русскую литературу, как Ломоносов и Карамзин⁸².

Против Полевого было большинство журналов, цензура. «Московский телеграф» постоянно находился под угрозой закрытия. Причем Полевой сам «вызывал» огонь на себя. Например, в № 7 за 1828 г. была помещена статья «О физике „Атенея“», в которой содержались нападки на статью «Содержание и распространение физики» из журнала «Атенея», издаваемого профессором М. Г. Павловым. Полевой во всеуслышание объявил: «Г. Павлов под сим названием предлагает натуральную философию Шеллинга и Окена, кафедра коей правительством запрещена». Нужно заметить, что самому Полевому о современной философии писать было запрещено. Попечитель Московского учебного округа А. А. Писарев увидел в этом нападки не только на Павлова, но и на университет и предписал издателю воздержаться «от пасквильных суждений о трудах университетских профессоров», так как они обязаны «строгим отчетом во всех деяниях своих высшему начальству». Если же нападки будут продолжаться, то журнал «законным порядком» запретят⁸³.

Полевой нападал и на Каченовского, у которого когда-то учился. В 1830 г. он добился отстранения С. Т. Аксакова, своего литературного противника, от цензурования «Московского телеграфа». Вместо Аксакова был назначен Л. А. Цветаев, осторожный и внимательный цензор. Полевой нападал и на Цветаева. Он, например, заявил, что начало статьи «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» (№ 1, 1831) «вышло из печати не в том виде, как бы ему хотелось, что некоторые места лишились доказательства, другие указаний». И Цветаеву пришлось оправдываться перед цензурным комитетом. Он писал, что только смягчил оскорбительные выражения, выпуская самое резкое. Он исключил из текста выражения на счет русских и русской публики, а именно: «что пошлая, растительная бездейственность составляет величайший недостаток русских вообще»; «у нас нет стремления к общественной жизни, все есть цель к поддержанию одной растительной жизни; связи и корысть, две великие пружи-

ны, двигающие нашим обществом; для них у нас живут все, и все-то породили тот нестерпимый эгоизм, который отвлекает нас от всякого общего стремления, от всякого единства в делах и мнениях»⁸⁴.

Журнал держался только благодаря благосклонному вниманию и поддержке Бенкендорфа, шефа жандармов. Но министр народного просвещения Уваров подготовил целую тетрадку «крамольных» выписок из журнала и в 1834 г. представил ее царю, сопроводив словами: «Давно уже и постоянно „Московский телеграф“ наполнялся возвещениями о необходимости преобразований и похвалою революциям. Весьма многое, что появляется в злонамеренных французских журналах, „Телеграф“ старается передавать русским читателям с похвалою. Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно, обнаруживается в сем журнале, которого тысячи экземпляров расходятся по России, и по неслыханной дерзости, с какою пишутся статьи, в оном помещаемые, читаются с жадным любопытством. Время от времени встречаются в „Телеграфе“ похвалы правительству, но тем гнуснее лицемерие: вредное направление мыслей в „Телеграфе“, столь опасное для молодых умов, можно доказать множеством примеров»⁸⁵. Потребовался лишь повод, чтобы закрыть журнал. После публикации отрицательного отзыва на драму Н. В. Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла» (№ 3, 1834), понравившуюся Николаю I, он был закрыт, после чего Полевой представил в цензурный комитет объявление для помещения в «Московских ведомостях» о том, что «непредвиденные и не зависящие от воли его обстоятельства» заставляют его прекратить издание журнала. Вместо невышедших пяти книжек за 1833 г. Полевой предложил пять книжек за 1834 г. и вместо журнала за 1834 г. — восемь томов «Исторической библиотеки» (200 или более печатных листов)⁸⁶.

27 сентября 1830 г. в цензурный комитет обратился Н. И. Надеждин с просьбой разрешить ему издавать журнал «Телескоп» и приложение к нему под названием «Молва». Программой журнала должны были стать «изящная словесность, знания, современная летопись, критика, нравы, смесь»⁸⁷. Новый журнал стал главным противником «Московского телеграфа». Когда Надеждин выезжал за границу, он поручал издание

журнала В. Г. Белинскому. «Телескоп» не подвергался постоянным нападкам и преследованиям, как «Московский телеграф», хотя и значился в числе либеральных. Публикация «Философического письма» (1836) Чаадаева произвела впечатление разорвавшейся бомбы. «Телескоп» и его приложение были закрыты, цензорам было предписано «не позволять в периодических изданиях ничего, относящегося к напечатанной в № 15 „Телескопа“ статье: „Философические письма“, ни в повторение, ни в похвалу ее»⁸⁸. Цензор журнала профессор А. В. Болдырев был отстранен от должности цензора и ректора университета, автор объявлен сумасшедшим, издатель сослан.

М. П. Погодин с группой московских «архивных юношей» в конце 1820-х годов стал издавать журнал «Московский вестник», но, не заинтересовавший читателей, журнал прекратил свое существование. В 1841 г. Погодин предпринял издание нового журнала «Москвитянин», объединившего значительные литературные силы. Здесь печатались А. А. Фет, А. А. Григорьев, А. Н. Островский, Т. И. Филиппов, Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, А. Ф. Писемский, Е. П. Ростопчина, актер П. М. Садовский. Журнал был трибуной славянофилов. А. Ф. Писемский в 1850 г. опубликовал в нем повесть «Тюфяк».

Погодин учел свой неудачный опыт и не стал ограничиваться проповедью какой-то одной идеи: «С самого начала я сделал план, чтоб десять печатных листов посвящать дельному и серьезному, и остальные, от пяти до десяти, всякой всячине, которая удовлетворяет большинству подписчиков... иначе журнал остался бы при образованных одних читателях, которых счетом сто в Петербурге, сто в Москве и сто в губерниях»⁸⁹. 11 февраля 1849 г. Погодин передал издание журнала литератору А. Ф. Вельтману.

Театральные и музыкальные журналы и журналы мод

Любовь к театру, музыке охватывала разные слои населения. Хотя цензорам «в предостережение» не разрешено было пропускать «критические статьи об игре актеров без особенного предписания начальства или без письменного дозволения г. генерал-адъютанта Бенкендорфа»⁹⁰, тем не менее большинство журналов пе-

чатали статьи о театре. Появились и специальные издания: «Талия» (1810—1812), «Журнал драматический» (1811). В 1828 г. К. Ф. Калайдович начал издавать журнал «Русский зритель», который в том же году перешел к П. В. Шереметьевскому. В этих журналах печатались драмы, комедии, либретто музыкальных сочинений.

К театральным журналам были близки некоторые музыкальные журналы, которых с 1800 до 1840 г. было издано в России свыше 50. Музыкальные журналы, издававшиеся в Москве, отличались от петербургских своей демократичностью, они шире отражали русский музыкальный быт. Одним из наиболее значительных в Москве был «Журнал отечественной музыки» (1806) Д. Н. Кашина. Популярен был журнал «Эолова арфа» (1834—1835), издававшийся А. Е. Варламовым, капельмейстером московского Большого театра. В журнале помещались пьесы для фортепиано, вокальные произведения. Больше всего в нем напечатано русских песен А. Н. Верстовского, В. Волкова, А. Е. Варламова, Н. Цыганова. Одни журналы предназначались для музицирования, другие содержали только танцевальную музыку, третьи имели педагогическое назначение. Один из виднейших фортепианных педагогов Москвы — Ф. Нерлих издавал педагогический журнал «Русский песенник» (1811)⁹¹.

5 мая 1835 г. в цензурный комитет поступило ходатайство от «девицы Марьи Кошелевой», в котором она просила разрешить ей издавать с 1836 г. «гравированные картишны парижских мод» под названием «Вестник парижских мод». Предполагалось через каждые пять дней печатать гравированную картинку и при ней описание мод на французском и русском языках. Журнал должен был заменить дорогие французские издания⁹². Позже она ходатайствовала о разрешении издавать (с 1846 г.) литературные прибавления к журналу, которые должны были «заключат в себе легкое, занимательное и разнообразное чтение», «по временам краткий взгляд на новые пьесы», но в них не должно было быть «ни глубоких критических взглядов, ни политических известий, ни прений литературных». Цель издательницы — «доставить читателям как можно больше удовольствия, как можно больше легкого, приятного и занимательного чтения». Приложения были

еженедельными, стоили 5 руб. серебром, вместе с журналом мод — 10 руб.⁹³

Был целый ряд и других модных журналов («Модный вестник», 1816; «Курьер мод», 1818). Были и такие журналы для женщин, как «Магазин женского рукоделия» (1849), «Журнал новейшего шитья». Последний журнал издавался в Москве в 1846 г., потом был переведен издательницей Е. Ф. Сафоновой в Петербург. Он содержал «рисунки, узоры и описания всякого рода шитья и вышивания, как-то: по батисту, под блонду, под кружево, по канве...».

Журналы и цензура

Многие журналы были тем барометром, который отражал политические события, происходившие не только в стране, но и за рубежом. Правительство пыталось ограничить влияние журналов на публику. Так, в связи с событиями во Франции 12 сентября 1830 г. вышло распоряжение, разрешавшее перепечатывать политические статьи только из двух петербургских журналов, находившихся под наблюдением Министерства иностранных дел⁹⁴. Издатели журналов должны были ежегодно получать разрешение на продолжение своих изданий. Обычными были цензурные предупреждения, выговоры, запреты; 9 февраля 1832 г. из Главного управления цензуры поступило предупреждение о том, что Бенкендорф «неоднократно имел случай заметить расположение издателей московских журналов к идеям самого вредного либерализма».

Как бы в подтверждение своего предупреждения, буквально через несколько дней в депеше от 13 февраля 1832 г. Главное управление цензуры с раздражением писало, что Николай I в № 1 журнала «Европеец» прочитал статью «Девятнадцатый век», в которой «...сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное; что под словом *просвещение* он понимает *свободу*, что деятельность *разума* означает у него *революцию*, а *искусно отысканная середина* не что иное, как *конституция*». И. В. Киреевский, издатель журнала, «обнаружил себя человеком неблагомыслящим и неблагонадежным»⁹⁵. О просветительской программе своего издания он писал В. А. Жуковскому: «Выписывая все лучшие неполитические журналы на трех языках, вникая в самые замечательные сочинения

первых писателей теперешнего времени, я из своего кабинета сделал бы себе аудиторию европейского университета, и мой журнал, как записки прилежного студента, был бы полезен тем, кто сами не имеют времени или средств брать уроки из первых рук. Русская литература вошла бы в него только как дополнение к европейской, и с каким наслаждением мог бы я говорить о Вас, о Пушкине, о Баратынском, о Вяземском, о Крылове, о Карамзине — на страницах, не запачканных именем Булгарина...»⁹⁶ После выхода первого номера журнал был закрыт. Издатель успел подготовить еще два номера. В них были помещены сочинения самого Киреевского, Жуковского, Баратынского, Языкова. В дальнейшем предполагалось печатать сочинения А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского.

Киреевский в объяснительной записке по поводу журнала, посланной в III Отделение, писал, что Россия еще не готова принять многого из того, чего достигла Европа, из-за отсутствия истинного просвещения. Для дальнейшего прогресса необходимо «распространение серьезного и здорового... классического образования». Все изменения в законах он считал бесплодными, пока не будет отменено крепостное право, пока все будут находиться под влиянием впечатлений, оставляемых в умах зрелищем рабства, их с детства окружавшего⁹⁷.

После закрытия «Московского телеграфа» в 1834 г. цензура попыталась изгнать из журналов даже намек на полемику. Московскому цензурному комитету было сделано внушение даже за то, что в «Московском наблюдателе» (кн. 2, 1836) имелось «покушение к возобновлению литературной полемики в том виде, в каком она в прежние годы овладела было журналами обеих столиц»⁹⁸.

Статьи по философии были практически изгнаны со страниц журналов. Обозреватель русских газет и журналов за первую половину 1836 г. отметил только три статьи: две из них оригинальные в «Ученых записках Московского университета», написанные, по-видимому, воспитанниками университета на темы, заданные преподавателем, и одна переделанная с французского в «Московском наблюдателе»⁹⁹.

Раздражали цензуру и те статьи, в которых описывались существовавшие недостатки, бедствия, несчаст-

ные случаи, происходившие в России. Недовольство министра народного просвещения вызвала статья помещика Лисовского, напечатанная в 1844 г. в одном из московских журналов, где в резких выражениях рассказывалось о бедствиях, постигших Витебскую губернию¹⁰⁰.

10 октября 1836 г. попечитель Московского учебного округа сообщил в Московский цензурный комитет, что на одном из прошений об издании нового журнала государь поставил резолюцию: «и без того довольно». На этом основании предписывалось не принимать ходатайств на этот счет¹⁰¹.

Профессор Московского университета Т. Н. Грановский намеревался со своими друзьями издавать журнал «Московское обозрение». Он много ждал от будущего журнала, который, по его мнению, мог принести больше пользы, чем целая библиотека ученых сочинений. Журнал должен был бы состоять из разделов: наука и искусства, критика, произведения изящной словесности, смесь. Господствующим направлением должно было стать историческое¹⁰². На свое прошение Грановский 12 декабря 1844 г. получил ответ, что царю «не благоугодно было изъявить Высочайшее на то соизволение»¹⁰³.

В 1834 г. И. Ф. Калайдович, вероятно напуганный закрытием «Московского телеграфа», отозвал свое прошение об издании журнала «Литературная почта»¹⁰⁴. В. В. Пассеку разрешили вместо журнала «Очерки России» издавать сборники статей¹⁰⁵. Не состоялись журналы Н. А. Мельгунова «Журналист» и «Новости иностранной литературы», В. С. Межевича «Иностранное обозрение».

Не пользовались доверием у правительства и иностранцы, желавшие издавать в Москве журналы на иностранных языках. В 1842 г. получил отказ прусский подданный Вилибальд, так как нельзя было проверить его благонадежность и по-прежнему, как говорилось в ответе, «нет необходимости расширять издание журналов»¹⁰⁶. Иностранцу Карлу Франциску Милье не разрешено было издавать журнал на французском языке «Эхо» с разделами: литература, театр, моды, известия (по без политики)¹⁰⁷.

Владельцы и арендаторы типографий

В роли издателей, т. е. тех, кто оплачивал издание книги, выступали не только организации, но и сами авторы, переводчики, составители сборников, а также лица, приобретавшие права на рукописи. Ведущее место среди издателей занимали владельцы типографий. Четкого разделения функций типографии и издательства в то время не было. Чаще всего типографщик приобретал права на книгу, печатал ее, а потом распространял. Но и в том случае, когда он ограничивался только выполнением заказов, его можно назвать соиздателем книги. На титуле, где теперь указывается название издательства, так и значилось: «В типографии такого-то».

В первой половине XIX в. количество работавших ежегодно типографий в Москве, т. е. тех, в которых печатались книги и журналы, колеблется между шестью и пятнадцатью. Причем в первой четверти XIX в. их число редко поднималось выше 10, а во второй четверти редко опускалось ниже этой цифры.

Всего в первой половине XIX в. в Москве было около 55 типографий, литографий и металлографий. Из них ведомственных типографий — восемь; частных и арендуемых — 30. Некоторые из типографий имели литографии. Было 14 литографий, действовавших отдельно. Самостоятельно действовали и три металлографии. В наш подсчет не попали те типографии, литографии и металлографии, которые ограничивались печатанием бланков, реестров и прочих документов.

В «Указателе жилищ и зданий в Москве» за 1826 г. названы типографии казенные, ведомственные: Сенатская в Охотном ряду; Синодальная духовная на Никольской улице, Университетская на Дмитровской улице, Медико-хирургической академии (содержатель Август Семен) на Кисловке, в доме Ланга, Губернская в Рождественском переулке, Театральная на Воздвиженке; частные: Селивановского на Дмитровской улице, Божуковой на Никольской, Кузнецова в Салтыковском переулке, Пономарева на Шаболовке, Духовная при единоверческой Введенской церкви в Рогожской части; литографии: при Университетской типографии; Егора Каула у Никитских ворот и актера Рыкалова в Якиманской части ¹⁰⁸.

Из этого списка в подсчет за 1826 г. не попала Духовная типография при единоверческой Введенской церкви. Нам удалось зарегистрировать только одно издание этой типографии за 1839 г. Не попали в наш подсчет литографии Каула и Рыкалова, так как, вероятно, они не печатали книг. Но в 1826 г. действовали литография Венцеля, выпускавшая песенники, ноты, гравировальни Осипова, Виноградова, Е. Кудрякова, где печатались азбуки, прописи. Именно они и попали в наш подсчет.

Наиболее крупными типографиями по числу печатных машин и количеству рабочих были Университетская и Синодальная. Машин в них насчитывалось от 20 до 30, в остальных — по пять—десять.

Печатные машины выписывались из-за границы, лишь небольшая часть их изготовлялась в Москве. С подготовкой шрифтов дело обстояло лучше: при многих типографиях имелись собственные словолитни, хотя значительную часть шрифтов издатели выписывали из-за границы.

В ведомственных типографиях Москвы с 1801 по 1850 г. было напечатано около 6 тыс. названий книг и журналов, что составляло половину всей печатной продукции в южной столице. Из них около 4 тыс. названий вышло из типографии Московского университета, более 1 тыс. — из Синодальной типографии, более 600 экз. — из типографии Лазаревского института. Такие типографии, как Губернская, Сенатская, Театральная, Медико-хирургической академии, арендовались частными лицами. Типография Управы благочиния, или Полицейская, была открыта, как сказано в архиве, «с давнего времени» и в 1844 г. имела одну скоропечатную машину и пять печатных станов¹⁰⁹. Но только в 1847 г. появились издания с указанием этой типографии. До этого в ней или не печатались книги, или она сдавалась в аренду. Среди книг, вышедших из этой типографии, были «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» А. Мартынова (1849 и 1850), «Эдуард III» А. Дюма, хиромантия, водевили, стихи с поздравлениями с широкой масленицей. Здесь же печатали свои издания на немецком языке Бюргерское немецкое общество и евангелистско-лютеранская церковь Святого Петра.

В Сенатской типографии в период, когда она не сдавалась в аренду, печатались указы правительства,

книги по праву или, например, «Описание канцелярского порядка... в Сенате» (1824); еженедельные объявления Сената в виде газеты (1825—1828).

Типография Московского университета

В первой половине XIX в. ведомственная типография Московского университета занимала первое место в стране по количеству печатаемой продукции. Университет не забывал основного назначения своей издательской деятельности, записанного в его уставе, — печатание литературы для нужд университета и подведомственных ему учебных заведений Московского учебного округа. Книги, напечатанные в его типографии, расходились по всей стране.

Основным видом изданий была литература по естественным (24%) и гуманитарным (48%, в том числе богословским 8%) наукам. Из книг по естественным наукам больше всего было книг по медицине (35%). Из книг по гуманитарным наукам больше половины было учебников по изучению языков (57%) и книг по истории (22,5%). Издавалась и художественная литература, она составила пятую часть всей вышедшей из этой типографии литературы. Значительное место занимали переводы или книги на иностранных языках (35%). Переводили в основном с немецкого и французского.

Успех издательской деятельности Московского университета был во многом заложен Н. И. Новиковым, арендовавшим типографию с 1779 по 1789 г. Он поставил новые печатные станки, пополнил состав и запас прифтов, обучил рабочих, увеличил объем печатной продукции, особенно научных и учебных изданий, расширил программу «Московских ведомостей». В результате Университетская типография стала одной из лучших не только в России, но и в Европе.

Когда типография сдавалась в аренду, Московский университет продолжал печатать свои издания, осуществлял общий контроль за ее работой.

В ректорство П. И. Страбова, с 1806 г., типография стала подчиняться Правлению университета. Тогда же были приняты «Правила для производства дел типографии имп. Московского университета», составленные под руководством попечителя университета М. Н. Муравьева и пересмотренные лишь в 1851 г. Согласно

правилам, типография находилась в распоряжении Совета и Правления университета, которые имели право одобрять или отвергать поступившие в Университетскую типографию сочинения, готовили к печати «казенные» издания: каталоги лекций, речи профессоров и некоторые другие издания, не проходившие общую цензуру. Совет и Правление проверяли работу типографии, требуя ежемесячные отчеты о печатаемых изданиях. Начальник типографии, назначаемый Правлением университета, планировал все работы, заключал договоры с редакторами журналов, принимал рукописи, прошедшие цензуру. Он ежемесячно отчитывался перед Правлением.

По предложению попечителя университета М. Н. Муравьева первым *начальником типографии* в 1806 г. был определен питомец университета, доктор медицины и гражданского и уголовного права Лейденского университета, член училищного и цензурного комитетов, надворный советник М. И. Невзоров¹¹⁰. Невзоров выступал также и в роли автора и издателя. В 1815 г. он был отстранен от должности за «неповиновение его начальству»¹¹¹.

Временно место начальника типографии занял профессор Московского университета М. Т. Каченовский. В 1816 г. его сменил П. А. Курбатов, о котором в формулярном списке служащих университета сказано, что он до этого служил в Коллегии иностранных дел. Курбатов имел одно важное «достоинство»: он был «женат на побочной дочери графа», попечителя университета А. И. Оболенского¹¹². В 1851 г. Курбатова сменил А. И. Назимов¹¹³.

На *помощнике начальника типографии* лежали все практические заботы. Помощником М. И. Невзорова и М. Т. Каченовского был А. Д. Суцов, который происходил из семьи мелкого чиновника и получил образование в университетской гимназии. Помощником П. А. Курбатова с 1816 г. был А. Н. Садыков, служивший раньше в Комиссии по составлению законов и в Комиссии духовных училищ. Он работал в типографии до 1854 г.

В типографии имелась должность издателя политических ведомостей, который вместе с помощником занимался изданием газеты «Московские ведомости». Объявления при газете составлял и принимал другой чиновник.

По платежной ведомости 1813 г. при типографии числилось 23 чиновника¹¹⁴. По «Положению» 1851 г. их должно было быть уже 34¹¹⁵. Помимо начальника, издателя политических ведомостей, их помощников были фактор, руководивший типографскими работами, корректоры, начальник словолитной мастерской, бухгалтер, канцеляристы по письменным делам, смотрители за рабочими. По «Положению» 1851 г. в штате типографии числился медик, которого она содержала на свои средства, и все могли «пользоваться пособием типографского врача».

Редакторов в штате типографии не было, частично их обязанности выполняли *корректоры*, которым платили от 250 до 500 руб. в год. Насчитывалось их в типографии пять—шесть человек, набирались они из выпускников Московского университета. Корректор Н. Е. Виноградов был из духовного звания, окончил университет, сначала работал учителем российской словесности, физики, истории, географии, математики в народном училище, служащим в канцеляриях¹¹⁶. Другой корректор, В. И. Георгиевский, также духовного звания, был награжден серебряной медалью за диссертацию «по части права», преподавал латинский язык, историю, географию в тверской гимназии¹¹⁷. Известны имена корректоров, вступивших в 1812 г. добровольцами в ополчение: М. Воинов, Б. Правиков, Н. Платковский¹¹⁸.

Специальной литературы для обучения корректоров не было. Лишь в 1843 г. в университете были рассмотрены и утверждены «Правила для руководства гг. корректорам Университетской типографии». Большая часть «Правил» посвящена особенностям вычитки «Московских ведомостей». По ним все печатаемые в типографии материалы должны были подвергаться двукратной корректуре, а «если потребуется, то и более»¹¹⁹.

В Университетской типографии работали примерно 170 *рабочих* — около 80% общего числа работавших.

По примерному подсчету, сделанному по платежной ведомости за 1813 г., рабочих из духовного звания было 40%, солдатских детей, детей чиновников, вольноотпущенных крестьян, мещан — 30%, сыновей рабочих типографии, приписанных к ней, т. е. крепостных, — 30%¹²⁰.

Детей рабочих типографии с 8—10 лет учили на казенный счет в Бутырском городском начальном училище. В 1839 г. Правление университета открыло при этом училище, «близ которого живет большая часть рабочих типографии», дополнительный класс, в котором обучали чтению по печатным книгам и рукописям на греческом, латинском, немецком и французском языках, чистописанию на всех указанных языках, кроме греческого, русской грамматике. Курс был рассчитан на 3 года ¹²¹.

Время от времени возникали ходатайства о переводе крепостных рабочих в какую-либо иную службу. Если это было внутри университета, то такие просьбы могли быть удовлетворены. В других случаях университет отвечал отказом. Например, 22 ноября 1826 г. Правление университета решило, что оно «на определение к письменным делам уволенного из Никитского народного училища ученика Александра Смирнова, сына наборщика Университетской типографии, согласиться не может, поелику он чрез сие выводится из принадлежности ведомства оной типографии» ¹²².

В 1838 г. типография в своем отчете писала «о невозможности увольнять из типографии казенных людей (крепостных.— *Р. К.*) и о переводе некоторых из них на высшие оклады», как это было в случае с Егором Колотовкиным, работавшим в типографии с 1783 г. ¹²³

Такое же положение сохранялось и в 1851 г.: «Рабочие люди типографии могут быть казенные и вольнонаемные. Первые потомственно принадлежат типографии, а последние определяются в оную по найму» ¹²⁴. Особым параграфом в «Положении» 1851 г. оговорено, что «начальство должно заботиться усовершенствовать типографское искусство рабочих», но «неспособных к типографским работам и замеченных в неблагонадежном поведении казенных рабочих людей Правление университета, с разрешения попечителя Московского учебного округа, исключает из службы и отсылает в Московское губернское правление на его заключение».

Заработная плата рабочих в первой половине XIX в. имела тенденцию к снижению. Наиболее высокооплачиваемыми рабочими были наборщики. В 1813 г. они получали от 75 до 186 руб. ¹²⁵, а в 1851 г. — от

60 до 90 руб. в год¹²⁶. Уменьшилась зарплата и у всех остальных рабочих.

По «Положению о пенсиях», утвержденному 23 июля 1848 г., *пенсионное обеспечение* типографских чиновников и рабочих людей, их вдов и детей шло в размере 15% из «нарастающего капитала» типографии, который формировался из чистого дохода. Из этих сумм брались средства на типографское оборудование. Работа ночью и в праздничные дни оплачивалась дополнительно.

В первые годы после принятия положения о пенсиях в типографии числилось всего один-два пенсионера. К 1850-м годам их число значительно увеличилось. Ведомость на служащих, рабочих и их семейства, получавших пенсию, составленная, по всей вероятности, в 1849 г., включала 52 человека. О неравенстве между чиновниками и рабочими говорит то, что более 60% всей суммы должны были получить 10 бывших чиновников типографии. П. И. Шаликов, например, прослуживший в типографии 25 лет как издатель политических ведомостей, получил 400 руб., 42 человека рабочих и членов их семей получили 690 руб. 40 коп.¹²⁷

Необходимое условие успешной издательской деятельности — *оснащение типографии* современным оборудованием. О преобразованиях в Университетской типографии в 1806 г. П. И. Страхов писал, что за полгода были истрачены значительные средства «на многие, однако самонужнейшие переделки и переправки в здании заведения, на приумножение печатных станков, касс, литер, шрифтов, на прибавку жалованья рабочим людям и на оклады новым чиновникам, на выдачу процентных наград»¹²⁸. О значительности переделок в это время говорил и М. И. Невзоров. По его сведениям, только «строения типографского на счет университета починено до осьми тысяч рублей»¹²⁹.

Типография, как и весь университет, страдала от тесноты помещения. До 1811 г. она размещалась в здании Университетского благородного пансиона. Здесь же была книжная лавка, где два раза в неделю раздавали подписчикам «Московские ведомости». Переулок, где находилось это здание, на месте теперешнего Центрального телеграфа, назывался Газетным. В 1811 г. типография и книжная лавка были переведены в бывший дом Власова на Страстной буль-

вар, между Петровским бульваром и Большой Дмитровкой. В пожаре 1812 г. сгорела часть типографии, но рабочие палаты уцелели.

В 1816 г. типография состояла из трех корпусов, в которых размещались подъемная, словолитня, корректорская, газетная лавка, наборные и печатные палаты. Для работников типографии имелся жилой дом. В печатной палате на 22 станах печатали «Московские ведомости», журналы и книги, на двух «тискали» корректуру, три ветхих стана не использовались. В словолитной имелось 18 форм для литья, 1130 матриц¹³⁰.

Разрушенный в 1812 г. главный типографский корпус был восстановлен в 1817 г. В 1822 г. окончено строительство нового каменного корпуса типографии, в котором разместились наборные и печатные палаты, словолитня, мочильня, смывальня (1-й этаж), корректорская, литографическое отделение, сушильня, подъемная палата (2-й этаж)¹³¹.

Типографские печатные станы по мере старения ремонтировались или заменялись новыми. Так, в 1818 г. были куплены четыре стана у «вдовы умершего слесаря Гурни» за 4,8 тыс. руб.¹³² В 1822 г. из Петербурга был выписан литографический станок за 1625 руб.¹³³, первый в Москве. В 1827 г. рассматривался вопрос о покупке у слесаря Ивана Гармута «вновь устроенного им чугунного стана за 1.3 тыс. руб. и деревянного за 1,2 тыс. руб.»¹³⁴.

В 1833 г. в типографии имелось 34 печатных стана (29 деревянных и 5 чугунных), три литографических станка, один пресс для пропуска отпечатанных листов¹³⁵. Но в это время многое из оборудования пришло в негодность. Фактор типографии Диринг познакомился в Петербурге в типографии Академии наук с работой выписанной из-за границы скоропечатной машины и предложил университету купить две такие машины в Баварии¹³⁶. В 1836 г. из Баварии (Вирцбургский завод) в университет прибыли две скоропечатные машины в сопровождении машиниста Бельгольда. Машины понравились, и были выписаны еще две, которые оказались «не так хороши, как первые: при печатании текст по краям был размыт»¹³⁷. Если раньше один номер «Московских ведомостей» печатался на 12 машинах 48 рабочими в течение двух суток, то теперь эту работу за такое же время могли

сделать 20 рабочих и 2 мастера на двух машинах ¹³⁸.

После этого университет не покупал машины более 10 лет. Лишь в 1847 г. была куплена в Берлине скоропечатная машина и произведен ремонт старых. Но это не спасало положения. Основной парк машин устарел. В 1851 г. было приобретено шесть станков Гегера из Вашингтона и один — Зигеля из Берлина ¹³⁹.

Нельзя не упомянуть такой факт. Московский университет откликнулся на просьбу Казанского университета, пострадавшего из-за случившегося в августе 1842 г. «большого в Казани помора», об уступке ему двух чугунных станков. Сделать их вызвался московский машинист Иван Гармут в течение пяти недель за 1,8 тыс. руб. серебром. В ноябре 1842 г. станы были отправлены в Казань ¹⁴⁰.

При типографии Московского университета имелась *словолитная мастерская*, где работало около 25 рабочих. В 1806—1807 гг. вызванный из Петербурга сын известного типографщика Шнора выточил много прекрасных пунсон для матриц и для отливки литер ¹⁴¹. После войны 1812 г. в словолитной мастерской остались только «матрицы корпуса и петита, то есть тех литер, на которых печатали ведомости и известия, но и в них недоставало некоторых матриц» ¹⁴².

27 мая 1813 г. начальником словолитной мастерской был назначен Карл Эрдман, уроженец Дерпта. Перед этим университет купил у него шрифты, которые были «хороши и красивы», хотя не могли «почесться во всем равными с самыми лучшими в Европе шрифтами», как сказано было в его характеристике. Эрдману платили в год 1,2 тыс. руб., дали казенную квартиру.

С июля 1814 г. по июль 1815 г. в словолитне университета было сделано 235 пунсон разных шрифтов ¹⁴³. Для того чтобы иметь своего мастера, университет отдал на обучение на семь лет Ивана Померанцева пунсонному мастеру Петру Иванову из Синодальной типографии. Ректор И. А. Двигубский в 1826 г. хлопотал о выплате Померанцеву 400 руб. в год на время учебы ¹⁴⁴.

Университет не ограничивался шрифтами, изготовленными в собственной словолитной. С 1813 по 1849 г., по нашим подсчетам, университет закупил разных шрифтов, матриц, пунсон для отливки шрифтов, украшений, часто через посредничество А. И. Семена и А. С. Ширяева, в Веймаре, в Париже у г. Дидо,

в Петербурге, в словолитных Москвы на сумму более 42 тыс. руб. В 1817 г. университет купил у печатника П. Кузнецова шрифты типографии П. П. Бекетова, которая после 1812 г. не работала¹⁴⁵. Профессор Московского университета О. М. Бодянский помог типографии приобрести славянские матрицы у ученого-слависта П. Й. Шафарика из Праги, на основе которых были отлиты славянские шрифты¹⁴⁶. Отпечатки шрифтов Университетской типографии хранились в Правлении университета. Их образцы были изданы в 1808, 1810, 1815, 1826 и 1848 гг.

Профессор-востоковед А. В. Болдырев в 1832 г. обратился в Правление университета с просьбой пополнить кассу персидскими и арабскими литерами. Он предложил отлить шрифт мельче имеющегося в типографии по образцу, сделанному им самим. Болдырев, объясняя свою просьбу тем, что «ученых книг для персидского и арабского языков теперь вовсе нет», считал, что «честь и назначение университета требуют того, чтобы он всеми мерами способствовал к скорейшему доставлению учебных пособий, принятых уже везде и ожидаемых единственно от Московского университета». После длительных обсуждений, как дешевле и быстрее приобрести шрифты, университет запросил в Сенатской типографии в Петербурге матрицы и отлил необходимые шрифты¹⁴⁷.

О работе типографии можно судить по ее отчетам. Так, в отчете за период с 24 декабря 1817 г. по 24 января 1818 г. говорилось, что в наборных палатах стояло 12 столов для наборщиков, за каждым столом работало от двух до четырех человек, набиравших от 10 до 20 печатных листов в месяц. Исключением был стол для набора газеты «Московские ведомости», где шесть человек за месяц набирали 31,5 листа. В целом за месяц было набрано около 160 печатных листов.

В печатных палатах работало в то же время 24 стана. На двух из них «тискали» корректуру, на шести печатались «Московские ведомости», на остальных, кроме одного, также печатались «Московские ведомости» вместе с другими изданиями. Всего через 22 стана за месяц пропускалось около 560 тыс. листов.

В подъемной палате за тот же период «поднято разных книг и изданий», т. е. разобрано, сложено и увязано в кипы, более 315 тыс. листов, из которых две трети составила газета «Московские ведомости» и одну

треть — книги («Хижина на высоте Альпийской», «Тоска по отчизне»), журналы («Вестник Европы», «Русский вестник»), объявления, дипломы. За пределами рассматриваемого отчета осталась работа резчиков и брошюровщиков¹⁴⁸.

Более чем через 30 лет работа типографии выглядела несколько иначе. По отчету за период с 11 по 18 августа 1851 г. видно, что в типографии за 14 наборными столами стояли по два-три наборщика. За столом для «Московских ведомостей» работали 10 человек вместо шести, так как приходилось набирать на пять листов больше — на столько увеличился недельный объем «Московских ведомостей». За тремя столами набирались объявления к «Московским ведомостям», на остальных — книги.

В печатной палате работало в это время пять скоропечатных машин, около каждой семь-восемь печатников (тередорщиков) и по три уставщика. На одной машине печатались только «Московские ведомости», на остальных — «Московские ведомости» и книги. Один печатник и два батырщика (наносящие краску на набор для печати) «тискали» корректуру. 32 печатника и 32 батырщика пропускали через пять машин 38,3 тыс. листов.

В подъемной палате было разобрано 193,5 тыс. листов, из которых две трети так же составляли «Московские ведомости» и объявления к ним и одну треть — книги «Полная русская хрестоматия» и «Рассуждение о теории капиллярных явлений»¹⁴⁹.

Начальник типографии Курбатов в отчете за 1849 г. писал, что по типографии расходы увеличились, так как «Московские ведомости» с 1837 г. стали печататься трижды в неделю, изменился их формат из кварты в фоллио, в результате увеличилось количество набранных и отпечатанных листов и соответственно увеличилась оплата труда наборщиков до 570 руб. в год¹⁵⁰.

Успех издательского дела зависел и от внешнего оформления книг и журналов. В Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ сохранились неразрезанные университетские издания в типографских переплетах, с огромными полями, неровными краями, по форме почти квадратные. Побывав у переплетчика, книга приобретала изящную, несколько удлиненную форму.

Типографские обложки были из тонкой серой, голубой, синей, розовой, желтой, зеленой бумаги. Напри-

мер, журнал «Вестник Европы» имел красную обложку. При печатании отдавалось предпочтение шрифтам цидеро и терции. Бумага в большинстве случаев была отечественного производства — шершавая белая или голубоватая. Небольшая часть тиража по желанию заказчика печаталась на белой гладкой — «веленевой» бумаге.

Типография имела свой типографский знак — три прописные буквы «Т.М.У.», заключенные в овальную рамку. Знак ставился на обороте титульного листа. В начале XIX в. он ставился печатным, а не штемпельным.

Литография при типографии Московского университета прежде всего использовалась для издания учебной и научной литературы. В типографии хронически не хватало арабских шрифтов. Для печатания «Арабской грамматики» А. В. Болдырева в 1822 г. был приобретен литографический станок, послуживший основой для создания первого литографического заведения в Москве.

В 1828 г. литография была передана в ведение адъюнкта Галлера. В ней должны были работать литограф Петр Метнер и двое рабочих. Но Метнер сообщил в Правление университета, что он «обучать рабочих обязуется, но рисовать на камне и сам отказывается и обучать». В результате в литографию был взят рисовальщик и два ученика. На ее содержание уходило около 3 тыс. руб.¹⁵¹ В литографии было три прессы, литографических камней — около 15, среди которых было много от времени и употребления попортившихся. Предполагалось тогда же приобрести у В. Сливницкого 30 камней баварских по 20 руб. за каждый¹⁵². Но камни, вероятно, так и не были приобретены. Литография приносила убытки, и университет перестал выделять деньги на ее содержание. В этот период типография университета использовала литографию лишь при издании отдельных трудов.

В 1831 г. возник вопрос о возобновлении работы литографии. В 1836 г. она отдается на содержание Дирингу.

На ее восстановление было израсходовано около 1,7 тыс. руб. Но в первый год своей работы она не покрыла затраченных на ее восстановление средств. В объяснении говорилось, что хотя заведение «приметно и улучшилось, но как работы в оном произво-

димы были большею частью казенные, посторонних же весьма мало, то предполагаемых от сего заведения выгод извлечь было невозможно»¹⁵³. Правление университета просило попечителя сохранить литографию в надежде, что она со временем будет приносить доходы, если увеличится объем частных заказов.

В 1837 г. Диринга сменил А. Греков. Это произошло в самом начале 1837 г., так как его имя имеется в сведениях о содержателях литографий, которые собирал цензурный комитет с 1 февраля по 19 марта 1837 г. До этого А. Греков был помощником издателя «Московских ведомостей». При нем из литографии вышли «Анатомические рисунки Лодера», «Начальное чтение для образуемого юношества», «Анатомический атлас Пфенинга»¹⁵⁴.

А. Греков возглавлял литографию до своей смерти, последовавшей, видимо, в 1843 г., так как именно в этот год в Правлении университета рассматривался вопрос о его долге Университетской типографии и в деле имеется расписка Н. А. Полевого, взявшего на себя распродажу изданных Грековым книг и уплату его долга¹⁵⁵.

С этого времени, по всей вероятности, литография не работала. Лишь 9 февраля 1850 г. фактор Клейн составил «примерное исчисление расходам», необходимым для возобновления работы литографии, которая должна была печатать лекции профессоров и преподавателей. Было подсчитано, что печатание одного экземпляра лекций объемом 20 листов типографии обойдется в 50 коп.¹⁵⁶

От прежней литографии сохранилось три печатных стана, два березовых стана, 51 камень разной величины. Предполагалось, что на одном стане в месяц будет печататься 20—25 листов тиражом 100 экз. Первоначальное устройство двух станов взял на себя Петр Марков¹⁵⁷.

За полгода в литографии было напечатано четыре тетради лекций профессоров Баршева, Брашмана и Рулье. Средства, полученные от продажи лекций, должны были полностью покрыть издержки по изданию, и даже с некоторою выгодой для типографии, причем 20 экз. из 100 раздавались безденежно¹⁵⁸. В литографии также печатались бланки, иллюстрации к «Московским ведомостям».

Правление университета первый опыт признало «полезным» и решило оставить литографию для удовлетворения только потребностей университета¹⁵⁹.

Типография без литографии приносила университету значительные *доходы*. Н. И. Новиков в 1779—1789 гг. за арендное содержание платил университету 4,5 тыс. руб. в год¹⁶⁰. До 1806 г. по одним источникам арендаторы платили 9 тыс. руб.¹⁶¹, по другим — 23,1 тыс.¹⁶² После передачи типографии в управление университета в 1806—1812 гг. доходы составляли около 45 тыс. руб. в год¹⁶³, а в 1813 г. — 50 тыс. руб.¹⁶⁴

В 1813 г. доходы целиком пошли на нужды университета, сильно пострадавшего от нашествия французов. М. И. Невзоров требовал выдачи из этих сумм награды для рабочих, которые ее «заслужили, сохранив казенных материалов, кроме строений, оставшихся целыми, по крайней мере на сто тысяч рублей»¹⁶⁵. Награда рабочим благодаря настойчивости М. И. Невзорова была выплачена, но сам Невзоров был от своей должности отстранен. В этой заботе о рабочих и заключалось его неповиновение начальству.

В 1814 г. доходы были несколько ниже — около 40 тыс. руб., но в 1816 г. прибыль составляла почти 72 тыс. руб.¹⁶⁶, в 1828 г. — 129 тыс.¹⁶⁷ В отчетах прибыль типографии указывалась то в ассигнациях, то в серебряных рублях. Например, в 1839 г. прибыль составила 117 366 руб. 45 коп. ассигнациями, или 33 533 руб. 27¹/₇ коп. серебром¹⁶⁸. В последующие годы типография приносила прибыль более 40 тыс. руб. серебром ежегодно.

Реальные доходы от типографии были еще выше, если учитывать суммы, передаваемые типографией на хозяйственные расходы университета. В 1817 г. некто Оленин предложил сдать ему в аренду типографию за арендную плату около 60 тыс. руб. Правление нашло предложение «крайне невыгодным» для университета. Оно подсчитало, что «университет, наблюдая свои выгоды, типографию отдать на откуп иначе не может как за 120 тысяч руб. в год»¹⁶⁹.

Прибыли складывались из сумм, получаемых от подписки на «Московские ведомости», журналы, от авторов за печатание их книг, за публикацию объявлений, от продажи «казенных» книг.

При печатании книг за счет казны соблюдались определенные правила. Университет должен был выда-

Название книги	Стоимость печатания 1 экз.	Цена за 1 экз. для продажи	Цена за 1 экз. для выплаты перевод- чику	Цена за 180 экз. для вып- латы пе- реводчику
Руководство к осмотру аптек	74 ¹ / ₄ коп.	4 руб.	2 руб.	360 руб.
Начальные основания хи- мии	2 руб. 35 ³ / ₄ коп.	8 руб.	3 руб.	540 руб.

вать автору или переводчику около 200 экз. книг или деньги за это же количество книг. В действительности это условие не вполне соблюдалось. Например, университет напечатал две книги, переведенные доктором А. А. Иовским, и заплатил ему 900 руб.¹⁷⁰ Как составила́ эта сумма, можно видеть из приведенной выше таблицы.

Выплаченная университетом А. А. Иовскому сумма соответствовала тем, которые платили книгоиздатели авторам. А. Д. Суцов, выступая в роли издателя, платил примерно столько же. Снегиреву он заплатил за перевод латинской грамматики Бредера 400 руб. и за составление латинской хрестоматии обещал платить по 15 руб. за лист¹⁷¹.

В сведениях о книгах, переведенных Иовским, обращает на себя внимание тот факт, что цена для продажи увеличена в 4—5 раз в сравнении с номинальной стоимостью. Это давало возможность быстрее оправдать затраты на издание, а при реализации обеих книг целиком при тираже 600 экз. давало прибыль более 4 тыс. руб. Но такие цены делали книгу менее доступной, и она расходилась крайне медленно. Цена для выплаты переводчику была в 2—2,5 раза ниже цены для продажи, но выше, чем это было предусмотрено правилом, по которому сумма должна была быть равна стоимости печатания типографией 200 экз.

В 1826 г. возник спор из-за выплаты денег И. А. Двигубскому за его книгу «Московская флора». В результате было решено взять за основу существующее правило, но с некоторыми изменениями: платить «не во что обойдется печатанием, но по чему будет продаваться», переводчику выдавать четвертую часть издания или «деньги за сию часть». Цена назначалась

Правлением университета по договоренности с начальником типографии. Если книга поступала в собственность университета, издатель получал «целый завод изданной книги за первый раз, прочия издания, сколько бы их ни было, оставались в пользу казны». В отдельных случаях университет мог ограничиться награждением издателя. Это распоряжение было подписано ректором университета А. А. Прокоповичем-Антонским¹⁷².

По «Положению» о типографии 1851 г. «Речи», «Отчеты», произнесенные на торжествах университета, бланки для Совета и Правления университета, объявления в «Ведомостях» по университетским делам печатались по требованию ректора без особой за то платы с представлением типографией подробного отчета в конце года, т. е. эти издания печатались на средства типографии. Так было, вероятно, на протяжении всей первой половины XIX в.

Учебные книги, представленные в типографию с одобрения Совета или Правления университета, по «Положению» 1851 г. печатались также на средства типографии: издержки, употребленные на их издание, «вознаграждаются от продажи таковых книг». Цену за них назначало Правление университета, при этом оно должно было «обращать внимание на количество расхода и ни в каком случае не надбавлять более 25%, полагая в том числе 10% комиссионеру и до 15% в чистую пользу типографии». Это правило существенно должно было снизить стоимость книги.

За свой счет университет печатал немного. Например, в 1826 г. им изданы «Рассуждение о семействе крестоносных растений» и «Краткое начертание пользы крестоносных растений», переведенные с французского студентом Троцким; «Краткое начертание женских болезней», перевод с немецкого студента Ивана Кеппена; «Ученые известия» (тиражом 300 экз.); «Арифметика» Перевощикова (ее должны были «вести в употребление по училищам»); «Арабская грамматика» Болдырева (из тиража 250 экз. 50 экз. должны были быть выданы сочинителю); «Опыт ручного словаря языка русского» (составленный И. Ф. Калайдовичем на основании «Словаря» Академии наук с добавлением «новейших изысканий»)¹⁷³. В 1834 г. за счет университета напечатаны две книги и 57 за счет посторонних лиц, в 1838 г.— соответственно 17 и 55,

в 1850 г.— только 68 книг за счет посторонних лиц. Таким образом, основная масса книг в Университетской типографии печаталась за счет посторонних лиц, что давало типографии прибыль.

Печатание книг в Университетской типографии стоило дешевле, чем в других типографиях. В 1818 г., после того как университет повысил расценки, стоимость печатания книг приблизилась к той, по которой печатались у А. И. Семена и С. И. Селивановского, но тем не менее оставалась несколько ниже, особенно за печатание иностранных книг¹⁷⁴.

В 1831 г. при пересмотре «табели» печатания книг стоимость была признана «по изменившимся по тому времени ценам довольно высокою и для печатающих в типографии обременительною»¹⁷⁵.

По «Положению» 1851 г. требования к издателям книг ужесточились. Лица, желавшие печататься в Университетской типографии за свой счет, должны были вносить при заказе примерно треть суммы, необходимой для этого. Книга выдавалась только после уплаты всей договорной суммы, и притом никакой долг не мог быть «терпим долее одного года, по истечении которого остающаяся обеспечением книга» продавалась для покрытия долга. Льготы предоставлялись университетским ученым, которые могли «уплачивать за свои издания по числу требуемых ими экземпляров напечатанной книги». Долг за ними типография терпела до двух лет. Но прибыли и от этих изданий были незначительны.

Небольшими были прибыли и от журналов, издаваемых от университета, если вообще были. В отчете за 1825 г. Курбатов писал, что «Вестник Европы» при тираже 916 экз. давал доход 1475 руб.; «Исторический журнал» при тираже 360 экз.— 131 руб. 13 коп.; «Новый магазин естественной истории» при тираже 85 экз. приносил убыток 1390 руб. 14 коп.¹⁷⁶ В последующие годы тиражи журналов продолжали падать. Всего же от продажи книг и журналов университет в первой четверти XIX в. получал около 15—20% дохода. Основным источником дохода (40—45%) были газета «Московские ведомости» и публиковавшиеся в ней объявления.

В 1850 г. попечитель университета нашел, что дела в типографии «в расстройстве», не соблюдается порядок приема рукописей, оборудование обветшало, пор-

тится около 20% бумаги, типография дает недостаточную прибыль. Ревизии типографии по расходу бумаги были и раньше. По ревизии 1829 г., типография использовала следующие сорта бумаги: газетная серая, газетная белая, белая лучшая, малая осоригпечная (?), корректурная, красная, синяя, картузная (?), писчая белая, писчая серая, александрийская, веленевая, желтая, веленевая для рисунков. На каждые 100 листов допускалась порча от одного до пяти листов в зависимости от сорта бумаги. Больше допустимого портилось газетной белой бумаги — 162 листа в год, а всего за год было испорчено 182 листа по всем видам бумаги¹⁷⁷.

В 1850 г. — новое обвинение со стороны попечителя университета в перерасходе бумаги, прежде всего на «Московские ведомости» — до 20% и даже более, на что университет ответил, что эта цифра «не заслуживает никакого вероятия», что бумаги портилось не более 2%, в то время как в Академии наук допускалась порча от 2 до 5%¹⁷⁸.

Правление университета писало, что оно «постоянно заботилось» об увеличении доходов и не согласно с тем, что типография приносит мало прибылей. Оно напомнило, что на типографские суммы строился Дворянский институт и в 1847 г. долг за тем институтом еще оставался в размере 99 250 руб. серебром. В 1837 г. в Департамент народного просвещения были высланы все «остаточные экономические суммы для составления особого экономического капитала». В 1846 и 1848 гг. туда же были переданы 40 тыс. и 50 тыс. руб. (по некоторым данным, для военного ведомства). Помимо этого типографии была должна 2-я Московская гимназия более 11 тыс. руб. В 1850 г. типографский капитал «обращался» в сохранной казне Московского опекунского совета. Ректор Альфонский, подписавший от Правления ответ, замечал, что «едва ли какое-либо другое заведение по Министерству народного просвещения может сравняться с нею (типографией) в доходах».

Правление университета соглашалось, что «в строениях типографии оказываются ветхости», типография «не имеет достаточного числа новейших шрифтов», но «на возобновление всех строений ее и на выписку новых шрифтов она имеет достаточный капитал, и только от усмотрения высшего начальства зависит употре-

бить его для улучшения типографских строений и шрифтов»¹⁷⁹.

Таким образом, к 1850-м годам Университетская типография потеряла набранный темп, но тем не менее оставалась одной из ведущих типографий страны.

Синодальная типография

Первый Печатный двор в России был основан около 1553 г. для того, чтобы проверить все писанные от руки церковные книги, в которые прокралось много ошибок, искажений, и заменить их печатными.

В 1721 г. печатный двор вместе с другими типографиями был передан Синоду, а в 1727 г. к Московскому печатному двору были присоединены все петербургские типографии, кроме типографии при Сенате, которая должна была печатать указы правительства, и типографии Академии наук. Сделано это было для того, чтобы церковные книги печатались в одном месте. В 1756 г. первый печатный двор, переименованный в Синодальную типографию (находился на Никольской ул. вместе с книжной лавкой), помог устроить книгопечатание при первом в России университете, отдав для этого часть своих станов, гравировальных досок, некоторых мастеров.

Типография постоянно перестраивалась, расширялась. Этот процесс наблюдался и в конце XVIII в., и в первой половине XIX в. Перестройка зданий велась с учетом архитектуры древних построек.

В Синодальной типографии работали крепостные, или, как их еще называли, типографские рабочие. Руководили работами типографская контора, директор, товарищ директора, фактор. На гербе типографии были изображены лев и единорог.

В 1812 г., после того как французы были изгнаны из Москвы, товарищ директора П. Д. Левашев сообщил в типографскую контору, что он нашел «типографию в том же виде, в каком ее оставил, кроме того, что во время подорвания части Арсенала и Кремлевских стен во всем доме в рамах стекла перелопались, а в некоторых окнах разбиты и самые рамы, и печи дали трещины».

Настоящий ущерб был подсчитан позже. Было расхищено, изодрано и измарано книг более чем на 8 тыс. руб., расхищено бумаги более чем на

2,4 тыс. руб., истоптано лошадьми более чем на 3,6 тыс. руб., расхищено материалов, изрезано, перебито, сожжено на сумму около 18 тыс. руб. Для восстановления типографии были затребованы долги от консисторий около 10 тыс. руб. У митрополита Московского преосвященного Августина заимообразно было получено 2 тыс. руб.

Типографию открыли 4 ноября 1812 г., но к книгопечатанию она могла приступить лишь через полгода, в апреле 1813 г. Помещения типографии оставались переполненными рабочими и их семьями. В 1814 г. был вновь отстроен (по проекту архитектора Миронова) типографский корпус. В 1817 г. все пришло в порядок, и 32 стана (перед войной их было 20) были в полном ходу. При типографии работала также и словолитня. П. Д. Левашев в 1821 г. был назначен директором и оставался им до своей смерти в 1835 г. В это же время фактором, т. е. смотрителем за всеми типографскими работами, был известный и опытный типограф и издатель А. И. Семен.

Синодальная типография, так же как и другие типографии, приобретала скоропечатные машины. В 1844 г. она имела их две, помимо 22 печатных станов¹⁸⁰, в 1857 г. — четыре. В работе А. Н. Соловьева есть упоминание о том, что типография купила у Н. А. Полевого свою первую паровую машину в 1861 г.¹⁸¹ К. А. Полевой действительно писал, что они с братом купили на промышленной выставке (1831) печатную машину. Но в конце 1830-х — начале 1840-х годов они перебрались в Петербург, и машина, скорее всего, была приобретена типографией в 1841 г.

Синодальная типография была одной из самых больших в России, она практически полностью удовлетворяла спрос на богословскую и богослужебную литературу. В ней печатались книги на старославянском, русском, французском, немецком, греческом, латинском, еврейском, грузинском и некоторых других языках. Пока нам не удалось выявить многих изданий Синодальной типографии за первую половину XIX в. Причина заключается в том, что у книг Синодальной типографии был несколько иной путь к читателю и далеко не все книги попадали в книготорговые каталоги.

Значительная часть издаваемой литературы была учебная: буквари, азбуки, псалтири учебные, грамматики, хрестоматии греческого и латинского языков.

Публиковались исторические памятники: сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, русские летописи. Например, были изданы «Летописец Новгородский, начиная с 1017 г.» (1819), «Русский временник» (1820). Князь М. А. Оболенский издал «Супрасльскую рукопись, содержащую Новгородские и Киевские сокровенные летописи» (1836).

Основными изданиями были псалтири, евангелия, жития святых, молитвы, месяцесловы, служебники, часословы, каноники, требники, святцы и т. д. Для примера приведем несколько названий: «Литургия нотного придворного простого пения», «Минеи Четьи», «Чин о приеме иноверцев», «Сокращенный нотный обиход», «Октоих», «Алфавит духовный». Книги печатались церковной и гражданской печатью, украшались киноварью. Одна и та же книга могла выйти и в полном виде и в сокращенном, и богато украшенной и вообще без украшений.

Издавались и собрания сочинений святых отцов. Например, в 15 томах изданы сочинения Тихона, епископа Воронежского. Печатались «Слова», произнесенные при погребении, торжественном открытии храмов, учебных заведений, во время торжественных собраний. Значительное место занимала литература по истории церкви, христианского учения. Ряд изданий можно отнести и к историческим исследованиям, например историческое описание храмов.

Потребность в изданиях Синодальной типографии в первой половине XIX в. оставалась высокой прежде всего среди низших и средних слоев населения. Именно по книгам, вышедшим из Синодальной типографии, учились дети в церковноприходских школах, духовных академиях, семинариях. Распространена была церковная литература и среди купечества.

В Синодальной типографии практически не печаталось сторонних изданий. Встречаются лишь издания Библейского общества, Комитета о издании назидательных книг для народного чтения (1847 и 1848 гг.).

Помимо богослужебных и учебных книг были и медицинские, среди которых, например, издания на грузинском языке. В общую цензуру 2 августа 1826 г. от лекаря П. Клапитонова поступили три рукописи на грузинском языке с русским переводом для цензора: «О предохранении от прилипчивых болезней», «О том, как помогать утопшим» и «О том, как помогать от уку-

шения и уязвления бешеных и ядовитых животных». Верность перевода подтвердил архиепископ Досифей, «начальствующий над печатанием книг на грузинском языке при Московской Синодальной типографии»¹⁸². В 1828 г. типография ходатайствовала перед общей цензурой об издании книги «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами», авторы Каменецкий и Саполович, перевод на грузинский был сделан все тем же П. Клапитоновым¹⁸³.

В первой половине XIX в. в Синодальной типографии начинают печататься книги на языках народов, населявших Россию: «Грамматика мордовского языка» (1838), «Букварь» алеутского языка (1845), «Краткая священная история» на зырянском языке (1843), «Катехизис» на якутском языке (1844). Через церковь, церковноприходские школы книги проникали в самые отдаленные места.

Типография Лазаревского института восточных языков

В 1816 г. в Москве на средства богатых армянских купцов Лазаревых было образовано армянское высшее учебное заведение, переименованное затем в институт. Председателем Совета института был попечитель из семьи Лазаревых, членами — преподаватели, приглашались и два представителя от родителей учащихся, которых было около 100 человек. Принимались в институт не только армяне, но и дети других национальностей свободных состояний. Полный учебный курс длился семь лет. Институт наряду с общеобразовательными функциями выполнял и такие, как подготовка переводчиков с восточных языков, учителей для армянских школ, священников. В институте велись исследования по изучению азиатских народов, собирались соответствующая библиотека, памятники письменности.

По указу 1827 г. институт поступил в ведение Министерства народного просвещения и как государственное учреждение был освобожден от городских повинностей. 4 июня 1829 г. был издан приказ «О дозволении статскому советнику Лазареву открыть в Москве типографию», «купленную им обще с братьями»¹⁸⁴. Типография была отдана в распоряжение архидиакона И. Иоаннесова. На первое время для обзаведения необходимым оборудованием Иоаннесов получал деньги из

Правления института, в дальнейшем типография должна была существовать на собственные доходы. Для уменьшения расходов по типографии читать корректуру издаваемых книг предписывалось служащим института.

В 1830 г. общее руководство типографией было поручено профессору Краузе, а надзор за работами — конторщику Надуткину-второму. С 1846 по 1850 г. типография находилась в аренде у мещанина В. К. Лукина. Должность цензора для армянских книг исполнял архимандрит московских армянских церквей.

В типографии печатались книги на «европейских и азиатских» языках. Так, в 1830 г. «после умножения станов и после устройства различных потребностей» книгопечатание велось на 13 языках: русском, армянском, латинском, греческом, французском, немецком, английском, итальянском, венгерском, сербском, грузинском, турецком, персидском. Типография имела 21 образец шрифтов¹⁸⁵. На книгах, вышедших из типографии, имелся вензель с изображением букв «И» и «А» в обрамлении веток.

По различным источникам нами выявлено 687 названий книг, вышедших из типографии Лазаревского института, среди них лишь небольшое количество на французском и немецком языках: В основном это грамматики, учебные пособия по изучению армянского, русского, французского и других языков, учебники по истории, логике, риторике, богословию, географии, арифметике, каллиграфии. Наряду с книгами для учащихся печатались книги для помещиков, промышленников — по счетоводству, ведению сельского хозяйства, технологии производства сахара, крахмала, поваренные книги и т. д. Издавались романы, как оригинальные, так и переводные, стихотворения, песенники. Значительную ценность представляет издание документов по истории Лазаревского института. Издание «Краткого начертания российской истории» И. К. Кайданова на армянском языке (1840) было одобрено Московским армянским духовным правлением.

Но этот перечень изданий неполон, так как многие из них не попадали в книготорговые каталоги, распространялись самим институтом или издателем. Например, институт постоянно издавал армянские прописи, которые сам и распространял среди различных заведений Москвы, Петербурга, Кишинева, Берлина, Парижа,

Лондона и частных лиц. Не указаны в каталогах и некоторые другие издания. Например, по архивным материалам известно, что в типографии в 1831 г. печаталось «Святое Евангелие [от] Матфея» на армянском церковном и гражданском языке, полученное от пастора Гасса, и «Катехизис», представленный архимандритом. Набор осуществляли дьякон с помощником — мальчиком, знавшим армянский язык¹⁸⁶. В 1830 г. воспитанник института Лорис Маликов издал молитву св. патриарха Нерсеса на 12 языках, английский пастор — книгу на армянском языке¹⁸⁷.

Некоторые издания институт заказывал. Так, в 1831 г. был заключен договор с С. Н. Глинкой о написании «Истории армянского народа», вышедшей в 1832 г. Автор получил за труды 1 тыс. руб. и 400 экз. книги¹⁸⁸. В типографии был напечатан полный армяно-русский словарь (1836), составитель которого, Худобашев, был награжден бриллиантовым перстнем, а попечитель, истративший на издание словаря 72 тыс. руб., получил «высочайшее благоволение».

Одно из наиболее серьезных научных изданий, принятых Лазаревским институтом, — «Обозрение армянской истории. Собрание актов» (ч. 1—3, 1833—1834). По поводу этого издания цензор Цветаев обращался в цензурный комитет за разъяснением, можно ли публиковать архивные материалы, собранные в России об Армении¹⁸⁹.

В 1848 г., когда типография сдавалась в аренду, в ней были напечатаны «Похождения и приключения гостинодворских сидельцев, или Проваливай! Наши гуляют!». Николай I нашел содержание книги «нелепым и безнравственным» и даже вредным «по некоторым встречающимся в ней неуместным выходкам». Книга была запрещена, из средств Московского цензурного комитета было выделено 50 руб. для того, чтобы скупить весь тираж (1,4 тыс. экз.) и уничтожить¹⁹⁰.

**Типографии П. П. Бекетова,
С. И. Селивановского, А. И. Семена
и других**

В России впервые в нарушение монопольного права на издание книг государством Екатерина II позволила иностранцу Гартунгу печатание иностранных книг в «вольной типографии», затем иностранцы Вейтбрехт и

Шнор получили разрешение печатать наравне с иностранными и русские книги, после чего в 1783 г. был издан указ «О вольных типографиях», разрешавший заниматься издательской деятельностью частным лицам.

Наиболее известна издательская деятельность *Н. И. Новикова*, который руководил несколькими типографиями в Москве: Университетской, которую он арендовал; собственной вольной типографией; типографией, организованной Типографической компанией; вольной типографией, принадлежавшей Лопухину; типографией тайной масонской ложи. Издательская деятельность *Н. И. Новикова* достигла для того времени невиданных размеров, что напугало Екатерину II. По официальной описи 1795 г., у Типографической компании имелось книг на сумму до 700 тыс. руб. В 1793 г. *Н. И. Новиков* был арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость, указ «О вольных типографиях» отменен. Лишь в 1801 г., с воцарением Александра I, запрет был снят и можно было приобретать типографии в частное владение или арендовать.

В Москве в первой половине XIX в. действовало, по нашим подсчетам, около 30 частных типографий. Положение типографщика было крайне неустойчивым. Существовать на доходы от типографии было практически невозможно, поэтому их владельцы заводили книжные лавки и платные читальни, пытались сами издавать доходные книги.

О судьбе одного из них — *И. В. Попова*, до 1806 г. арендовавшего Университетскую типографию, рассказал *К. А. Полевой*, познакомившийся с ним в 1823 г., когда это был «уже человек очень пожилой, чтобы не сказать старый»; его воспоминания «восходили до времен *Новикова*». Он был «званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков, некогда студент университета и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых».

И. В. Попов придумал структуру «Вестника Европы», где должна была соединяться политика с литературой, и предложил *Н. М. Карамзину* быть редактором журнала. Будучи бесталанным писателем, *И. В. Попов* обладал талантом издателя, перенял у *Новикова* самое главное — инициативу и предприимчивость. Прекратив аренду университетской книжной лавки и типографии,

Попов уже «не занимался ничем исключительно, а разыгрывал роль какого-то сентиментального философа»¹⁹¹.

Показательна трудная судьба типографщиков *В. С. Кряжева* и *И. Мея*. Их типография просуществовала около шести лет — с 1802 по 1808 г. На заведение типографии в 1802 г. Иван Мей, Василий Кряжев и купец Готье получили заимообразно в Московском опекунском совете 25 тыс. руб. Готье, владелец крупного книжного магазина, торговавшего иностранными книгами, увидев неприбыльность предприятия, скоро вышел из него. В. С. Кряжев начал свою издательскую деятельность еще в 1791 г. с издания «Руководства к аглицкому языку». Потом он занимался составлением и изданием книг для детского чтения. С 1806 г. Кряжев работал учителем, а потом директором коммерческого училища.

Деньги на заведение типографии были выданы Опекунским советом под залог книжного магазина Кряжева и Мея. За все время существования типографии, по нашим сведениям, было напечатано около 66 книг. Причину своих неудач типографщики видели в том, что они взялись печатать на собственное иждивение «Указатель российских законов», составленный Л. Максимовичем. Было напечатано три части, четвертая не была полностью напечатана из-за возникших между составителем и издателями разногласий. Составитель требовал оплаты своего труда, а у издателей не было для этого денег, так как все они ушли на печатание первых частей. Издатели обратились за помощью к правительству и попросили ссуду в 30 тыс. руб. В залог они давали 600 экз. «Указателя российских законов», по распродаже которых (60 руб. за экземпляр) должна была выручиться сумма в 36 тыс. руб. Но ссуды издатели на сей раз не получили.

Кряжев и Мей не могли даже платить проценты по ссуде и просили об отсрочке платежей. Возникла обширная переписка между председателем Московского опекунского совета А. М. Луниным, императрицей Марией Федоровной, под опекой которой находился совет, и владельцами типографии. К тому же типографщики обязаны были бесплатно доставлять книги в учебные заведения, подведомственные Опекунскому совету, на что ими было истрачено около 4,9 тыс. руб.

Им было предложено отказаться от покровительства воспитательного дома, но это было не выгодно, так как покровительство давало возможность иметь «снисхождение» от других кредиторов. Кряжев и Мей были освобождены от уплаты ежегодного взноса в пользу воспитательного дома и коммерческого училища по 1,5 тыс. руб., и долг их был рассрочен на восемь лет, но успеха в начатом предприятии так и не было. Склад, или книжный магазин, где хранились книги с 1802 г. на сумму более 23 тыс. руб., затопило. В 1807 г. Кряжев и Мей решили продать типографию «в ведомство Управы благочиния с переводом долга их сохранной казне на Управу». Но эта сделка не состоялась. Когда же в 1809 г. Опекунский совет приступил к продаже типографии и книжного магазина Мей и Кряжева, то оказалось, что все поврежденные водою книги ими были проданы на вес за 1740 руб.

В типографии было пять станов с принадлежностями. Опекунский совет обратился в Московское губернское правление с просьбой описать все движимое имущество типографщиков. За типографию никто не давал более 5 тыс. руб., за эту сумму она и была продана. Один из поручителей типографщиков уплатил более 10 тыс. руб., второй не смог уплатить, и на январь 1812 г., когда типография уже не существовала, за нею оставался долг около 9 тыс. руб.¹⁹²

Независимым было положение издателей, располагавших состоянием и не ставивших перед собой коммерческих целей. Таким издателем был *П. П. Бекетов* (1761—1836), деятельность которого наиболее изучена. Его типография существовала с 1801 по 1811 г. За этот период из нее вышло около 120 книг. Бекетов и позже занимался изданием книг, но печатал их уже в других московских типографиях.

Семья Бекетовых имела обширный дом на Кузнецком мосту, в одном из флигелей которого и были расположены типография и словолитня. В другом флигеле была открыта книжная лавка, где любили собираться московские писатели. Известны были и собрания литераторов в доме Бекетова по четвергам.

Бекетов принимал участие в издательской деятельности Н. И. Новикова. Унаследованное состояние давало Бекетову свободу действий. Он хорошо знал литературу, историю, сам сочинял песни, стихи, выступал в качестве переводчика. Отдельные его сочинения были

напечатаны в журналах. Общество любителей российской словесности избрало его своим членом. Но крупным литератором он не стал. Заслуга Бекетова перед русской словесностью заключалась в другом. Он подготовил к изданию и издал сочинения русских писателей: И. Ф. Богдановича, Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, С. Н. Глинки, Ф. Н. Глинки, П. И. Голенищева-Кутузова, П. И. Макарова, М. Н. Макарова, А. Ф. Мерзлякова, В. Т. Нарезного, Ф. Ф. Иванова, В. В. Измайлова, Н. М. Карамзина, А. И. Мусина-Пушкина, П. Пельского, А. Н. Радищева, Ф. В. Ростопчина, Д. И. Хвостова, М. М. Хераскова, В. С. Филимонова и др.

Эти издания отличались красивыми четкими шрифтами, тщательным типографским набором, художественными приложениями, гравированными заглавными листами, типографскими украшениями в виде роскошных и изящных виньеток и заставок.

С особенной тщательностью было издано Бекетовым Собрание сочинений И. Ф. Богдановича (ч. 1—3): в 12-ю долю листа, с восемью виньетками, портретом автора и подписью к нему в стихах самого издателя. Сочинение было внимательно отредактировано, критически проверено. М. А. Дмитриев писал: «Лучшее издание сочинений Богдановича — это издание Бекетова, напечатанное в его типографии. Никто не издавал у нас книг с таким тщанием: он присовокупил к нему все варианты автора, сличив разные издания, чего у нас никогда не делается»¹⁹³. Право на издание сочинений Д. И. Фонвизина он получил от наследников Фонвизина 20 мая 1820 г. Бекетов должен был все сочинения и переводы Фонвизина подготовить «по особому учиненному методу»¹⁹⁴. В 1828 г., когда Бекетов подготовил 5 томов сочинений и переводов, он узнал, что в цензурном комитете находятся на рассмотрении сочинения Фонвизина, неизвестно кем представленные. Бекетов просил цензурный комитет не разрешать это издание, поскольку имел права на него¹⁹⁵. Собрания сочинений и переводов Фонвизина, подготовленные Бекетовым, были напечатаны в 1829 г. в Университетской типографии. После смерти Бекетова в 1836 г. право на два издания сочинений Фонвизина по 1200 экз. получил купец И. Г. Салаев. Он напечатал одно издание, второе продал купцу Н. Н. Глазунову, получив за это 500 руб. На публикацию предисловия, написанного

П. А. Вяземским, Н. Н. Глазунов должен был получить согласие автора отдельно.

Еще в 1804 г. Бекетов в своей типографии печатал журнал «Друг просвещения», в котором митрополит Евгений начал публиковать свой «Словарь русских духовных и светских писателей», помог С. Н. Глинке в издании журнала «Русский вестник», напечатав на свои средства первые 12 книжек. На задней обложке журнала имелась орнаментальная наборная рамка, в середине которой была помещена марка издателя из трех букв вязью «П. П. Б.»¹⁹⁶.

П. П. Бекетов собирал рукописи, документы исторического содержания, автографы, портреты русских деятелей. Он активно участвовал в работе Общества истории и древностей российских, был избран его председателем, на свои средства издал устав общества и некоторые из его трудов. В 1810 г. им издано с лицевой рукописи XVII в. «Описание в лицах торжества, происходившего в 1636 году февраля 5, при бракосочетании государя и Великого князя Михаила Федоровича с государынею Царицею Евдокиею Лукьяновною, из рода Стрешневых». П. П. Бекетов писал: «В издании рисунков я совершенно держался подлинников, можно бы сделать их лучше, исправнее, но это было бы уже что-нибудь новое, а я хотел оставить на них отпечаток древности»¹⁹⁷. Напечатал он и речь, сказанную им на заседании Общества истории древностей российских, перепечатанную затем в «Трудах и записках». В общество он пожертвовал около 20 тыс. руб., библиотеку из 2736 книг и 96 рукописей, собрания медалей, монет (около 500 штук) и старинных редких вещей. Пожар 1812 г. уничтожил коллекцию Бекетова и Общества истории и древностей российских¹⁹⁸.

П. П. Бекетов собрал уникальную коллекцию портретов. Первое собрание портретов было им подготовлено еще в 1801 г. Тогда вышло четыре тетради, в которые было помещено по пять биографий и портретов. Биографии написаны Н. М. Карамзиным, портреты гравированы Н. Соколовым, И. Розановым, А. Осиповым. Не имея подписчиков, Бекетов не мог продолжить издание. Через 20 лет, когда он уже не имел собственной типографии, вернулся к своей затее и подготовил к изданию «Собрание портретов Россиян знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учености, сочинениям», которое состояло из 10 тет-

радей с 50 портретами. Во вступлении к «Собранию» Бекетов писал: «...если не ныне, то, может быть, со временем сделанное мною к чему-нибудь пригодится и найдутся люди, которые будут снисходительны и признательны к труду, хотя по многим отношениям несовершенному, но, смело могу сказать, бескорыстному, ибо издавать такую книгу, не имея более 15 подписчиков, и не легко и скучно»¹⁹⁹.

У Бекетова был план издания русской исторической иконографии. Для этого им была создана школа граверов, в которой гравер И. Розанов и академик по гравированию художник Н. И. Соколов обучили гравированию пунктиром А. Осипова, Фед. Алексеева, К. Анисимова, А. Афанасьева, М. Воробьева, А. Грачева, Ф. Касаткина, В. Храмцева, П. Федорова, Ив. Шошкина, Ник. Иванова, Еф. Кудрякова, Ив. Куликова, Н. Маслова, Анд. Машутина, Н. Милова, Я. Петрова. Бекетову удалось выпустить 70 портретов, выгравировано же было более 300 досок. После смерти Бекетова его собрание портретов и гравюр купил П. Ф. Карабанов, от которого оно попало в Эрмитаж. Часть портретов была приобретена М. П. Погодиным и кн. А. И. Барятинским. 306 досок с выгравированными портретами в 1837 г. купили братья Киреевские, по которым в 1843 г. они издали «Портреты именитых мужей российской церкви с примечаниями их кратких жизнеописаний» и в 1844 г. «Изображение людей знаменитых или чем-либо замечательных, принадлежащих по рождению или заслугам Малороссии» (42 портрета без биографий).

Заслуги Бекетова перед русским книгоизданием несомненны. Он поднял культуру издания. Все, что им издано, было тщательно подготовлено, напечатано на высоком полиграфическом уровне, красиво, изящно, с подобранными со вкусом иллюстрациями, украшениями.

Среди издателей, кто так же, как П. П. Бекетов, не преследовал коммерческих целей, можно назвать князя *В. В. Львова*, инспектора классов 1-го Московского кадетского корпуса. С 1831 по 1833 г. в типографии, которой он, вероятно, владел не один, В. В. Львов издавал книги для детей. О дальнейших его издательских планах стало известно из его ходатайств в цензурный комитет. Он дважды, в 1837 и 1842 гг., просил разрешить издавать детскую газету, которая долж-

на была «развить в юных читателях религиозность, любовь к государю и Отечеству, ознакомить с Россиею во всех возможных отношениях»²⁰⁰. В прошении издавать для народа «душеспасительные книги религиозного содержания» в 1843 г. В. В. Львов писал: «Служа страждущим в течение 20 лет и в продолжение сего времени обращаясь с сими несчастными, виновными против небесного и земного правосудия, я опытом убедился, что большая часть из них не имеет почти никакого понятия о божественной религии нашей, ни об обязанностях, ею налагаемых в отношении к Богу и ближнему, и, таким образом, будучи вне закона нравственного, они руководствуются одним инстинктом животной природы... Я желал бы снабжать их такими книгами, которые вместе питают душу и сердце русского примерами нравственными и благородными»²⁰¹. 6 октября 1843 г. ему было разрешено «издавать на свой счет для чтения простолюдинов книги духовного и нравственного содержания»²⁰².

Прекрасным исполнением типографских работ был известен *Н. С. Всеволожский*. Он считал свою типографию, основанную в 1809 г.; уникальной, «единственной в России», стоила она ему 150 тыс. руб.²⁰³ Такая стоимость поражает, если вспомнить, что другие покупали свои типографии за 5—10 тыс. руб. В типографии было 11 печатных станков, вместе с наемными мастерами работали и крепостные. В ней начинал свою карьеру А. И. Семен.

Современники по достоинству оценили типографию Всеволожского. По отзыву Н. Н. Бантыш-Каменского, типография «чистотою литер, добротою бумаги и тщанием под управлением иностранца, фактора Семена, все другие здешние типографии превышает»²⁰⁴. Типография располагала шрифтами российскими, латинскими, немецкими, французскими, английскими и польскими, выписанными из Парижа от Дидо. Для печатания «Собрания государственных грамот и договоров», подготовленных учеными, входившими в кружок Н. П. Румянцева, понадобились восточные шрифты. Всеволожский был готов сделать их при условии получения некоторого «вспомоществования» от Н. П. Румянцева. Но Румянцев отказался и последующие тома «Собрания государственных грамот и договоров» печатал в типографии С. И. Селивановского.

Типография прѣсуществовала недолго, до 1817 г. Если о других типографщиках можно говорить как об издателях, то в типографии Всеволожского, видимо, выполнялись только заказы. Доказательством этому служит то, что при выборе литературы для печатания не наблюдается интереса к какой-либо определенной тематике. Из 128 книг лишь одна треть художественные, остальные по разным наукам, больше всего книг по истории (28) и медицине (11). Половина книг оригинальные, другая — переводные. Среди авторов и переводчиков много профессоров Московского университета.

Одной из крупнейших среди частных типографий была типография *С. И. Селивановского*. Он начал служить еще мальчиком в типографии своего дяди М. П. Пономарева. В 1800 г., когда Селивановский стал работать в Сенатской типографии в Москве, а потом арендовать ее, он был уже опытным типографщиком. Одновременно в 1802 г. он открыл собственную типографию во дворе князя Козловского на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка.

С. И. Селивановский происходил из крестьян, не имел специального образования, но общение с авторами, чтение издаваемых книг, особенно сочинений Вольтера, не прошли даром. Сын его отмечал, что для отца был характерен свободный образ мыслей, перечислял известных литераторов, с которыми он вел переписку, кого снабжал необходимой литературой. С. И. Селивановский обладал хозяйственной хваткой.

30 марта 1829 г. Болховитинов писал Селивановскому: «...у вас самих такая типография, какой и немцы не устроят, и вам завидовать некому при всем вашем пристрастии к сему художеству. Но не понимаю, как вам достает время заниматься сим при ваших новых делах, довольно хлопотных»²⁰⁵. Болховитинов имел в виду то, что Селивановский был записан в купеческое состояние и занимался также торговлей. Издательская деятельность С. И. Селивановского, несмотря на размах и активность, навряд ли приносила ему большие прибыли, что отмечал Болховитинов, и он не осуждал своего друга за то, что Селивановский взялся за «пивной откуп»; единственное, о чем он просил, — это не забывать о типографии²⁰⁶.

Для С. И. Селивановского занятия издательским делом в большой степени были занятием для души.

Сам он и его сын, учившийся в университете, постоянно находились в контакте со всем московским обществом. Его дом в 1830-е годы был литературным салоном. Здесь бывали В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, А. Ф. Вельтман, А. В. Кольцов, П. С. Мочалов, М. С. Щепкин, А. Е. Варламов, И. и П. Ключниковы, И. Е. Дядьковский, Д. Л. Крюков, Ф. И. Иноземцев, П. М. Строев, М. П. Погодин. Его издательская деятельность носила просветительский характер.

С 1801 по 1835 г., год смерти С. И. Селивановского, по нашим подсчетам, из арендуемой им Сенатской и его собственной типографий вышло 927 книг. Это число может быть еще и пополнено. С 1837 по 1850 г. его сын Н. С. Селивановский издал еще 172 книги. Основное место среди изданной литературы занимали художественная и историческая. У него печатались Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, Д. В. Давыдов, А. Ф. Вельтман, Д. В. Веневитинов, А. Ф. Мерзляков, В. В. Пассек («пионер русской этнографии»), Ф. Н. Глинка, С. Н. Глинка, П. Л. Яковлев. К. Ф. Рылеев напечатал в 1825 г. у Селивановского свои сочинения: «Думы» и «Войнаровский». Примечания к этим книгам составил П. М. Строев, живший в доме Селивановского на Дмитровке²⁰⁷.

Из зарубежных авторов им были напечатаны сочинения Мильтона, Вольтера, Монтескье, Руссо, Вальтера Скотта, Лафонтена, Ричардсона, Юнга, а также Коцебу, Жанлис, Бланшард, Шписс, Радклиф.

Среди исторической литературы, помимо специальных изданий, подготовленных кружком Румянцева и печатавшихся в типографии Селивановского, было много литературы общеобразовательного характера. В исторических сочинениях отражена история России, всемирная история, особенно XVIII в., например, «Протекший век» (пер. с нем.), «История XVIII столетия» (также пер. с нем., 1806). Много книг было посвящено войне 1812 года и последующим военным действиям: «Опыт теории партизанских действий» Д. В. Давыдова (1821, 1822), «Поражение Франции в Германии» (1814), «Поражение Франции на Севере» (соч. Я. Тихонова, 1814).

Карамзин, печатавший свои сочинения в основном у Селивановского, хотел издать у него и «Историю го-

сударства Российского», но по не зависящим от него обстоятельствам «История» была напечатана в военной типографии в Петербурге.

Селивановский обладал способностью к историческому мышлению. Им были собраны «Документы 1813—1816 гг. об оказании помощи населению г. Москвы и Московской губернии, разоренному наполеоновскими войсками». К этим документам он написал собственное заключение, где привел аналогичные действия правительства Александра I описания мер, принимавшихся римскими императорами по отношению к населению, пострадавшему от землетрясения или пожара (по Тациту) ²⁰⁸.

Жизнеописания — один из любимых видов изданий в первой половине XIX в. В типографии Селивановского, как и в других типографиях, печатались книги о А. В. Суворове, Екатерине II, Наполеоне или собрания биографий, например «Жизнь мужей Франции» (1802).

Издавалась им и учебная литература, которая, видимо, печаталась на средства профессоров и преподавателей университета. В 1820-е годы тематика издаваемой литературы у Селивановского во многом сближается с университетской. У него напечатано несколько диссертаций университетских ученых на латинском языке, сочинений профессоров и преподавателей. М. Г. Павлов издал у Селивановского «Земледельческую химию» (1825), Ф. А. Денисов «Руководство к общей технологии» (1828), М. А. Максимович «Основы ботаники» (1828). Из типографии Селивановского вышло небольшое количество книг по сельскому хозяйству, домоводству, технологии. Привлекают внимание книги по праву длястряпчих, купцов, о заемных актах.

В следственных документах по делу декабристов Селивановский был упомянут как издатель, способствовавший целям тайных обществ «изданием книг, распространяющих свободные понятия» ²⁰⁹. В это время Селивановский был одержим идеей напечатать полную русскую энциклопедию в 40—45 томах. Им были заказаны статьи, первые три тома (А—Б) отпечатаны, для других томов подготовлено много статей. Все эти материалы после обыска попали в цензурный комитет. Позже Селивановскому было разрешено продолжать издание, но сделать этого он уже не смог.

Издания, вышедшие из типографии Селивановского, отличала высокая полиграфическая культура исполнения. Наибольшая заслуга его заключалась в создании нового типа исторического издания. В отличие от книг повседневного спроса исторические фолианты стали издаваться в четвертую долю листа, квадранты. Румянцев считал, что «Собрания государственных грамот и договоров», напечатанные у Селивановского, не уступали первой книге, вышедшей из типографии Всеволожского. Селивановский сумел сохранить единство издания, мастерскую композицию страниц. По мнению специалистов, издание имело «несколько приподнятый, торжественный характер»²¹⁰.

Селивановский был искусный типограф. Он издал в 1826 и 1834 гг. образцы шрифтов, украшений, виньеток.

Шрифты оригинальны по рисунку, самостоятельны, разнообразны. Типографские украшения в его изданиях органичны набору. Бордюры на страницах уже, чем у А. И. Семена, рисунок прост и гармоничен, в то время как у Семена более роскошен.

О некоторых изданиях можно говорить как о произведениях искусства. В строгих, суровых и возвышенных «Думах» Рылеева (1825) страницы «высокие». Текст по большей части расположен в виде узкой колонки, широкое пустое поле, колонцифры помещены над краем текста, отсутствуют красные строки, что делает текст еще выше и стройнее. Скупые и строгие украшения, гравированный титульный лист с замечательной гравюрой А. Фролова — задумавшийся Боян с гуслиями — гармонируют с наборной страницей.

«Сочинения» (1814) Дмитриева изданы иначе. Например, стихотворение «Наслаждение» (ч. 2, с. 34—35) напечатано не ввысь, а вширь: светлыми, легкими куплетами падает мягкий лирический текст. Открывается издание гравированным титульным листом с гравюрой, изображающей трех граций.

Еще одно издание — детский альманах «Незабудка» — маленькая книжечка с почти квадратными небольшими страницами и с таким же гармонически расположенным текстом. Подбор иллюстраций и виньеток делает книгу особенно привлекательной для детей. В иллюстрациях этого альманаха Селивановский едва ли не первым вновь обратился к деревянной гравюре²¹¹.

Марка типографии Селивановского отличалась изящной простотой и вполне соответствовала общему стилю оформления книг: она состояла из щита с инициалами (два «С»), слегка украшенного травами в одном варианте и лентами в двух других.

Селивановский не заказывал шрифты и виньетки за границей. Его словолитная обеспечивала шрифтами многие типографии России. В архиве сохранился список типографий, с которыми он вел дела: Витебская, для черноморских казаков, Ярославская, Пермская, Волынская, Пензенская, Новгородская, Черноморского адмиралтейства (поставлялись литеры), Черниговская, Переяславская, Донская, Таврическая, Енисейская, Херсонская, Одесская, Киевской губернии, Оренбургская, Томская, Тобольская, Нижегородская, Кавказская, Кишиневская, Вологодская, Гродненская, Полтавская, Тамбовская, Саратовская, Смоленская, Екатеринославская, Иркутская, Тульская, Могилевской губернии²¹².

Изобретенные Селивановским шрифты служили образцами для других типографий. Так, им был изобретен в конце 1820-х годов декоративный шрифт с двойным оттенением, который получил широкое распространение в Москве, затем в Петербурге и не встречался в западноевропейских изданиях. Из типографии Селивановского вышло «Полное руководство теоретическое для рисовальщика и печатальщика литографа» (соч. Р. Л. Брежо, пер. с фр., с шестью рис., 1833). Среди изданий на подобную тему оно было, вероятно, единственным в Москве.

Заслуги Селивановского перед отечественной культурой как издателя и как типографщика несомненны. В его издательской деятельности на первый план выступали просветительские тенденции, стремление к высокой культуре издания.

Одновременно с Селивановским действовал другой крупный издатель и типографщик — *А. Г. Решетников*. М. П. Погодин говорил о Решетникове как о человеке просвещенном, хотя сам издатель страдал от недостаточной образованности. Решетников начинал свой путь в конце XVIII в., еще при Новикове, резчиком гадательных карт и визитных билетов. Вскоре он приобрел типографию и начал печатание книг.

После того как деятельность вольных типографий была запрещена, Решетников в 1800 г. продал свою

типографию Губернскому правлению и был назначен в ней смотрителем. В 1840 г. он был уволен с должности смотрителя, а типография была переведена из его дома в губернские присутственные места²¹³. Когда вновь было разрешено открывать вольные типографии, Решетников, оставаясь смотрителем Губернской типографии, открыл и свою. В 1808 г. наряду с книгами, на титульных листах которых значилось: «В Губернской типографии, у А. Решетникова», выходили также книги с указанием: «В вольной типографии Решетникова», «В типографии Решетникова». Это продолжалось до 1816 г., когда стала упоминаться только одна типография: «На Петровке, у Рождества в Столешниках, в собственном доме».

Решетников имел в типографии пять собственных печатных станков и два принадлежавших Губернскому правлению, два фигурных стана для воспроизведения эстампов. Шрифты были русские, греческие, латинские, французские и немецкие²¹⁴.

По количеству издаваемой литературы Решетников уступал Селивановскому примерно вдвое. Нами выявлено 475 названий книг, вышедших с 1801 по 1843 г. Решетников предпочитал выполнять заказы, т. е. выступать в роли типографщика, но не всегда. Чтобы привлечь авторов, переводчиков, желавших издать книги «на свое иждивение», он обещал для книги бесплатно гравировать картинку на медной доске, которую после выхода книги отдавал издателю.

Решетников составлял азбуки, книги для первоначального чтения и постоянно их переиздавал. Они были иллюстрированы, украшены виньетками, рамками. Среди его изданий было несколько книг богословского содержания: «Священная история Ветхого и Нового завета» (1803), «Полное собрание псалмов Давида» (собрал Решетников, 1811), «Размышления о любви к Богу» (1801), «Сто четыре священные истории» (1801). Для начальных и средних классов печатались разговорники латинского, французского языков, руководства по математике, географии. В 1801 г. вышел «Опыт о человеке» А. Попа. Печатались популярные книги по медицине, например «Простонародный лечебник» (1801).

Как арендатор Губернской типографии, Решетников регулярно печатал «Указы Московского Губернского правления».

Книги по истории носили учебный или популяризаторский характер, например «Таблица хронологическая», составленная А. Голицыным (1801), книги о великой Екатерине II, копчине Павла I, о Суворове, Бонапарте, Петре I, А. Д. Меншикове, Вольтере («Оракул новых философов», 1803), встречающаяся у многих типографчиков «Переписка Екатерины II с Вольтером» (1803). Из научных исследований можно назвать «Исторический разговор о древнем Великом Новгороде» Е. Болховитинова (1808), «Плоды трудов моих» К. Ф. Калайдовича (1808), «Картина народов» Шелли (1811). Откликаясь на такое событие, как взятие Парижа, Решетников напечатал «Победную песнь» Н. Щеголева (1814).

В одном из объявлений в «Московских ведомостях» Решетников писал: «Издатель не имел в виду своего прибытка, но целию его было только то, чтоб тем услужить младому российскому юношеству»²¹⁵. Именно эта задача в пределах возможного и стояла перед Решетниковым. Отсюда появление книг с нравственными рассуждениями, о воспитании, учебников, книг для детей, сказок наряду с популярными в то время сочинениями Коцебу, Коттень, Жанлис и т. п.

Сын А. Г. Решетникова И. А. Решетников в 1817 г. упоминался как переводчик с латинского «Древней всеобщей истории». В 1828 г. в цензурный комитет поступило от него ходатайство об издании «Программы курса химии» А. А. Иовского²¹⁶. В 1840 г. он издал книгу об удобрениях. В 1844 г. типография была закрыта, так как не было своевременно получено разрешение на ее открытие²¹⁷. Но потом, вероятно, И. А. Решетников получил его, так как обращался в цензурный комитет с просьбой издавать «Архив русского сельского хозяйства, садоводства, лесоводства, домоводства, сельской технологии и домашней медицины». При этом им были представлены дипломы на звание действительного члена Вольного экономического, Московского сельскохозяйственного обществ и Российского общества любителей садоводства²¹⁸.

Крупнейшим издателем первой половины XIX в. был А. И. Семен. Он родился в Париже в 1783 г. В Москву прибыл, вероятно, как сопровождающий оборудование для типографии Всеволожского. Во время войны 1812 г. он вместе с другими иностранцами был выслан в Нижний Новгород под надзор губернатора.

РАЗНЫЯ
ПОВѢСТИ.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ
Н. КАРАМЗИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1816.

Титульный лист с маркой типографщика С. П. Селивановского

Там Семен провел около двух лет. После возвращения в Москву какое-то время продолжал служить фактором у Всеволожского. В 1818 г. был определен инспектором Московской синодальной типографии и проработал в этой должности около 40 лет. В 1837 г. он выслушал русское дворянство.

По сведениям Б. Л. Модзалевского, А. И. Семен начинал самостоятельную издательскую деятельность в 1820 г. и арендовал типографию Медико-хирургической академии. Нами зарегистрировано две книги

за 1816 г. с упоминанием имени Семена в выходных данных. В 1818 г. их было уже 20. Медико-хирургическая академия прекрасно оборудовала свою типографию. Возглавляемая А. И. Семеном, она стала лучшей в Москве по качеству полиграфического исполнения.

Вскоре А. И. Семен приобрел собственную типографию. В 1828—1830 гг. она находилась на Кисловке, в доме Ланга. Сведений о том, как долго Семен арендовал типографию Медико-хирургической академии, нет, но, вероятно, не дольше 1845 г., когда Московское отделение Медико-хирургической академии было закрыто. Семен был постоянно связан с французскими типографщиками. В своей словолитне по образцам Дидо он изготовлял шрифты не только для собственной типографии, но и для продажи, служил посредником между московскими типографщиками и французскими фирмами.

1 октября 1846 г. Семен продал типографию вместе с остатками всех своих изданий зубному лекарю 1-го Московского кадетского корпуса К. К. Жоли. Типография сохраняла фирму своего основателя и продолжала печатать начатые им издания²¹⁹. Книги, выходившие после 1846 г., печатались также с указанием: «В типографии А. Семена». Всего из типографии до 1846 г. вышло 992 названия и с 1847 по 1850 г.—267. А. И. Семен к концу жизни уехал во Францию и умер в 1862 г. 80 лет от роду.

В 1848 г. вышла книга с образцами шрифтов с указанием на типографию А. А. Семена, находившуюся на Софийской улице, в доме Аргамакова. Это была типография сына А. И. Семена, который родился в 1812 г. и работал корректором в Синодальной типографии, там же, где продолжал служить его отец после продажи своей типографии.

Больше половины вышедших из типографии А. И. Семена сочинений были оригинальными. Значительным было количество переводов, изданий на европейских языках. Типичными были издания учебников, главным образом по иностранным языкам. В 1827 г. был напечатан «Словарь российско-польский», составленный Н. Селивановским, сыном С. И. Селивановского.

Среди изданий А. И. Семена нет сочинений таких западных писателей, как Коцебу, Радклиф, Шписс, Зегерс, Лафонтен, но есть сочинения русских писателей Ф. С. Кузмичева, А. Ф. Вельтмана, чьи сочине-

ния были близки к лубочной литературе. У Семена были дружеские отношения с Н. А. Полевым, который печатал у него «Московский телеграф», переводы, сочинения. Почти все сочинения А. С. Пушкина, печатавшиеся в Москве, вышли из типографии Семена. У него же печатались стихи Баратынского, Жуковского, Д. Давыдова. В его типографии в 1833 г. было напечатано первое издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Особое место среди изданий Семена занимала литература с иллюстрациями. С 1835 по 1843 г. здесь выходило издание, которое многие называют первым иллюстрированным журналом, — «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей, издаваемое Авг. Семеном». Это издание было задумано Н. А. Полевым, ставшим его составителем и редактором.

Деньги для напечатания иллюстрированного издания «Памятники Московских древностей» (1842—1845) были даны князем Д. В. Голицыным. Общество истории и древностей российских поручило своему сочлену И. М. Снегиреву, давно занимавшемуся историей Москвы, написать «Очерк монументальной истории Москвы», гравирование изображений выполнил академик Академии художеств Ф. Г. Сонцев, исполнение же рисунков и печатание книги было поручено Семену. В издание вошли три плана Москвы, 18 гравированных и литографированных рисунков. Издавалось оно в большую четверку, на веленовой бумаге, текст печатался красивыми буквами в два столбца. Выходило издание тетрадями, в каждой из которых было по два рисунка гравированных и по два превосходно отпечатанных красками в Париже. Стоила каждая тетрадь до 4 руб. серебром. Всех тетрадей предполагалось выпустить 10. Было много и других иллюстрированных изданий.

По характеру изданий, по типографскому искусству А. И. Семен был намного выше многих типографов Москвы, чем заслужил признание современников:

В первой половине XIX в. работал целый ряд средних типографий, некоторые из них просуществовали более 10 лет. Из типографии *М. Пономарева* до 1812 г. ежегодно выходило в среднем около 10 книг, среди ко-

торых значительное место занимали сочинения А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, И. М. Долгорукова. В его типографии был переиздан «Опыт о человеке» А. Попа (1806), поэма Г. Томсона «Четыре времени года» (1812). После войны и разорения в 1812 г. печатались одна-две, редко четыре книги, но с 1833 по 1836 г. вышло более 100 книг из 195 зарегистрированных нами с 1801 по 1836 г. В основном в последние четыре года были напечатаны сочинения А. Орлова, Ф. Кузмичева, сказки.

В 1844 г. типография, имевшая два печатных станка, числилась за дочерью Пономарева, Любовью Матвеевной, но печатались ли там в это время книги, неизвестно.

Из типографии братьев *Кузнецовых* с 1820 по 1833 г. вышло более 100 книг. Небольшую часть их составляли книги по медицине, праву, домоводству, в остальном же это была художественная литература: сочинения Расина, Жанлис, Лафонтена, Бернаделли, Эзопа, М. Майкова, Флориана, Буффа, Дидло, В. Скотта.

После смерти одного из братьев типография перешла к В. П. Кузнецову, коллежскому регистратору. Он на двух печатных станках печатал отчетные ведомости для Опекунского совета и других присутственных мест²²⁰.

Одной из типичных типографий 1830—1840-х годов была типография братьев Алексея и Сергея *Еврейновых*, открытая в 1836 г. В ней использовался труд крепостных. Книги, вышедшие из типографии, имели определенный читательский адрес. Еврейновы издавали литературу, необходимую в повседневном быту среднего помещика и его семьи. Это развлекательная литература для скучающего в своем имении помещика: «Балясы» (1845), «Старичок балагур» (1845), «Приятный собеседник» (1846); собрания поздравительных стихов; музыкальные сочинения — собрания песен, комическая опера «Мельник — колдун, обманщик и сват» А. Аблесимова; гадательная литература; литература для детей — сказки, рассказы; для народа — лубочные картинки. Для пользы и для души издавалось немного богословской литературы, книги о воспитании детей («Домашнее воспитание», 1836), медицинские книги, учебники для начального обучения, книги по ведению хозяйства.

Несколько особняком среди этих изданий стоят три сборника стихотворений А. И. Полежаева: «Песни, романсы, стихотворения» (1836), «Арфа» (1838), «Кальян» (1838). С изданием еще одного сборника ничего не вышло. А. Т. Еврейнов, отставной корнет, вероятно, был близко знаком с Полежаевым, если попытался провести через цензуру ранее запрещенные его стихи. В 1838 г. в цензурном комитете на типографщика А. Т. Еврейнова, проживавшего в Мещанской части на Сокольнической даче, было заведено дело. В представленной им в цензурный комитет рукописи «Из Виктора Гюго» были обнаружены запрещенные ранее сочинения А. И. Полежаева. Дворовый человек Еврейнова Е. М. Барков, бывший смотрителем типографии и живший в доме купца Логинова на Тверской улице, по поводу запрещенных стихов Полежаева ничего объяснить не смог. Сам же Еврейнов объяснил это тем, что о запрещении ничего не знал, а рукопись им была куплена у Полежаева²²¹.

Разрешение на открытие типографии *Т. Н. Степанову* было выдано в 1823 г. Книги же в ней начали печататься только в 1827 г., и до 1850 г. их вышло около 800. В его типографии печатался Надеждиным журнал «Телескоп» и приложение к нему — «Молва». Наряду с отдельными изданиями азбук, учебников, книг по медицине, домоводству, кратких поучений типа, «како стояти в церкви», основное внимание уделялось изданию художественной литературы. Среди авторов был В. Скотт, А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, М. А. Дмитриев, Коттень, Ф. Купер, Н. Данилевский, Д. Ленский, А. Петров, Ш. Дидло, И. И. Хемницер, Ф. Кузмичев, В. Т. Нарезный. Изданы были музыкальное сочинение Гайдна «Четыре времени года» (1830), «Нравственные философские беседы» Блера (пер. с англ. А. Буниной). В 1844 г. в типографии было восемь печатных станков, в ней печатались книги на разных языках, принадлежала она Николаю Степанову, вероятно сыну Т. Н. Степанова.

Типография *В. Н. Кириллова* была открыта в 1836 г. В ней были одна скоропечатная машина и девять печатных станков. Книги выходили на русском, французском, немецком, польском и латинском языках. С 1836 по 1850 г. в ней напечатано около 400 книг, в основном сочинения русских авторов. Среди них лубочные сочинения, сказки, сочинения Ф. С. Кузмиче-

ва, А. Чуровского, И. И. Хемницера, Д. И. Фонвизина, М. Н. Загоскина, А. А. Орлова, С. Фенелона. Отдавалось предпочтение изданию разных полезных книг: о том, как сохранять память, гнать деготь, о грибах, «117 способов отыскивать пользу из картофеля», как предсказывать погоду, делать сахар, о новооткрытых секретах изготовления искусственных камней, о расположении садов, о паровой бане, об устройстве орапжерей, изготовлении улучшенных бритв и т. п.

В. Н. Кириллов имел и литографию, в которой печатал картины, ноты, азбуки. На картинах изображались сельские пейзажи («Прогулки в поле», «Прилежный поселянин»). Среди нотных изданий — танцевальные сочинения, русские песни.

Арендатор типографии московских театров купец *И. И. Смирнов* первый раз упомянут в выходных данных нескольких книг за 1833 г. Официальное разрешение на владение типографией он получил 14 ноября 1835 г. В 1844 г. в его типографии работало 13 станков, книги печатались на русском, французском, немецком, английском, итальянском, латинском и греческом языках. С 1836 по 1850 г., по нашим подсчетам, в типографии было напечатано около 340 книг, более половины которых — художественная литература, драматические сочинения. Издавалась здесь и богословская литература, содержащая краткие объяснения вечерни, литургии, заутрени. Печатались также гадательные книжки, сонники.

Помимо уже названных типографий было много и более мелких, по своему характеру мало отличавшихся одна от другой. Некоторые из них, просуществовав год-два, закрывались, как, например, типография А. Ф. Мерзлякова и Н. Дубровина.

Литографии, металлографии, гравировальни

Помимо типографий издательская продукция в первой половине XIX в. выходила и из литографий, металлографий и гравировален. Здесь главной фигурой был гравер. В списке художников, проживавших в Москве в 1826 г., В. Соколов указал только двух граверов²²², но их было гораздо больше. Вспомним приведенный выше список обучавшихся гравировальному искусству в школе, созданной П. П. Бекетовым.

В первой четверти XIX в. в вышедших изданиях обычно указывалось имя гравировальщика без указания мастерской. Например, «Прописи российские, содержащие три почерка» гравировал В. Виноградов (1826); издания «Новейшая генеральная почтовая карта Европы, гравированная А. Флоровым» (1814), «Примеры Российского и Французского чистописания Александра Максютинна» (1816) гравировали А. Осипов и А. Фролов. Лишь в 1826 г. в архивных документах мастерская Е. Кудрякова названа «гравировальной»²²³.

Во второй четверти XIX в. на изданиях наряду с именем гравера появлялось и название мастерской: металлография, литография, но не всегда. По сведениям, представленным в Министерство внутренних дел, в Москве в 1844 г. действовали 16 типографий и 15 литографий. Никаких других видов мастерских не названо.

Точно определить число мастерских, выполнявших гравировальные работы, оказалось невозможно: многие существовали при типографиях, другие выпускали такую печатную продукцию, которая не находила отражения ни в архивных документах цензурного комитета, ни в книготорговых каталогах.

Мастерские, выполнявшие заказы на иллюстрации к книгам

Гравировальные мастерские выполняли по заказам типографий иллюстрации к книгам и журналам. Основным способом иллюстрирования оставалась углубленная гравюра на металле, чаще резцом по меди, по офортной подготовке. Гравюра вплеталась в начало

или конец книги. Отдельные экземпляры какого-либо издания по количеству и видам вплетенных гравюр нередко не совпадали. Иллюстрации к книгам в типографии Московского университета гравировали С. К. Цеттер и А. А. Флоров. Последний из них в 1806 г. окончил Академию художеств в Петербурге, учился у гравера Клаубера, с 1806 по 1822 г. числился в должности рисовальщика и гравера при Музее натуральной истории Московского университета, после 1822 г. перешел только на частные работы.

Гравирование стоило дорого. За 11 таблиц к книге «Начальные основания естественной истории растений» (1823) на медных досках было заплачено университетом 396 руб.²²⁴ Гравирование портретов стоило еще дороже — около 50 руб. только за гравирование одного портрета без отпечатывания. Дороговизна объяснялась тем, что бумага, свинец, олово и прочие принадлежности для металлических досок выписывались из-за границы. Литографические камни и станки и металлографические станки выписывались из Германии и Франции. Университетской типографии литографирование «Арабской грамматики» А. В. Болдырева стоило гораздо дешевле, всего 150 руб., но это можно объяснить тем, что университет имел собственную литографию²²⁵.

Мастерские, готовившие прописи, азбуки

Помимо иллюстраций к книгам из гравировальных мастерских выходили и самостоятельные издания: прописи, азбуки, ноты, карты, песенники, картинки, портреты. Вся эта продукция не подвергалась строгому контролю со стороны цензуры, тем более учету.

На издании прописей, азбук специализировались гравер А. Фролов, А. Осипов, братья Кудряковы. Тиражи таких изданий были значительными. Например, содержатель литографии и гравер Е. М. Кудряков и его брат гравер И. М. Кудряков издали «Прописи французские» (1827) на 20 страницах тиражом 4 тыс. экз.²²⁶

Е. М. Кудряков в одной из цензурных ведомостей назван вольноотпущенным²²⁷. Его имя упоминается среди обучавшихся гравировальному делу у П. П. Бекетова. Им он, вероятно, и был отпущен на волю. В литографии Е. М. Кудрякова помимо прописей печаталась «Таблица римской истории от древнейших

времен до разделения империи»²²⁸, возможно заказанная для какой-либо книги.

Среди граверов, занимавшихся подготовкой и изданием прописей, можно назвать В. Виноградова, издавшего «Примеры русского чистописания легкого новейшего почерка, с наставлениями положения корпуса и способа держания пера» (1820). В архивах встречаются имена граверов Кейзера («Модели каллиграфии», 1827)²²⁹, Курочкина («Прописи латинские», 1833)²³⁰.

Широкое распространение подобного типа изданий объяснялось тем, что в конторах тогда работали писцы, карьера которых во многом зависела от красоты почерка. Например, в архиве имеется разрешение цензурного комитета, данное Гуслисту в ответ на его просьбу издавать «Уроки каллиграфии» отдельными тетрадями, но не как периодическое издание и без предварительной подписки²³¹.

Мастерские, печатавшие портреты, картинки

Другим распространенным видом изданий, выходивших из гравировальных мастерских, были портреты, картинки. Излюбленными были портреты членов царской фамилии, для печатания которых требовалось разрешение цензуры. Например, гравер А. Г. Афанасьев просил в 1818 г. разрешить ему напечатать два портрета его императорского величества²³². А. Г. Афанасьев, вероятно, был и гравером, и книгопродавцем, и издателем, так как в 1828 г. обращался в цензурный комитет за разрешением напечатать гравюру «Военный вид Москвы» тиражом 600 экз., которую он предполагал поместить в издаваемом им «Месяцеслове» на 1828 г.²³³ В 1841 г. у него уже имелась металлография, где был напечатан лист с изображением препирающихся старообрядцев и подписью: «Делателие льстивии, превращающие Слово Божие и нечистое оное проповедующие», с выписками из «Кормчей книги» и «Отеческих писаний». В 1843 г. он попросил разрешить ему издавать журнал «Магазин дамских и мужских мод, извлеченных из иностранных журналов»²³⁴.

Известной мастерской, откуда в течение первой половины XIX в. выходили картинки, была мастерская Ахметьева. Ее в своем исследовании о лубке упоминал И. М. Снегирев. Но в книготорговых каталогах продук-

ция этой мастерской практически не нашла отражения. В архиве находится расписка «купецкой вдовы Татьяны Афанасьевны Ахметьевой, а вместо нее сын ее родной Иван Петров Ахметьев расписался», о том, что она «имеет одно металлографическое заведение» (1837)²³⁵. Ранее, в 1828 г., ее сын расписался в «Объяснении», взятом цензурным комитетом от содержателей в Москве «эстампных, металлографических заведений и торгующих при том оными» о выполнении всех цензурных требований, соблюдении цензурного устава²³⁶. Такие проверки время от времени устраивались цензурным комитетом вместе с Управой благочиния.

Гравировальные мастерские печатали жанровые картинки, пейзажи, иллюстрации к конкретным историческим событиям, художественным произведениям, копии картин известных художников. Например, из литографии Руднева в 1849 и 1850 гг. вышли картины с такими названиями: «Русская национальная масленица», «Последний день Помпеи», «Наполеон и его сын», «Рыбачьи дети», «Английские цыганские дети», «Кавказский пленник» (в 3 картинках), «Возвращение Наполеона из России», «Возвращение французов из России в 1812 г.», «Голод при царе Борисе Годунове в 1601 г.», «Детство. Юность. Мужество. Старость», «Бесславная дочь», «Как хорошо ко мне идет», «История Фауста» (в 6 картинках), «Гусар», «Счастливое семейство», «Брачное условие», «Охота на льва», «Любовь делает счастливым»²³⁷ и многие другие.

Картины литографа Чуксина имели названия известных романсов и песен: «Лучина, лучинушка», «Ах, не будите меня, молодую», «Под вечер осени ненастной» (1849, 1850). Литограф Харитонов предпочитал литографировать картины с изображениями морских пейзажей.

В книготорговых каталогах А. С. Ширяева перечислялись портреты, продававшиеся по рублю или по два: портреты царей, королей прусских и шведских; военачальников — Суворова, Кутузова-Смоленского, Барклай де Толли, Тормасова, Витгенштейна, Платова, Милорадовича, Сакена, Каменского, Воронцова, Кутайсова, Волконского, Дохтурова, Тучкова, Чернышева, Давыдова; портреты российских авторов — Г. Р. Державина, М. В. Ломоносова, И. М. Долгорукова, В. Н. Татищева, А. Д. Кантемира, Д. И. Языкова, И. А. Крылова; профессоров Московского университета.

Нотные мастерские

Одним из наиболее популярных видов продукции гравировальных мастерских были ноты. Их издавали владельцы мастерских, нотограверы, музыканты, любители музыки, нототорговцы. Например, нототорговец К. Ленгольд был активным издателем. До 1812 г. в Москве работало несколько мастерских. Среди них нотное издательство Ж. Пейрона (1806—1812) издавало отдельные сочинения, журналы: «Журнал для семиструнной гитары» (1807), «Приношение прекрасному полу» (1809—1812), «Трубадур» (1812). Франц Вейсгербер, музыкант, преподаватель на духовых инструментах, имел нотную мастерскую в Немецкой слободе (1806—1812). Здесь он печатал ноты по заказам или собственные сочинения. После войны он пытался возродить мастерскую и в 1817 г. издал прелюдии для фортепиано И. Геслера. Владели нотным мастерством К. Эльберт (1810), Дальмас (1812)²³⁸.

Металлография Карла *Венцеля* так и называлась — нотной. Если судить по разнообразию музыкальной литературы и по ее количеству — это было крупнейшее заведение. Первые свидетельства о металлографии Венцеля относились к 1826 г., когда в его металлографии и в Театральной типографии А. Писаревым и А. Верстовским был издан «Драматический альбом на 1826 год». Затем Верстовский издал «Музыкальный альбом» на 1827 и 1828 гг., который уже целиком гравировался и печатался в металлографии Венцеля. У Венцеля печатался в 1834—1835 гг. и музыкальный журнал «Эолова арфа». В течение 1835 г. вышло шесть номеров «Партитуры для военной трубной музыки с педалями», издаваемой Генрихом Эбергардом. Венцель напечатал и три тетради «Романсов и песен» М. Глинки (1834—1835). Издавал Венцель и учебники, например «Венский самоучитель» (1832). Таких солидных изданий, как альбомы, журналы, книги, было не так уж много. Основную массу нотных изданий составляли мазурки, вальсы, польки, кадрили, куплеты из опер, водевилей, романсы, русские народные песни с нотами и словами — и все это на одной или нескольких страницах. Например, были изданы песни «Не белы снеги в чистом поле забелелись», «Соловей мой, соловей», «Вылетала бедна птичка на долину», «Девушки красавицы», «Вот мчится тройка удалая» с шестью varia-

циями, «Очи», «Не одна то в поле дороженька пролегла». 30 апреля 1828 г. Венцель получил в цензурном комитете билет на выход в свет нот «Elegie d'Alexandre Pouschkine»²³⁹. Регулярно печатались ноты и текст гимна «Боже, царя храни».

Активным издателем нот в 1833—1835 гг. был *Максимов*. Его металлография не уступала металлографии Венцеля. Здесь печатались те же мазурки, полонезы, кадрили, романсы, песни, гаммы. Например, в одном из своих обращений в цензурный комитет он просил разрешение издать 12 песен для скрипки: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «Старый муж, грозный муж», «Нет, не солнышко превиде вечера», «Ах ты, моя доля, моя молодецкая», «Что это за сердце», «Не одна то во поле дороженька», «Вдоль по улице молодец идет», «Ахти, матушка, голова болит», «Пряди, моя пряха», «Люблю грушу садовую», «У ворот девки стоят», «Хожу я по улице»²⁴⁰. У Максимова в 1834 г. был издан романс «Цыгане» на слова Пушкина.

Одним из лучших издателей музыкальных сочинений был *А. С. Мельгунов*. Его литографическое заведение имело название «Музыкальное эхо». Он стал основным издателем сочинений *А. Е. Варламова*, что подтверждает находящаяся в архиве расписка Варламова от 18 декабря 1843 г.: «...я, Варламов, продал ему, Мельгунову, с сего числа все имеющиеся быть мною, Варламовым, сочиненные романсы, песни или музыкальные творения... в вечное владение»²⁴¹. Среди сочинений Варламова, представленных Мельгуновым в цензурный комитет в 1846 г., романсы «Сад роскошен и цветист», «Две звезды», «Расставанье», «На небо взглянул», «Речи и очи». Романс «На небо взглянул» был написан на слова Плещеева.

Бриккер по количеству выпускаемых музыкальных сочинений в 1849 и 1850 гг. не уступал Венцелю в его лучшие годы, возможно, даже превосходил. Он печатал романсы и песни и известных музыкантов и малоизвестных: *К. Сидоровича*, *Ф. П. де Витте*, *Е. Оглоблина*, *И. Лемана*, *А. Дюбука*, *С. Штутцмана*, *И. Гагарина*, *П. Булахова*, *В. Лангера*, *Ф. Ортнера*, *Н. Волкова*, *Е. Захарова*, *Плотницкого*, *Н. Рубинштейна*, *Матусевича*, *Д. Половцева*, *М. Горшкова*, *Н. Дмитриева*, *А. Гурилева*, *С. Урусова*. Среди авторов слов романсов, песен были Пушкин, Лермонтов, Козлов, Полежаев, Плещеев, *Ю. Жадовская*.

В 1828 г. содержатель литографии П. Белов (живший на Тверской в доме Демидова) издал «Музыкальный альбом» Варламова и Глинки²⁴². Других сведений об этой литографии у нас нет. В 1837 г. в архивах упоминался еще литограф Алексей Белов²⁴³.

Некий Алмазов в 1837 г. обратился в цензурный комитет с просьбой разрешить ему издать два романса на слова Лермонтова: «Как по вольпой волюшке» и «Я не хочу, чтоб свет узнал» — и два романса на музыку Н. Самсоновой: «Бабочка» и «Моему коню»²⁴⁴. Была ли у него своя литография, трудно сказать.

Раппольт печатал в своей литографии романсы, песни, танцевальную музыку А. Алябьева, А. Григорьева, С. Чиффа, А. Шагеллона, И. Штрауса. У нас есть сведения о работе его литографии только за 1849 и 1850 гг., как и упоминавшегося выше Бриккера.

Средний тираж одного музыкального сочинения в год был 1200 экз. Но это, можно сказать, пробный тираж. Потом издание могло повторяться несколько раз, причем у разных издателей. Титулярный советник Александр Шахов обратился в цензурный комитет 30 мая 1828 г. с тем, чтобы ему разрешили переиздать (неизвестно, сколько было изданий до этого) «Избранный новейший песенник» тиражом 6 тыс. экз.²⁴⁵

Авторское право на музыкальные сочинения отсутствовало. Прибыль от распространения романсов, песен получали книгопродавцы и издатели, но не сочинители. Авторам гонорар практически не платился, они часто сами вынуждены были платить за издание своих сочинений. За печатание романса в три страницы тиражом 100 экз. сочинитель должен был заплатить 17 руб. 46 коп. Чтобы при этом получить прибыль рублей пятнадцать, он должен был сам продать его по цене около 60 коп.²⁴⁶

Лишь 17 марта 1841 г. в Московский цензурный комитет поступило предписание, запрещавшее перепечатку музыкальных произведений «без предъявления цензуре документа, доказывающего позволение или согласие на то самого автора»²⁴⁷. В связи с этим запретом возник целый ряд недоразумений. Так, в 1846 г. в цензурный комитет обратился содержатель литографического заведения «Музыкальное эхо» надворный советник А. С. Мельгунов, обвинявший цензоров, отказывавших в разрешении печатать музыкальные пьесы на том основании, что на представляемых музыкальных пьесах

имеется клеймо музыкального магазина П. Лейнгольда, которое означало только то, что пьеса продана этим магазином ²⁴⁸.

Сочинитель мог продать произведение издателю, при этом терял на него права. А. Е. Варламов продал Мельгунову в «вечное и потомственное... владение» рукопись «Музыкальной грамматики» за 428 руб. 57 1/7 коп. серебром, несколько романсов по 42 руб. 85 5/7 коп. серебром за каждый. Общая же сумма за все приобретенные сочинения не превышала 2 тыс. руб. серебром ²⁴⁹.

Авторское право на литературные сочинения начало действовать раньше. Купец М. П. Щуров в 1838 г. попал в затруднительное положение, напечатав в типографии Лазаревых «Венок граций, подарок любителям и любительницам пения и романсов и собрание разных стихотворений лучших писателей, как-то: А. Пушкина, И. Козлова, Е. Баратынского, Ф. Глинки и проч.» (тиражом 8 тыс. экз.) без предварительной цензуры на том основании, что этот сборник издавался еще в 1831 г. Но цензура задержала выход его в свет, требуя согласия живых авторов на публикацию их сочинений. Щуров терпел убыток в 2 тыс. руб. Идя навстречу его просьбам, цензура решила, что издатель не освобождается от претензий авторов, но книгу может выпустить в свет, только сняв с титульного листа имена Кюхельбекера и Бестужева, тем более что их стихов в книге не было ²⁵⁰.

М. П. Щуров напечатал иллюстрации к сборнику, вероятно, в собственной литографии, в которой он на 12 стапах печатал эстампы. До 1833 г. литография принадлежала его отцу П. Т. Щурову, выпустившему в 1828 г. «рисованные картинки, изображавшие турецких солдат и офицеров», тиражом 1,2 тыс. экз., книгу «Бесценный подарок детям, или Новейшая российская азбука» (5-е изд.) тиражом более 3 тыс. экз. и портрет цесаревича Константина Павловича тиражом 5 тыс. экз. ²⁵¹

Мастерские, печатавшие книги по изобразительному искусству

Некоторые владельцы гравировальных мастерских специализировались на издании художественных альбомов, учебников по рисованию, хотя строгой специали-

зации не было. Например, издатель музыкальных сочинений Венцель в 1834 г. издал «Новейшую рисовальную азбуку, или Способ, каким образом научиться правильно рисовать, состоящий из многообразных предметов».

А. С. Ястребилов, художник 14-го класса, получил право «содержать в Москве литографию для печатания эстампов, нот, сигнатур и проч.» в 1828 г.²⁵² Он издавал и ноты, и детскую литературу, например «Забава Жоко, или Оптическая игра, состоящая из 44 картинок» (1,2 тыс. экз., 1828).

Специалисты выделяют как высокохудожественное произведение книгу «Правила рисования голов, составленные из 50-ти различных движений с объяснениями по размеру», напечатанную в его литографии в 1830 г. Здесь же было подготовлено и издано «Черчение, приспособленное к Рисовальному искусству, с означением правил практической перспективы с чертежами» (1837).

С. Г. Строганов основал в Москве школу рисования в отношении к искусствам и ремеслам. 25 февраля 1827 г. ему было разрешено при школе «завести литографию»²⁵³. Директором школы был коллежский асессор Андрианов. Среди найденных нами обращений в цензурный комитет есть просьбы о печати «14 листов частей головы для оригиналов рисования»²⁵⁴, «Образцы линейного рисования, составленные в рисовальной школе гр. С. Г. Строганова» (1836), «Образцы для рисования цветов, составленные и литографированные в рисовальной школе...» (1836).

Специальные книги для художников издавал и держатель литографии Иван Трухачев, например «Школу рисовального художества», «Азбучную игру, состоящую из цветов» (1828), «Школу, или Новейший и полный самоучитель рисовального художества с наставлением» (1828).

Значительное число художественных изданий связано с именем К. Я. Тромонина. Он имел свою гравировальную мастерскую, но, вероятно, не имел станов для печатания, поэтому его издания выходили в других типографиях, например у А. И. Семена. 26 февраля 1841 г. по ходатайству Общества истории и древностей российских К. Я. Тромонину разрешили учредить литографию «с правом именоваться литографией Об-

щества», в ней был только один станок, литографировались лишь приложения к изданиям общества²⁵⁵.

Был целый ряд литографий, которые не ограничивались печатанием какого-либо одного вида изданий. Обращает на себя внимание то, что в гравировальных мастерских печатались пособия для учебного процесса: прописи, азбуки, учебники музыки, рисования. Владелец литографии Ф. Наливкин издал «Всеобщую географию в прописях, или Легчайший и новейший способ научиться писать и вместе с тем получить достаточное понятие географии» (0,5 листа, 1834), «Учебную карту Российской империи» (1849), «Карту Турецкой и Персидской империи» (1500 экз., 1828). Встречались издания с таблицами по истории, с изображениями животных, воинский устав и т. п.

Из литографии Бартольди, «жительствовавшего в Покровке, дом Козырев»²⁵⁶, выходили картины и ноты. Здесь был напечатан в 1828 г. портрет Е. А. Баратынского. В цензурный комитет по этому вопросу обращался поручик Александр Тернберг с просьбой «издать портрет Баратынского в числе 250 экземпляров способом литографирования». К своему ходатайству он приложил копию письма Баратынского, в котором тот давал согласие: «Охотно даю согласие, требуемое цензурою»²⁵⁷.

В литографии Линдрота, имевшей два стана, печатались ноты, картины, прописи на русском, французском, немецком и английском языках, например «Русские прописи, заключающие в себе философические и нравственные истины» (1828). В 1837 г. содержательницей литографии стала А. Ф. Линдрот, вдова учителя немецкого языка Московского кадетского корпуса.

С размахом было поставлено дело у *В. В. Логинова*, действовавшего самостоятельно и совместно с другими. В его литографии, организованной в 1832 г., было пять скоропечатных машин и шесть печатных станков. Здесь печаталась литература на русском, немецком и французском языках на все вкусы: «Новый самоучитель для гуслей» (1834), «Картины, изображающие разные характеры» (1828), «Галерея портретов ныне царствующих особ на земном шаре» (1840), портреты священников, жанровые картинки — «Кавказский пленник», «Взятие Казани царем Иоанном Васильевичем Грозным в 1552 г.», «Единоборство Ермака», а также листы молитвы «Отче наш, Иже еси на небесех» (1833). Боль-

шое место занимали прописи русские и латинские. Для детей выходили такие издания, как «Искусства и ремесла, или Первоначальные познания, приспособленные к понятиям детского возраста в 24 картинках» (1840), «Детский базар, или Разные забавные и нравоучительные изображения для детей: смесь всякой всячины для ума и сердца» (1835), «Азбука не бука, забава и наука, или Собрание затей для маленьких детей» (1840). Для взрослых была издана игра «Выбор певесты. Новойобретенная забавная игра, которую можно употреблять в фантах и разыгрывать фишами» с 13 литографированными картинками (1841).

Издавались также солидные, основательные учебники для художников и архитекторов, например «Учебный курс рисования по новой и легкой методе, составленный с объяснительным текстом К. Брюнаром» (18 тетрадей, 72 чертежа, при каждом чертеже объяснительный текст, 1844).

Логинов сам был не гравером, а только владельцем литографии и издателем, причем литографией он владел не один. Совладельцем был, вероятно, Иван Логинов, содержатель картинной лавки, живший на Смоленской²⁵⁸.

В литографии В. В. Логипова работал гравер Иван Александрович Богданов. В 1831 г. он литографировал «Прописи российские», вышедшие из литографии Логинова, а в 1841 г. Богданов сам становится владельцем металлографии, из которой вышла «Школа чистописания». В изданиях, вышедших из литографии Логинова, упоминается также литограф А. И. Самохин. Пример В. В. Логинова показывает, что литографии стали приобретать в собственность не только граверы, но и купцы, не занимавшиеся сами литографированием.

Типографское искусство книги

Внешний вид книги складывался из многих элементов: обложки, иллюстраций, шрифтов, манеры располагать текст и иллюстрации, формата. Во внешнем виде отразились все литературные стили времени — классицизм, сентиментализм, романтизм, зарождающийся реализм. Облик книги менялся в зависимости от того, для какого читателя предназначалась книга. Появление демо-

кратического читателя требовало удешевления издания, а значит, и упрощения оформления.

Книга видоизменялась до бесконечности. И в то же время каждая эпоха создавала свой излюбленный тип книги. Для конца XVIII и начала XIX в. характерны тонкие брошюрки в четверку, в 4—8 страниц, с одним или несколькими стихотворениями; в 1820-е годы — альманахи, брошюрки в восьмую долю листа, от 20 до 60 страниц, с поэмами и повестями в стихах; в 1840-е годы — литературные сборники.

Для начала века была характерна серая, лишенная текста обложка, являвшаяся лишь временной оберткой, которую должен был сменить изящный переплет с корешком, часто с золотым тиснением. Постепенно серую обложку заменила обложка из цветной бумаги с наборным текстом титульных элементов. Выработался определенный стиль обложки, в основе его — рамка, сначала очень простая, потом усложняющаяся. «Вестник Европы» в 1802 г. имел розовую обложку с простой надписью: «Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным», затем указание номера, месяца. В 1820-е годы пустые цветные обложки окончательно вытесняются печатными. «Вестник Европы» в это время имел уже обложку из бумаги более плотной, цвет приближался к малиновому, с заглавием наверху, с густой, ровной и изящной рамкой. Журнал «Друг просвещения» имел простую, но довольно оригинальную обложку — заглавие, вписанное в ромб. Характерной была обложка с рамкой, не слишком узкой, но и не слишком широкой, с рисунком. Эффект создавался с помощью линий, звездочек и точек.

В 1830-е годы наблюдались два направления: к упрощению и к вычурности. Упрощенная обложка была совсем без украшений: на цветной обложке — серой, синей или желтой, на самой середине листа — заглавие, имя автора и больше ничего. Вычурная обложка — литографированная, с «росчерками и штрихами».

Типичная ампирная обложка — с наборной рамкой, с двумя полнотипажамми у сборников «Для немногих» (№ 1—6, 1818, тип. А. И. Семена). В них помещались сочинения немецких авторов с переводом на русский Жуковского.

В начале XIX в. книги выходили в бумажной обложке и потом владельцем переплетались по свое-

му вкусу. (Твердый переплет появился в 1820—1830-е годы.) К книге проявляется постоянный интерес, она становится товаром, вызывавшим к себе уважение. Выпуклая гравюра, позволявшая печатать как на бумаге, так и на ткани, способствовала появлению матерчатого переплета. Для альманахов стали делать атласные и шелковые переплеты.

А. А. Сидоров писал: «Титульный лист — некий автопортрет всей книги, но в противоположность обложке, интимный»²⁵⁹. В начале века титул обычно перегружался широковегательным заглавием. Постепенно заглавие становится короче, и освободившееся пространство заполняется виньеткой.

В первой половине XIX в. заметно менялись рисунк шрифтов, манера печатания. Буквы «ъ» и «ѣ» опускаются до высоты соседних букв, в результате чего выдерживалась прямизна строки. К 1820—1830-м годам шрифты стали насыщеннее краской, определеннее, более округлыми. Исчезла буква «т» на трех ножках.

Самая ранняя книга с новой «т» появилась в Петербурге в 1827 г. В Москве новая литера стала применяться в 1840-е годы.

В 1820-е годы Москва была центром словолитного дела. Здесь вышли образцы шрифтов типографий Московского университета, А. И. Семена, С. И. Селивановского. А. А. Сидоров выделял типографию А. И. Семена, в которой количество матриц превышало 4 тыс. В его типографии имелось семь основных шрифтов (два петита, корпус, цецеро в двух вариантах, миттель, «петит прогон»), множество титульных шрифтов. Каждый шрифт имел свой курсив, у французского и немецкого были еще новые очертания (миньон, Сент-Августин, английский, готический, рондо, канон). «Образцы литер» (1826) А. И. Семена — одно из изящнейших изданий.

А. А. Сидоров сравнивал первые три части «Освобожденного Иерусалима», вышедшие из типографии А. И. Семена, с 4-й частью, вышедшей из типографии Решетникова в 1828 г. У Решетникова другой шрифт по деталям рисунка, другие виньетка и композиция титульного листа, тире располагалось по нижней линии строки. У Семена шпации, особенно между словом и знаком препинания, употреблялись свободнее и шире. Формат наборного поля разный, разное очко букв.

В издании Семена строчки выдержаны более строго и чеканно. Его издание более совершенно.

Сравнивая шрифты Семена и Селивановского, А. А. Сидоров отмечал бóльшую округлость буквы у Селивановского. Для селивановского шрифта характерен «романтизм» в противовес «ампирности» шрифта Семена. Это проявлялось, например, в разном начертании буквы «к»: у Семена она составлена из прямых, у Селивановского — из изогнутых линий.

В типографиях Москвы шла активная торговля шрифтовым хозяйством, которое изготовлялось чаще всего в собственных словолитных мастерских.

Одним из основных компонентов издания были иллюстрации. В. А. Верещагин делил русскую книгу по способу выполнения иллюстрации на четыре периода. До XVIII в. русская книга характеризовалась гравюрой «духовного содержания», выполненной на дереве. В XVIII в. — гравюрой, выполненной на меди. Первое 40-летие XIX в. — это расцвет «условной» металлической гравюры; с 1840-х годов в них появились сцены из реальной жизни; выполнялись они на дереве, стали и на камне. С 1870-х годов наступает «торжество фотографии»²⁶⁰.

В начале XIX в. основным способом иллюстрирования была углубленная гравюра на металле, чаще резцом на меди по офортной подготовке. Резцовая металлическая гравюра не противоречила наборной полосе. Появившаяся очерковая гравюра — чисто линейная — выглядела бледной и расплывчатой рядом с набором. По мнению Сидорова, она больше подходила к «ампирной» книге. Литографический способ был более дешевым и в 1830-х годах начал вытеснять металлическую гравюру. В 1840-е годы наиболее типичной становится гравюра на дереве; входящая в текст, окруженная набором, она делается составной частью страницы.

За первые 60 лет XIX в. иллюстрированием русских книг занималось около 150 художников: в 1800-е годы — 10; в 1810-е — 13, в 1820-е — 17 художников. Среди них были художники разного уровня, встречались просто украшатели.

Среди научной и учебной литературы подлинно художественным изданием стало «Описание Ботанического сада Московского университета», вышедшее на латинском языке в 1808 г.; прекрасные иллюстрации

имела книга И. А. Двигубского «Изображения и описания животных Российской империи» (1817).

Начало XIX в. — эпоха литературного сентиментализма. В иллюстрациях особенно в моде были «уединение», «сердце», «уединенная муза». Популярны басни Эзопа и Лафонтена. В книге «Новые басни» (1816), в иллюстрации к притче об орле и черепахе, А. А. Сидоров увидел «злорадство реакции по поводу поражения французской революции». Картинка изображала черепаху, захотевшую выучиться летать и терпящую неудачу; изображение орла приближено к геральдическому.

Для романтического стиля характерны политажи — деревянные клише с изображениями аллегорического характера. Их можно было переносить из одной наборной комбинации в другую, что значительно облегчило издательское дело.

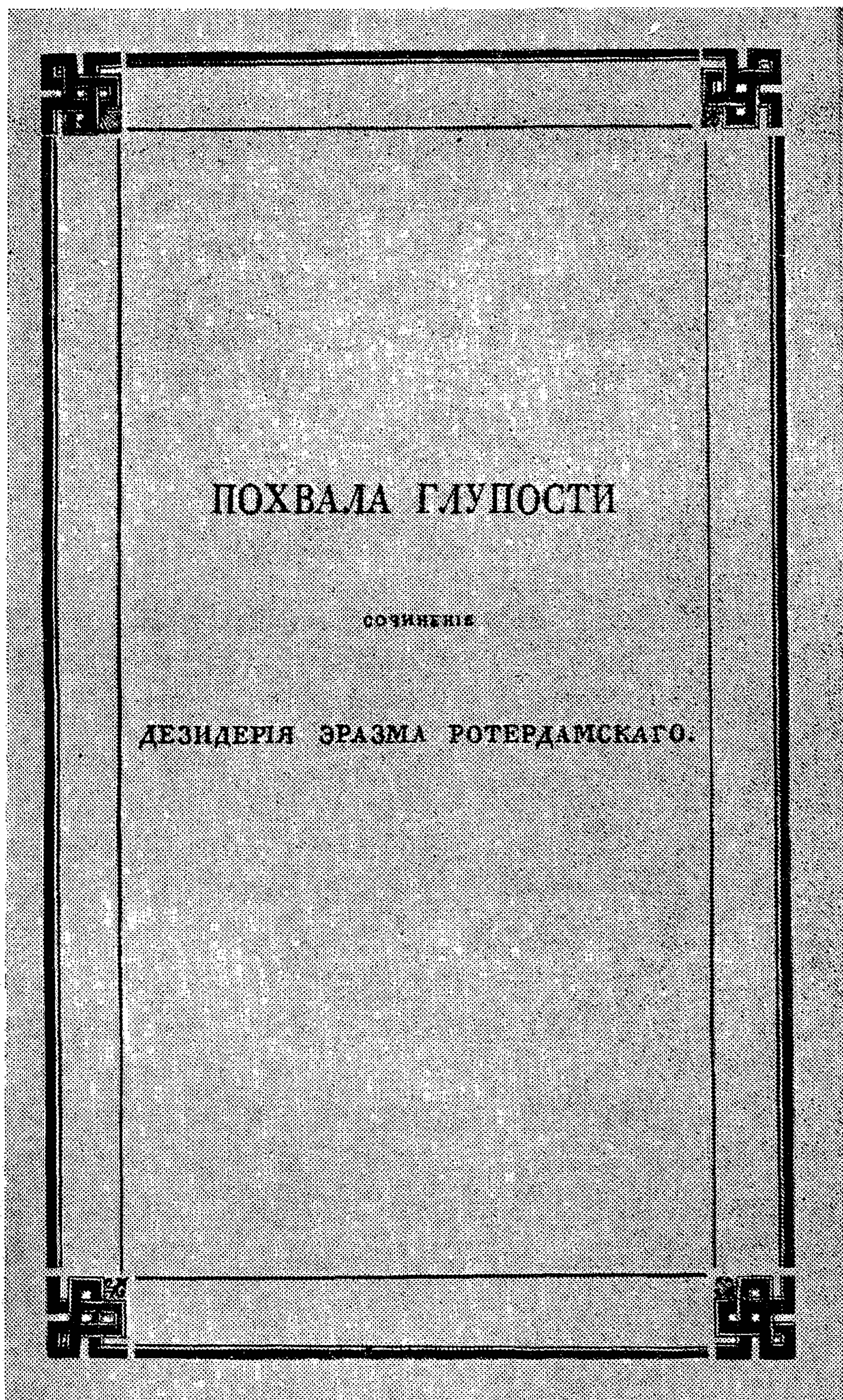
Иллюстрация входит в книгу как дополнение к тексту. Количество иллюстрированных книг постоянно растет. В 1803 г., по подсчетам А. А. Сидорова, вышло 48 иллюстрированных изданий. После 1812 г. их число колеблется от 18 до 48 в год, в 1827 г. достигает 50 и на этом уровне держится вплоть до Крымской войны.

Распространившееся употребление виньеток при украшении книг влияло на набор и иллюстрации.

Книга 1840-х годов имела большое количество иллюстраций, гравированные на дереве инициалы, рамки, виньетки, заставки и концовки. В это время торжествовала проза, книга дешедела, а значит, приобретала себе нового читателя.

До XVIII в. гравюра на дереве, ксилография, выполнялась на досках продольного разреза, на которых можно было вести инструмент только в одном направлении — к себе. В XIX в. ксилография выполнялась на досках поперечного сечения, на которых можно вести линии в разные стороны. Это расширило чисто художественные возможности ксилографии. К тому же она могла выполняться на досках одной высоты с литерами и выдерживала большие тиражи. А. А. Сидоров назвал «аристократическим» характер гравюры на металле и «демократическим» — гравюры деревянной.

Наибольшее распространение ксилография получила в детской книге и книгах для народа. В лубочных изданиях кустарным способом совершала свои первые

Обложка книги с рамкой

шаги оригинальная русская гравюра на дереве, грубоватая, в противовес изящным, из-за границы вывезенным «типографским украшениям».

По подсчетам А. А. Сидорова, в 1847 г. в России было выпущено оригинальных сочинений 835, переводных — 82, периодических — 55, из них иллюстрированных книг — 57, т. е. около 6%. К иллюстрированным изданиям можно отнести многие периодические издания. Неиллюстрированные издания почти все снабжены «политипажными» украшениями.

Титульный лист

Книги придворного, парадного характера издавались роскошно, большим форматом, снабжались оттисками с тонко выполненных гравюр. Художественная и другая литература массового спроса — романы, альманахи, пьесы, календари и т. д. — печаталась часто без украшений и без иллюстраций. Для этих изданий впервые были применены карманные форматы, кожаные переплеты сменяются коленкоровыми и даже картонными. Наиболее дешевые издания выпускались отдельными тетрадями в бумажных переплетах.

В Москве в 1840-е годы ни одно издание по исто-

рии русского искусства не обошлось без участия К. Я. Тромонина, писателя, издателя, рисовальщика и гравера по камню. Большинство его работ выполнено литографией пером и очерком. И в этих способах литографирования он достиг исключительного мастерства. Превосходны его копии с древних рукописей, миниатюр, гравюр. В 1833 г. Тромонин изобрел хромо-литографию. Но это изобретение тогда не было оценено по достоинству.

Издатели без типографий

Издателями, не имевшими типографий, могли быть учреждения, учебные заведения, научные и общественные организации, а также авторы, составители, лица, приобретшие право на рукопись.

Собственными типографиями владели университет и Медико-хирургическая академия. Другие учебные заведения — Университетский благородный пансион, гимназии, частные учебные заведения, архитектурное и коммерческое училища — печатали свои издания в Университетской или в какой-либо другой типографии.

Наиболее распространенными изданиями, выпускавшимися учебными заведениями, были программы занятий, отчеты, речи и стихи, прочитанные преподавателями и воспитанниками учебных заведений на торжественных заседаниях.

Подготовкой и изданием учебной литературы учебные заведения практически не занимались. Обычно им выделялись средства на покупку необходимых учебников, которые могли быть написаны и изданы преподавателями данного учебного заведения. На многих учебниках можно встретить запись: «В пользу учащихся такого-то учебного заведения». Это означало, что автор или меценат издал книгу на свои средства и учебное заведение закупило у него часть тиража или же автор пожертвовал ее этому учебному заведению.

Университетский благородный пансион издавал сборники прозаических и стихотворных сочинений пансионеров. Есть свидетельства, что они были изданы на средства директора А. А. Прокоповича-Антонского.

Общественные организации в роли издателей

Наиболее активно издательской деятельностью занимались научные общества. Ряд таких обществ был открыт при Московском университете, другие существовали самостоятельно. Средства для издательской деятельности создавались из пожертвований, иногда из субсидий, полученных от государства.

Многое для организации научных обществ сделал попечитель университета М. Н. Муравьев. Он видел в них «одно из сильных средств к возбуждению ученой деятельности в членах университета... в возможности связать ее с общественной»²⁶¹.

С первых же шагов своего существования *Общество испытателей природы*, организованное в 1804 г., начало заниматься издательской деятельностью, видя в этом одну из форм своей работы. В 1805—1806 гг. вышли два сдвоенных номера «Журнала Общества московских натуралистов» на французском языке (44 и 80 страниц), в четвертую долю листа, в бумажном переплете, на плохой бумаге. Напечатаны они были у типографа Г. Ф. Шильдбаха. В том же 1806 г. общество предприняло издание нового журнала — «Мемуары Общества московских натуралистов», также на французском языке. Многие статьи из «Журнала» перепечатаны в первом номере «Мемуаров». Появлялись «Мемуары» нерегулярно, незначительным тиражом — 340 экз.²⁶² С 1806 по 1823 г. их вышло шесть томов. Первый и четвертый тома, дополненные новыми статьями, вышли вторым изданием. Каждый том имел около 300 страниц, около 25 иллюстраций. Иллюстрации после 1815 г. гравировал А. О. Агапов, бывший крепостной, имевший «отличные способности в гравировании»²⁶³. «Мемуары» уже выходили на хорошей бумаге. Печатались они за счет членских взносов, пожертвований: два тома из шести были изданы на средства члена общества «ученого грека» З. П. Зосимы.

То, что журналы печатались на французском языке, затрудняло их распространение в России, однако способствовало известности за рубежом, многие статьи из «Мемуаров» появлялись в периодических зарубежных изданиях.

После некоторого перерыва издание было возобновлено в 1829 г. под названием «Новые мемуары Общества московских натуралистов», выходило до 1940 г.

Предполагалось еще одно издание общества — «Записки общества» на русском и французском языках, но оно так и не появилось. На русском языке были напечатаны лишь введение, устав и протоколы за 1805—1806 гг. в первом томе «Мемуаров».

В журналах общества публиковались многие труды ученых университета, например статьи об электричестве профессоров Ф. Ф. Рейсса и П. И. Страхова. По Московской губернии был собран огромный материал, который должен был выйти отдельным изданием, но в пожаре 1812 г. все погибло.

Помимо журналов издавались и отдельные работы, например монография Г. И. Фишера фон Вальдгейма «Энтомография». Им же были составлены систематический каталог книг библиотеки общества на латинском языке, описание Музея естественной истории, подаренного обществу П. Г. Демидовым. Последняя работа способствовала развитию музейного дела в стране.

Своими изданиями общество способствовало развитию естественных наук, накоплению фактического материала, изучению различных областей России.

Учрежденное в 1804 г. *Физико-медицинское общество* выпустило три тома (по две части в каждом) журнала «Акты Физико-медицинского общества» на латинском языке и три части «Медико-физического журнала» на русском языке. Это были одни из первых медицинских журналов в стране. По своей структуре они скорее походили на сборники. Журналы общества печатались на университетские средства, причем «члены, оказавшие обществу трудами своими пользу», получали их «безденежно», авторы «вознаграждались деньгами», та сумма, которая оставалась после продажи за вычетом всех расходов, оставалась в обществе ²⁶⁴.

«Акты Физико-медицинского общества» на латинском языке редактировал Ф. Ф. Рейсс, кроме последней, 2-й части 3-го тома, отредактированной А. И. Полем. Издавался журнал в одну четвертую долю листа, на хорошей плотной бумаге, с иллюстрациями, тиражом в 660 экз. Предполагалось печатать их только на латинском языке, но были напечатаны статьи и на французском, немецком и русском языках. Некоторые из них перепечатал на русском «Медико-физический журнал». «Акты» рассылались бесплатно

прежде всего в университеты и другие научные и учебные заведения России и зарубежных стран.

«Медико-физический журнал» на русском языке с 1808 по 1821 г. вышел всего в трех частях, хотя предполагалось издавать его ежемесячно. Каждая из трех частей редактировалась профессорами И. Ф. Венсовичем, В. М. Котельницким и В. П. Ризенко. Вторая часть была отпечатана вскоре после первой, но по каким-то причинам не поступила в продажу и в 1821 г., дополненная новыми статьями, отпечатана вновь.

Согласно уставу общества, русский журнал должен был издаваться «в пользу соотечественников и в особенности иногородних членов»²⁶⁵. Журнал предназначался прежде всего для популяризации научных знаний в России среди врачей и любителей естественной истории. Первая часть журнала сейчас представляет большую редкость: из тиража в 600 экз. успели распродать совсем немного, но после пожара 1812 г. сохранилось только 34 экз.²⁶⁶

Президент общества В. М. Рихтер с помощью молодых слушателей издал на свои средства «Историю медицины в России» на немецком языке (1811—1812). Перевод, сделанный Н. А. Бекетовым, напечатан в 1820 г. на средства все того же «ученого грека» З. П. Зосимы.

Научные издания общества близки к популяризаторским, но они имели большое значение для развития медицинской науки и научно-исследовательской деятельности в области отечественной медицины и биологии.

В 1804 г. при Московском университете было организовано *Общество истории и древностей российских*. Оно было создано в период роста самосознания русского народа, пробуждения интереса к русской истории, и занималось сбором исторических памятников, делало первые шаги в их анализе и систематизации.

Свою деятельность общество решило начать с издания «летописца Нестерова яко отца всех российских летописей и истории». Издавать летопись предполагалось с учетом «критических замечаний славного историка Шлёцера». Август Шлёцер, немецкий ученый, знаток русских летописей, начал публикацию летописи Нестора в 1802 г., посвятив ее Александру I.

Почетные члены общества — Н. М. Карамзин, считавший, что «десять обществ не сделают того, что делает один человек... посвятивший себя историческим предметам», А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский по разным причинам остались в стороне от начатого дела. Вся тяжесть дела упала на старого профессора истории председателя общества Х. Н. Чеботарева, в свое время составлявшего для Екатерины II выписки из летописей по русской истории, и его помощника профессора всеобщей истории Н. Е. Черепанова.

Из Петербурга была вытребована Лаврентьевская летопись, содержащая самый древний список летописи Нестора, с него была снята копия. Чеботарев и Черепанов напечатали лишь 10 листов летописи до 907 года с вариантами по Радзивилловской и Троицкой летописям. Это было сделано за 6 лет. Можно считать, что это очень мало, как заявил новый попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, но трудно было сделать больше, зная отношение к этому Министерства народного просвещения и самого министра графа П. В. Завадовского, который считал, что «писателю просвещенному довольно было бы одной страницы, чтоб наши все материалы на времена до Петра Первого вместить в оную». М. Н. Муравьев, покровительствовавший обществу и мечтавший о том, что оно продолжит дело, начатое в XVIII в. Н. И. Новиковым, издавшим «Вивлиофику», и Вольным Российским собранием, умер в 1807 г. Новый же попечитель граф А. К. Разумовский, выхлопотавший 5 тыс. руб. для Московского общества испытателей природы, трудами этого общества не интересовался²⁶⁷.

В 1811 г. принят был устав общества и тогда же опубликован тиражом 200 экз. за счет председателя П. П. Бекетова и роздан членам общества. Подготовка летописи Нестора была поручена знатоку древностей латинских, греческих и русских Р. Ф. Тимковскому. Используя опыт Чеботарева, Тимковский за полтора года до вторжения Наполеона в Москву подготовил 13 листов летописи до 1020 г. Для сравнения ему послужили уже не два, а семь списков летописей. Тимковский, «положив в основание древнейший список, с точностью передавал чтение своего подлинника, объясняя и исправляя оныя от ошибок посредством вари-

антов»²⁶⁸. Этот метод издания летописей в принципе используется и сейчас.

Пожар Москвы и болезнь помешали Тимковскому закончить начатый труд. Умер он 35 лет от роду в 1820 г. По настоянию К. Ф. Калайдовича общество издает в 1824 г. сделанные Тимковским 13 листов под названием «Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия», предварив их вступительной статьей того же К. Ф. Калайдовича, тем более что деньги на издание летописи были уже получены от З. П. Зосимы.

В начале века вышел знаменитый труд А. Шлёцера «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлёцером» (СПб., 1809—1819, т. 1—3, доведен до 980 г., пер. с нем. Д. Языкова). Отличие между двумя изданиями заключалось в том, что Тимковский отказался «сочинять» подлинного Нестора, «ибо можно ли,— как говорил Калайдович во вступительной статье,— по прошествии семисот лет отгадывать точные слова Нестора». Шлёцер же в летопись вместо непонятных слов вводил текст из более поздних списков.

Обществу уже не пришлось продолжать работу над летописью Нестора. Ее предполагал издать Н. П. Румянцев, но не успел. В результате Лаврентьевская летопись была издана в 1846 г. Археографической комиссией в первом томе «Полного собрания русских летописей». Общество думало продолжить издание древних памятников тем же способом, так как оно считало, что «нет пользы повторять одне и те же известия в 10 книгах, а должно в сравнительном ученом издании, положив токмо древнейший список за основание, представить разноречия» из всех известных списков²⁶⁹. Предполагалось издавать хронографы. Их затребовали из разных библиотек, долго рассматривали, но в изучаемый период они не были изданы.

Одним из основных видов деятельности общества было издание журналов. К. Ф. Калайдович занимался подготовкой журнала «Русские достопамятности». В журнале предполагалось помещать «древние анекдоты, трактаты, грамоты, описание древних посольств, обрядов и других происшествий, не напечатанных и в архивах хранящихся»²⁷⁰. Для рассмотрения материалов был создан особый комитет, состоявший из пред-

седателя общества, секретаря и членов Л. А. Цветаева и М. Т. Каченовского. Первая часть «Достопамятностей» была напечатана в 1815 г. тиражом 600 экз. за счет все того же З. П. Зосимы, заплатившего за печатание 1951 руб.²⁷¹

Материалы для второй части К. Ф. Калайдович представил 19 февраля 1824 г., но вышла она лишь в 1843 г., и в 1844 г. была издана последняя, третья часть. Это объяснялось тем, что Калайдович вместе с П. М. Строевым был занят изданием «Собрания государственных грамот и договоров».

Помимо «Русских достопамятностей» общество издавало «Записки и труды» («Летописи и труды»), на смену которым в 1837 г. пришел «Русский исторический сборник». В этих изданиях печатались выступления членов общества на заседаниях, «происшествия, до общества касающиеся» и т. д. Готовились они к печати секретарем общества. Издавались тиражом 600 экз. и продавались в университетской книжной лавке. Издания имели иллюстрации к статьям в виде вклеек. Издавались они нерегулярно. Первая часть «Записок и трудов» вышла в 1815 г., а вторая в 1824-м. В какой-то степени это объяснялось денежными затруднениями.

Издания общества не проходили предварительную цензуру. За опубликованные материалы несло ответственность само общество. В первой части «Записок и трудов» была помещена статья К. Ф. Калайдовича «О смерти царя Федора Алексеевича», в которой рассказывалось об отравлении царя Федора врачом Фон Гаденом. Но члены общества, найдя написанное в статье сомнительным, решили изъять ее из уже напечатанного издания и заменить «Кратким чертежом народов славянских», хотя в оглавлении осталось название статьи Калайдовича.

В журналах общества помещались материалы, посвященные древностям — новгородским, киевским, владимирским, «догадки», «примечания», «описания», относящиеся к различным периодам истории. Члены общества не занимались целенаправленным изучением какого-либо объекта, эпохи. Каждый изучал то, что ему было ближе. В этом сказалась особенность времени, когда только еще начиналось систематическое изучение русской истории.

Главное издание общества — «Чтения Общества истории и древностей российских» — начало выходить в 1846 г. Секретарем общества 6 февраля 1845 г. был избран профессор О. М. Бодянский, который и подготовил материалы для первых 22 книг. В июньской книге «Чтений» за 1848 г. Бодянский напечатал сочинение Флетчера о России времен Иоанна Грозного, за что был отстранен от должности и уволен из университета. «Чтения» по распоряжению правительства от 28 октября 1848 г. должны были теперь подвергаться общей цензуре²⁷². Их издание прекращается и возобновляется лишь после того, как Бодянский был снова избран секретарем общества в 1858 г.

Обществом был издан ряд книг. Так, в 1805 г. совместно с университетом общество поставило задачу изучения происхождения славян. На эту тему было прислано четыре сочинения, и все не на русском языке, что характерно для того времени. Лучшим было признано сочинение сына Августа Шлёцера Христиана Шлёцера, профессора Московского университета и члена общества. Его сочинение «О происхождении словен вообще и в особенности словен российских» было напечатано в 1810 г.

Профессор И. Ф. Буле подарил обществу свое сочинение «Litteratur der Allgemein Nordischen» (М., 1810). Вместе с книгой был представлен и перевод, который было поручено рассмотреть Л. А. Цветаеву и М. Т. Каченовскому «касательно русского языка». Оказалось, что «русский перевод очень не исправен», и «поправление» его при издании было поручено Цветаеву²⁷³. Есть упоминания о том, что общество издало сочинения Н. Муравьева «Описание древней новгородской гривны и рублей ея» и Н. З. Хитрово «Описание мумии, найденной в Мемфисе 1820 года и ныне находящейся в Москве». Общество занималось публикацией исторических памятников, например: «Дипломатические сношения царя Иоанна Васильевича Грозного...» (1845).

В 1811 г. было организовано в университете *Общество любителей российской словесности*. Одну из своих главных задач общество видело в издательской деятельности. С 1812 по 1828 г. оно сумело издать свои труды в 27 частях. Первоначально они назывались «Труды Общества любителей российской словесности» и выходили 4 раза в год; с 1821 г. стали называться

«Сочинения в прозе и стихах» с подзаголовком «Труды Общества...» и выходили раз в год с теми же разделами: «Прозаические сочинения», «Стихотворения», «Летописи».

«Труды» представляют собой скромное издание среднего формата, без иллюстраций, лишь на отдельных экземплярах первых номеров есть виньетки, открывающие издание. Экземпляры, находящиеся в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ, в полукожаных или издательских бумажных переплетах. Тираж издания — около 800 экз. — распространялся в основном через университетскую книжную лавку.

Основное место в «Трудах» занимали исследования по русскому языку. Ю. А. Бельчиков писал, что «изыскания членов общества были подчинены задачам нормализации речи и во многом содействовали решению насущных проблем развития русского литературного языка первой трети XIX века»²⁷⁴. В обществе активно обсуждался вопрос о происхождении славянского языка. В 1820 г. в «Трудах» (ч. 17) была опубликована статья А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшего оного письменным памятникам», ставшая основополагающей для последующего славяноведения.

По вопросу об употреблении церковнославянского языка общество занимало позицию более прогрессивную, чем враждовавшие между собою «карамзинисты» и «шишковисты». Оно призывало к умеренности в употреблении как иностранных, так и церковнославянских слов и прислушиваться к «вкусу лучшего состояния граждан»; таким образом, члены общества «во многом сближаются с декабристами» и «отчасти с Пушкиным»²⁷⁵.

На заседаниях общества не раз предполагалось ввести в «Труды» постоянный раздел критики, но этого так и не было сделано. В отделе «Прозаические сочинения» рассматривался вопрос о том, каким должен быть критик, разбирались достоинства и недостатки литературы XVIII в., изучался язык произведений, о современной литературе говорилось довольно осторожно. Наибольшую ценность представляют статьи А. Ф. Мерзлякова, о котором В. Г. Белинский говорил, что с него «начинается новый период русской критики»²⁷⁶. Н. И. Мордовченко, оценивая критическое

наследие А. Ф. Мерзлякова, значительная часть которого помещена в «Трудах», писал: «Сохраняя основы теории классицизма, Мерзляков в своих работах развивал отдельные ее положения, что объективно подготовляло новые эстетические понятия и критерии»²⁷⁷.

Члены общества работали над составлением словарей: диалектных слов, этимологического, синонимического. В собирании «областных речений» обществу помогали преподаватели иногородних гимназий. Все материалы к словарям публиковались в разделе «Летописи». О большой научной ценности собранного лексического материала к словарям говорил С. К. Булич²⁷⁸. В помощь собирателям слов в «Трудах» печатались методические статьи. С. Г. Саларев, П. Ф. Калайдович и А. В. Болдырев поместили в «Трудах» материалы к словарю русских синонимов. П. Ф. Калайдович к тому же издал отдельную книжечку «Синонимы» (1816).

Раздел «Стихотворения» в «Трудах» представлен переводами из древних и новых писателей, оригинальными сочинениями, среди которых основное место занимали басни, элегии, оды, пасторали. В. Л. Пушкин, активный член общества, любитель читать на заседаниях собственные басни, печатавшиеся затем в «Трудах», поместил в «Трудах» и несколько стихотворений своего племянника А. С. Пушкина. Особое внимание общество уделяло молодому поколению. Среди избранных сотрудниками общества талантливых молодых людей — юные Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, чьи переводы также появляются в «Трудах».

Кроме «Трудов», общество подготовило и выпустило четыре тома «Речей, произнесенных в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями» (1819—1823). В них вошли только речи, произнесенные на русском языке. Целью издания было показать, насколько была развита русская научная речь, состояние научной терминологии, для чего речи были расположены хронологически, а не тематически. Это издание было актуально для своего времени. Оно показало, что на русском языке можно преподавать все науки. Это было подтверждено тогда, когда еще не прекратился спор между русскими и иностранными профессорами о возможности преподавания разных предметов на русском языке. Университет способство-

вал изданию «Речей» и выделил для этого средства ²⁷⁹.

Среди отдельных изданий есть «Опыт начертания общей теории изящных искусств» студента И. П. Войцеховича под редакцией М. Т. Каченовского. В этой книге дано наиболее четкое для того времени определение эстетики. Общество подготовило к печати и издало на средства книгопродавца А. С. Ширяева сочинения поэта и драматурга Ф. Ф. Иванова. Некоторые помещенные в «Трудах» сочинения выходили затем и отдельными изданиями, например «Воспоминания о Сергее Гавриловиче Салареве» И. И. Давыдова (1821). Общество выступило в роли редактора одной из двух наиболее удачных грамматик того времени — «Русской грамматики» Н. И. Греча. Свои замечания по книге сделали члены общества А. Ф. Мерзляков, М. Т. Каченовский, А. В. Болдырев, И. И. Давыдов и П. Ф. Калайдович ²⁸⁰.

Работы Общества любителей российской словесности внесли заметный вклад в развитие филологической науки. Сочинения по языкознанию, литературоведению проложили путь новым научным теориям. Особое значение имеет то, что общество объединяло разрозненные немногочисленные литературные силы, поощряло молодые таланты и на протяжении длительного времени (1811—1828) имело свой постоянный печатный орган «Труды Общества любителей российской словесности», который представлял собой наиболее распространенный в то время тип научного издания.

В 1821 г. в Москве было организовано *Общество сельского хозяйства* под покровительством генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. В организации общества приняли участие профессор Московского университета. При обществе была открыта земледельческая школа, или училище, и учебный опытный хутор, которые возглавил профессор физики, минералогии и сельского хозяйства, доктор медицины М. Г. Павлов. Земледельческая школа существовала на его средства. Его помощник В. А. Андросов подготовил «Программу испытаний учеников земледельческой школы», которая была издана в 1828 г. тиражом 500 экз. Помещики могли посылать наиболее способных детей своих крепостных учиться в эту школу.

Общество организовало издание «Земледельческого журнала» (1821), редакторами которого были И. И. Безсомыкин и граф М. В. Толстой. Журнал аккуратно из-

давался на протяжении многих десятилетий. Главный отдел овцеводов общества в 1832 г. обратился в цензурный комитет с просьбой об открытии «Журнала для овцеводов», который был разрешен. В 1841 г. «Земледельческий журнал» и «Журнал для овцеводов» были объединены в один «Журнал сельского хозяйства и овцеводства». Издавался он ежемесячно, каждый номер имел объем 6—8 листов. В виде приложений к журналу выходили «Записки заседаний комитета общества», в которых нашла отражение жизнь общества.

Общество издавало или поддерживало издание многих книг по сельскому хозяйству и производству сельскохозяйственных продуктов. Например, на средства общества издана книга «Простой и недорогой способ добывания сахара из свекловицы» М. Домбаля (пер. с франц., 1838). В изданиях общества помещики, занимавшиеся сельским хозяйством, делились опытом ведения хозяйства.

Общество сельского хозяйства в 1845 г. поставило в «Журнале сельского хозяйства и овцеводства» задачу о ценах на хлеб. В ответ было прислано девять статей. Министерство финансов не возражало против публикации некоторых из них, другие запретило. По одной из этих статей были сделаны цензором замечания: «Здесь многое отзывается порицанием принятых у нас, в разное время, финансовых мер... равно как желанием доказать, что нынешнее положение России менее благоприятно вообще, чем было оно в прежние времена. Некоторые выражения могут почестся не токмо не правильными, но даже дерзкими»²⁸¹. В другой запрещенной статье, по словам цензора Ф. Вронченко, «нынешнее положение класса земледельческого выставляется в самом плачевном виде, а будущность еще в худшем, между тем как Россия, по мнению сочинителя, „должна бы была процветать и быть богаче всякого другого государства в мире“». В этой же статье, продолжает цензор, автором «выражена мысль о необходимости увеличения народного богатства и частных доходов, от которых зависит усиление и казенного дохода, „ибо с бедного народа нельзя надеяться много получить“, „блажен тот народ, где государственный доход извлекается не из нужд, а от избытка его“». Цензор заключил, что все эти выражения свидетельствуют о том, что «нынешние подати превышают способности народа» и что

«вообще казенные повинности выставляются как самое тяжкое бремя для земледельца»²⁸².

Цензор В. Флеров 9 февраля 1845 г. писал в цензурный комитет: «По случаю низких цен на хлеб стали очень часто представлять для помещения в журналах статьи, имеющие целью изыскание средств для возвышения ценности хлеба. По всей благонамеренности таковых статей встречаются иногда вовсе неумеренные и неуместные сетования на настоящее положение хлебопашцев и на общее состояние в денежных оборотах. Допустивши помещение подобных статей в журналах, не будет причины отказывать в помещении возражений на оные, и в таком случае неизбежны будут прения об одном из важнейших вопросов не сельского, а государственного хозяйства»²⁸³.

В Москве публиковали свои «Записки» Лебедянское общество сельского хозяйства (президент общества Николай Шишков), издавался «Журнал любителей садоводства» (1849) Общества любителей садоводства (ред. Классен).

В Москве создавались *коммерческие и промышленные организации*. Открывались такие учебные заведения, как Московское коммерческое училище, Московская практическая академия, при которой действовало Общество любителей коммерческих знаний. Появляются отдельные издания названных организаций. Например, в 1828 г. коллежским асессором С. Аксаковым была представлена в цензурный комитет рукопись «Рассуждение и речи, говоренные воспитанниками Московского коммерческого училища», которую предполагалось издать тиражом 1,2 тыс. экз., превышающим подобные издания. Учебники для коммерческого училища готовил его директор Т. Каменецкий. Московская практическая академия и Общество любителей коммерческих знаний в 1833 г. просили разрешить им напечатать «Порядок учения в Академии».

Нарождавшиеся новые силы критически относились к существовавшим порядкам. В рукописи «Речи, произнесенные в собраниях Общества свободной торговли», содержащей материалы из зарубежных периодических изданий, в свое время пропущенных иностранной цензурой, цензор нашел «многие политические выходы предосудительного содержания», и потому она была запрещена.

В Москве работали отделения Мануфактурного (1828) и Коммерческого (1829) советов. В 1845 г. «иждивением» московского отделения Мануфактурного совета (барон А. Мейндорф) был издан «Промышленный атлас Московской губернии». В 1843 г. под наблюдением того же Мейндорфа был напечатан объяснительный текст к промышленной карте России. Тогда же служащий Московской казенной палаты коллежский секретарь Петров предложил к изданию «Программу Памятной книжки Российской промышленности на 1843 год». Общество при фабрике парусных произведений чесаной шерсти в Москве в 1832 г. издало «Описание фабрики» и устав общества ²⁸⁴.

Издательской деятельностью занимались некоторые московские *благотворительные организации*. Московский попечительный комитет императорского Человеколюбивого общества (1802) издавал небольшие книжечки душевного содержания. В 1835 или 1836 г. Московский попечительный комитет получил по завещанию прапорщика Ф. И. Дисекого рукописи украинского философа Г. В. Сковороды ²⁸⁵. Некоторые его сочинения комитет опубликовал, но не все. Цензор Снегирев «удержался пропустить», например, «Нечто о Григории Сковороде», «Григорий Варсава-Сковорода любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову», «Притчу Ерофей», как содержащие мысли, «клоняющиеся к поколебанию учения православной греческой церкви», и из-за фраз, «оскорбительных для российского духовенства». Цензор соглашался разрешить их издание только «с исключением некоторых мест» ²⁸⁶. Сочинения Сковороды смотрела и духовная цензура. Вот что она писала о рукописи «О познании самого себя»: в нем «превратно толкуется Святое писание и излагается учение пантеизма как противное учению христианскому», после чего и постановила: «Не пропуская к напечатанию, удержать в комитете» ²⁸⁷.

Интересна судьба одной из разрешенных книг Сковороды. Сочинение «Брань архистратига Михаила с сатаною» разрешил к изданию архимандрит Филарет, и оно было напечатано в 1839 г. в типографии Решетникова с эпиграфом: «О сем: легко быть благим». По напечатании брошюра оставалась долгое время нераспроданной. Московский книгопродавец Степан Васильев купил ее на обертку и продал петербургскому книгопродавцу Холмушину, который ее перепродал

киевскому книгопродавцу С. И. Литову. В 1853 г. появилось объявление о ее продаже в его магазине. По доносу Синод рассмотрел книгу вновь и вынес решение: поскольку в этом сочинении «встречаются слова и выражения неприличные, мысли ложные и нередко противные вере и чистой нравственности», «книгу во все изъять из продажи»²⁸⁸.

В 1838 г. в Москве был организован Комитет о просящих милостыню. Поэт Ф. Н. Глинка приветствовал открытие комитета стихотворением «Москве благотворительной», которое и стало первым изданием комитета.

Комитет печатал ежегодно отчеты о своей деятельности. Цензура не всегда была согласна пропустить их, так как усматривала в них критику правительства. Цензор Н. Е. Зернов не решался одобрить «Отчет Комитета, высочайше утвержденного в Москве для разбора и призрения просящих милостыни за 1848 год». Он был напечатан лишь после исключения из него некоторых выражений «о правительственных действиях и мерах», в частности фразы о том, что «вредные поступки людей неимущих могут быть оправданы иногда крайнею нуждою». Эти слова, по мнению цензора, являлись «совершенно неуместными в сочинении, предназначенном для чтения публики»²⁸⁹.

Действовавшие в Москве католические и лютеранские церкви занимались изданием литературы религиозной, учебной, необходимой для школ, находившихся при этих церквях. В цензурный комитет 28 января 1849 г. обратился викарий московской римско-кафоллической Павловской приходской церкви ксендз Жельвович с просьбой напечатать на немецком и польском языках «Указатель праздничных и торжественных дней римско-кафоллической церкви на 1849 год»²⁹⁰. Обычно их книги печатались в разных типографиях Москвы.

Профессора Московского университета и другие частные лица в роли издателей

Особое место среди частных лиц, выступавших в роли издателей, занимали профессора Московского университета. Возможности университета были ограничены, он не мог издавать на свои средства все труды ученых.

Большая часть литературы печаталась на так назы-

ваемые «сторонние средства». Такая же практика наблюдалась и в частных типографиях. Владелец стремился издавать книги на средства заказчика. Профессорам и преподавателям Московского университета удавалось напечатать по нескольку книг. Это или переводы зарубежных учебников, или составленные ими учебные курсы на основе зарубежных и отечественных исследований. Были и оригинальные исследования.

Профессор греческого языка и древностей *С. М. Ивашковский*, испытывая большие затруднения в пособиях, особенно по древней филологии, «старался сам по возможности пополнять этот недостаток и удовлетворять потребности своей науки изданием некоторых руководств и составлением словарей»²⁹¹. Если находился меценат или купец, бравший на себя расходы по изданию книги, авторы часто уступали ему свое авторское право. Так, «Полный греко-русский словарь» (т. 1—4, 1838), подготовленный *С. М. Ивашковским*, был издан на средства «просвещенных греческих дворян братьев Зосима».

Профессор *З. А. Горюшкин* к помощи меценатов не прибегал. Хорошо знакомый с практическим судопроизводством, известный среди историков как знаток древних актов, он напечатал на свои средства «Описание судебных действий» (ч. 1—3, 1805—1808), «Руководство к познанию российского законоискусства» (т. 1—4, 1811—1816), где впервые сделана попытка представить развитие юридической науки, содержится систематический курс права вместе с изложением устройства всех государственных учреждений, выработанный им в результате практического знакомства с историей и догмой русского права. Долгое время его обзор узаконений был лучшим. Горюшкин издал эти книги не только на собственные средства, но и на «издательской бумаге», т. е. сам ее приобретал и доставлял в типографию²⁹².

Некоторые профессора не ограничивались публикацией одной-двух книг, а издавали гораздо больше. Книгопродавец *А. С. Ширяев* в издаваемом им книготорговом каталоге выделил в отдельную рубрику книги профессора *Л. А. Цветаева*. Ширяев назвал восемь книг Цветаева, продававшихся в его книжной лавке с 1816 по 1825 г., но это далеко не полный перечень. Нами их выявлено 18. Это книги по истории римского

права, теории законов, частному и общественному праву, естественному праву, политической экономии.

В роли активного издателя известен профессор *И. А. Двигубский*. В имеющемся списке его трудов перечислено 37 названий книг по естественным наукам, многие из которых были изданы на средства Московского университета. Он был «примерно трудолюбивым и ученым собирателем» и сыграл определенную роль в становлении и развитии естественных наук в университете.

Профессор *Д. М. Перевощиков* издал около 30 книг по математике, физике, астрономии, механике.

Профессора прибегали нередко к помощи воспитанников университета для перевода с иностранных языков недостающих учебников. Еще в 1804 г. попечитель университета *М. Н. Муравьев* говорил: «Весьма желательно, чтобы молодые наши магистры и кандидаты заблаговременно приучались к сочинению нужных для учения книг и чтобы упражнением достигли до некоторой силы в искусстве писания»²⁹³. Переводческая деятельность помогала овладеть этим искусством. Профессор *Е. О. Мухин*, чтобы устранить недостаток в учебных пособиях, своих слушателей «побуждал к переводам с новейших иностранных языков на русский», предлагал напечатать за счет университета и распространять между студентами по дешевой цене «известнейшие иностранные сочинения на латинском языке». Переводы издавались под непосредственным надзором Мухина, который просматривал каждый корректурный лист и, где «казалось ему нужным, прибавлял свои замечания и дополнения»²⁹⁴.

Е. О. Мухин занимался изданием не только чужих сочинений, но и собственных, которых было около 20. Книга «Основания наук о мокротных сумочках тела человеческого» (1816) была напечатана тиражом 232 экз.

Студенты не ограничивались только ролью переводчиков. Студент *Гавриил Медведев*, например, обратился в цензурный комитет с просьбой разрешить ему переиздать на собственный счет книгу по медицине на латинском языке, необходимую для учащихся, но крайне редкую и недоступную по цене²⁹⁵.

Директор Университетского благородного пансиона, ректор университета *А. А. Прокопович-Антонский* издал для пансиона около 20 учебников. На его средства

напечатаны два сборника «Каллиопа» (1815, 1816)²⁹⁶, возможно, и все остальные литературные сборники Университетского благородного пансиона. Общество любителей российской словесности благодаря предприимчивости его в роли председателя могло регулярно издавать свои труды. М. А. Максимович с благодарностью вспоминал, что Прокопович-Антонский устроил ему путешествие по Московской губернии с целью изучения края, помог ему публиковаться еще в студенчестве. Известно его участие в судьбе В. А. Жуковского, А. Ф. Мерзлякова, А. И. Полежаева.

Профессор А. Ф. Мерзляков вместе с Н. Дубровиным в 1807—1808 гг. владел типографией на Никитской, в доме купца Заикина. Книг было издано немного — 18, среди которых «Новая детская энциклопедия» С. Петрова, «Новый англо-русский словарь», «Всемирная история» Л. Голберга, несколько романов, два сборника притч Д. И. Хвостова. В 1807 г. были изданы «Образцы литер». Типография, не успев приобрести своего лица, перестала существовать.

А. Ф. Мерзляков в 1815 г. издавал вместе с Ф. Ф. Ивановым и С. В. Смирновым журнал «Амфион». 12 книжек журнала тиражом 1200 экз. были напечатаны за счет Мерзлякова. В журнале приняли участие Жуковский, Батюшков, кн. Вяземский, Д. Давыдов, Ф. Иванов. Сам Мерзляков напечатал здесь многие свои сочинения. В 1816 г. он издал комедию Мольера «Мизантроп», вместе с сыновьями А. Н. Радищева участвовал в подготовке издания его сочинений. По поручению Общества любителей российской словесности он стал составителем собрания сочинений своего друга Ф. Ф. Иванова после его смерти.

Как преподаватель российской словесности Мерзляков издал несколько учебников, которые пользовались успехом. Как переводчик он издал «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (1825—1826). Его переводы не были буквальны. В предисловии он писал, что сокращал то, что ему «казалось слишком растянутым или не относительным к минуте действующей страсти» (т. 1, с. 3). Долгие годы он занимался переводом поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Мерзляков был замечательным поэтом, его стихи были разбросаны по многочисленным повременным изданиям. И лишь в год смерти в 1830 г. из типографии

Селивановского вышел сборник его стихов. Мерзляков оставил по себе добрую память. Среди его учеников были Чаадаев, Лажечников, Киреевские, Лермонтов.

Профессор *И. М. Снегирев* автор латинской грамматики, выдержавшей несколько изданий, в то же время был фольклористом, этнографом, исследователем русских древностей, древностей Москвы, работал цензором. И. А. Гончаров, учившийся у Снегирева, характеризовал его в следующих словах: «вкрадчивый, тонкий, но в то же время циничный, бесцеремонный, с нами (студентами) добродушный...»²⁹⁷.

Снегирев преподавал в университете латинские древности, по образцу которых предполагал, опираясь на древние русские источники, создать науку, в которой бы «изображалась жизнь русского народа». Он собирал пословицы, песни, записывал обряды, исследовал лубочные картинки. Его книга «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (вып. 1—4, 1831—1834) была удостоена по решению Академии наук Демидовской премии. Им изданы «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (вып. 1—14, 1837—1839), «Троицкая Лавра» (1842), «О лубочных картинках русского народа» (1844), «Русские народные пословицы и притчи» (1848). Все эти издания принесли Снегиреву известность и всеобщее признание. Он состоял в переписке с Я. Гриммом, посылал ему свои сочинения в Берлин.

И. М. Снегиревым опубликован целый ряд работ, посвященных древностям Москвы, русской иконописи и древним памятникам. Он выступал и в роли переводчика, составителя биографий, продолжил работу над «Словарем русских светских писателей», начатую митрополитом Евгением. Издание «Словаря» он был вынужден прекратить после первого тома «по недостатку читателей», с горечью замечая по этому случаю: «...на Руси лучше рубить топором, чем работать пером»²⁹⁸.

Снегирев активно участвовал в юбилейных изданиях Московского университета, в трудах его научных обществ, помогал писателю И. И. Лажечникову в собирании материала для его сочинений, был в дружеских отношениях со многими известными поэтами и писателями.

Как цензор Снегирев был очень осторожен, но и он пострадал за пропуск некоторых сочинений: в кон-

це своей жизни он был отстранен от этой должности за написанный им и опубликованный в «Московских ведомостях» «Очерк истории типографии Московского университета», где рассказал о Н. И. Новикове.

В издательской жизни Московского университета активно участвовал профессор *М. Т. Каченовский*. Разночинец, сын бедного новороссийского грека, стал известным историком, издателем «Вестника Европы». По поручению Совета университета он участвовал в проверках работы Университетской типографии. В результате таких проверок выяснилось, например, что поэт А. Воейков подарил университету изданные им книги, которые подарком, по мнению М. Т. Каченовского, считать было нельзя, так как эти книги были напечатаны в Университетской типографии в долг. Оскорбленный Воейков потребовал их вернуть, в чем ему, однако, было отказано до возвращения долга. В течение 1815 г. Каченовский был начальником типографии.

Самостоятельно Каченовский переиздал несколько раз учебник греческого языка, издал сочинения лорда Байрона (1821), роман Сервантеса «Дон Кишот Ла Манхский» (1815, тираж 1225 экз.), «Библиотеку избранных повестей и анекдотов» (1816, тираж 1200 экз.) и ряд других сочинений.

О Каченовском как редакторе «Вестника Европы» чаще всего отзываются отрицательно, забывая, что и при нем журнал пользовался популярностью и приносил университету, на средства которого он издавался, прибыль. Но появились новые журналы, бойкие молодые журналисты свысока посматривали на старика, нередко издевались над ним. Тираж журнала упал, он перестал приносить прибыль. Каченовский обратился в Совет университета с просьбой разрешить ему издавать журнал на собственные средства, чтобы не приносить университету убытков. И последние два года перед закрытием журнал издавался на его средства.

Активной издательской деятельностью занимался профессор *М. П. Погодин*, ученик Каченовского и его оппонент в научных спорах. После окончания университета в 1822 г. он окунулся в активную общественную жизнь, писал статьи, переводил. В 1823 г. он издал «Оды Горация» с комментариями лучших немецких исследователей, труд, начатый еще в университете под руководством И. И. Давыдова. В это же время им издан перевод книги Нича «Начертания древней геогра-

фии». Диссертация Погодина «О происхождении Руси», получившая одобрение Карамзина, представляла собой лучший свод доказательств норманизма в то время.

Из-за недостатка книг по всеобщей истории Погодин в период своего преподавания в университете с 1825 по 1844 г. издал лекции, читанные им по сочинениям Герена. Также им были изданы сочинения Шлёцера, Де Мишеля в переводе студентов, «Всеобщая историческая библиотека» в 14 т. Для гимназистов он подготовил несколько учебников. Достоинствами изданной им «Истории всеобщей» Беттингера (1832) Погодин считал малый объем, «без лишних рассуждений», в котором заключено «более происшествий», чем в «пространнейших» руководствах.

Среди изданий Погодина — карты географические (1828), «Новейшие исторические, политические, статистические, географические сведения о Турецкой империи» (1828). Изданием собственных сочинений, переводов, лекций Погодин занимался до конца жизни, многие его работы не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня.

Погодин писал и художественные произведения, среди которых наиболее известна драма «Марфа Посадница», высоко оцененная Пушкиным. Он был также издателем альманаха «Уrania», журналов «Московский вестник», «Москвитянин», газеты «Русский». Во время заграничных путешествий он познакомился со многими учеными из славянских стран, поддерживал с ними переписку. Он издал сочинения П. Й. Шафарика в переводе Бодянского, книгу Ю. И. Венелина «Древние и новые болгары» (1829).

Как секретарь Общества истории и древностей российских с 1837 по 1844 г. он издал семь томов «Русского исторического сборника», напечатал «Псковскую летопись» с предисловием и указателем. Это издание отличалось тщательностью подготовки. В 1840/1841 г. им подготовлено уникальное издание «Начертание русской истории. Образцы славяно-русского древлеписания. Литографированное издание разными красками с золотыми и цветными украшениями». Погодин закончил издание «Словаря русских светских писателей» митрополита Евгения: в 1844 г. он представил его в цензурный комитет в корректурных листах и в объяснительной записке написал, что «Словарь» в 1838 г. начинал печатать И. М. Снегирев, но «оставил»,

Л Е К Ц И И

Профессора Погодина

по

Г Е Р Е Н У

О ПОЛИТИКѢ, СВЯЗИ И ТОРГОВЛѢ

ГЛАВНЫХЪ НАРОДОВЪ

ДРЕВНЯГО МІРА.

Часть первая.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1835.

Книга, изданная М. П. Погодиным

а «ныне передал свое право издания мне в вечное потомственное владение»²⁹⁹.

М. П. Погодин, как и многие писатели, помогал П. В. Киреевскому собирать русские народные песни, торопил его с публикацией собранного материала. По предложению Погодина Общество любителей российской словесности взяло издание этого уникального собрания после смерти П. В. Киреевского на себя. Другое издание общества — «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля также был начат бла-

годаря инициативе Погодина. Не случайно Даль в своем предисловии благодарит Погодина за то, что словарь увидел свет.

Погодин был одним из крупнейших собирателей древностей. Его «Древлехранилище», включавшее письма, рукописи, документы, касающиеся известных его современников, было продано в Петербургскую публичную библиотеку. Некоторые из них были им опубликованы, в частности письма Пушкина в журнале «Москвитянин» (№ 10, 1842), за что Главным управлением цензуры было сделано замечание Московскому цензурному комитету, так как в письмах встречались резкие выходки против публики и частных лиц, «выраженные словами неприличными в печатном издании»³⁰⁰.

Среди известных издателей был *Н. П. Румянцев*. Кружок Н. П. Румянцева, в который входили многие ученые университета, занимался изданием «Собрания государственных грамот и договоров» (печаталось у Всеволожского и Селивановского). О его издательской деятельности есть ряд специальных исследований³⁰¹.

Н. А. Полевой помимо журнала «Московский телеграф», о котором рассказано выше, издавал свои сочинения и переводы, произведения других авторов. Его деятельность знаменовала появление новой социальной силы. Дворянские литераторы не приняли его, называли выскочкой, неучем, «купцом-литератором». По воспоминаниям К. А. Полевого, его брат учился у М. Т. Каченовского, был «обласкан» А. А. Прокоповичем-Антонским, который посоветовал ему поступить на службу и выйти из купеческого звания. Полевой на это не согласился.

Н. А. Полевой был прежде всего талантливым журналистом и стремился расширить свою журнально-издательскую деятельность, но на все свои просьбы получал отказ. Ему не разрешили издавать газету «Компас», журнал «Энциклопедические летописи отечественной и иностранной литературы», выпускать еженедельные приложения к «Московскому телеграфу». После запрещения «Московского телеграфа» Н. А. Полевой как издатель встречал еще бóльшие препятствия. Но «кипучая его деятельность, — как писал К. А. Полевой, — не могла ограничиваться переводом какой-нибудь книги, и он, придумывая разные

предприятия, решился печатать издание, небывалое до тех пор в России». Он придумал иллюстрированный журнал «Живописное обозрение». Но право на его издание ему пришлось передать А. И. Семену и издавать не как журнал, а как периодические сборники³⁰². Полевой брал на себя написание статей, редактирование, подготовку «Живописного обозрения» (1835), а Семен — «все хлопоты по материальной и художественной части». Доходы должны были делиться поровну. Это было первое иллюстрированное издание в России, которое «публика встретила ... как приятную новость». Рассчитано оно было на детей и «людей неученых». Министерство народного просвещения рекомендовало выписывать его для учебных заведений.

В. Г. Белинский говорил, что Полевой в «Истории русского народа», «как во всем, что ни написал он ... был журналистом, а не историком. В этом ее слабая сторона, но в этом и ее относительные достоинства». И далее: «Впоследствии Полевой написал русскую историю для детей; это был труд простой, без претензий, и потому очень дельный и полезный, отличавшийся даже ясностью и картинностью исторического изложения»³⁰³.

В 1827 г. Н. А. Полевой пытался издать перевод книги В. Скотта «Жизнь Наполеона», но уже напечатанная первая часть книги была конфискована. Он писал биографии великих людей в беллетризованном виде: «Христофор Колумб» (1835), «М. В. Ломоносов» (1836).

Свой перевод «Гамлета» Шекспира Полевой дал на бенефис Мочалову в феврале 1837 г. Пьеса ставилась и в Петербурге, где Гамлета играл В. А. Каратыгин. Перевод несколько раз был издан. Н. А. Полевой был и автором пьесы «Уголино», пользовавшейся успехом, «хотя она не имела никаких достоинств, кроме сценических эффектов и нескольких великолепных тирад». Благодаря Н. А. Полевому была издана и имела успех книга Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских», выдержавшая несколько изданий.

В 1836 г. Полевому было разрешено писать историю Петра Великого, но без посещения архивов, так как в это время по архивным источникам историю Петра писал А. С. Пушкин. Уже в 1837 г. Полевой объявил подписку на «Деяния Петра Великого». В том же году А. Ф. Смирдин пригласил Н. А. Полевого в Петербург

редактировать газету «Северная пчела» и журнал «Сын Отечества».

Большой поддержкой в издательских начинаниях Н. А. Полевого была практическая помощь его брата К. А. Полевого, деятельность которого как редактора, переводчика, издателя, книгопродавца во многом была самостоятельной. К. А. Полевой помогал в издании журнала «Московский телеграф». Его попытки самому начать издавать журнал пресекались цензурным комитетом. Так, К. А. Полевой безуспешно пытался приобрести право на издание журнала «Московский наблюдатель» и поручить отдел критики Белинскому. О передаче журнала К. А. Полевому просил и В. А. Андросов, издатель журнала³⁰⁴.

В 1837 г., после отъезда брата в Петербург, К. А. Полевой продолжал составление и редактирование «Живописного обозрения», к нему также перешло все изданное Н. А. Полевым и подготовленное к изданию. По этому поводу К. А. Полевой писал: «Я мог взяться за то, потому что несколько удачных изданий книг доставили мне капитал, хотя небольшой; сверх того, книжная торговля, родившаяся из бывшей конторы „Московского телеграфа“, шла очень успешно, так что у меня была оборотная сумма»³⁰⁵. Одним из этих успешных дел была покупка нескольких сот экземпляров «Истории Пугачевского бунта», изданной А. С. Пушкиным, и быстрая их реализация. Управлял у Полевых книжной торговлей «человек испытанной честности», бывший секретарем при «Московском телеграфе», потом управляющим конторой «Московского телеграфа» и ставший впоследствии известным книгопродавцем, — П. А. Ратьков.

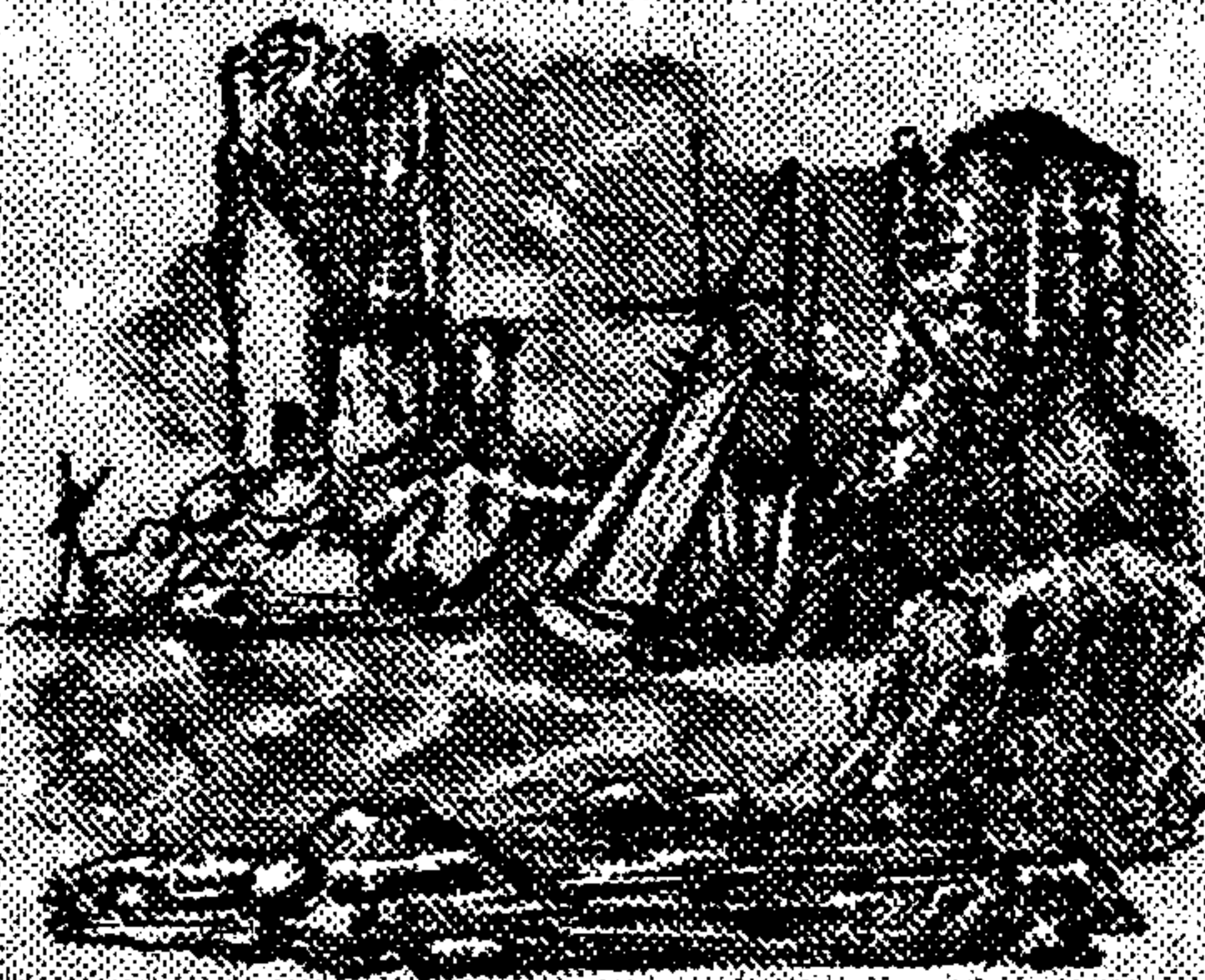
К. А. Полевой вел свои дела более успешно, чем брат. В 1836 г. он предложил Пушкину стать его комиссионером в Москве по продаже журнала «Современник», на что Пушкин дал свое согласие. К. А. Полевой выступал посредником между авторами и издателями. По его наблюдениям, в 1840-е годы, когда в журналах запрещалась полемика и наиболее интересные из них были закрыты, в Москве спрос на книги и журналы спал, сохранился лишь на некоторые издания, выходившие в Петербурге. В 1843 г. К. А. Полевой также перебрался в Петербург.

Активной была издательская деятельность С. Н. Глинки, писателя, журналиста, историка, цензо-

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Исторический рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1835.

Книга, сочиненная и изданная Н. А. Полевым

ра. Литератором Глинка был плодовитым. Нами выявлено более 100 названий книг, где он был автором, переводчиком, составителем. Но, вероятно, изданий было значительно больше. По мнению К. А. Полевого, «Глинка был просто *книгоделатель*, а не литератор. Он издавал какую-то тень „Русского вестника“, не в срочное время какие-то тоненькие книжки, на которых бывало напечатано: „Русский вестник. № 1, 2, 3, 4“, иногда и по шесть номеров в одной брошюре»³⁰⁶. Но были периоды, когда журнал Глинки пользовался успехом. Погодин вспоминал в 1842 г.: «...„Русский

вестник“ 1808 года, украшенный портретами Димитрия Донского, царя Алексея Михайловича, боярина Матвеева и других, возбудил во мне первое чувство любви к отечеству, русское чувство...»³⁰⁷ Особое место в журнале уделялось русской истории, подвигам русских солдат. Глинка через журнал организовывал сбор средств на содержание инвалидов войны. Материалы, опубликованные в журнале, затем были напечатаны отдельными изданиями.

О его многочисленных изданиях по истории положительно отзывался Карамзин. Глинка гордился тем, что изложил русскую историю «до нынешних времен». Но все тот же К. А. Полевой назвал «Русскую историю» Глинки компиляцией в нескольких томах, «написанных им наскоро, напыщенно, как все, что писал он в это время».

Живя литературным трудом, Глинка вынужденно впадал в многописание и торопливость в работе. Он откликался посланиями, одами на все события, важные и менее важные, происходившие в Москве, стране, за рубежом. В 1828 г. он напечатал в типографии А. И. Семена «Поэму о нынешних происшествиях, или Воззвание к народам о единодушном восстании против турок», подражение сочинению Вольтера. В объяснении цензурному комитету он писал, что перевел поэму по предписанию высшего начальства, что эта поэма была сочинена Вольтером «по случаю Турецкой войны при императрице Екатерине II... 1773 года». Поэма не увидела света, весь тираж Семен передал в цензурный комитет, а Глинке прислал счет на 155 руб. за напечатание 400 экз. тиража, на что было истрачено четыре стопы белой бумаги. Четыре экземпляра поэмы было напечатано на «лучшей веленевой» и 11— «на простой веленевой» бумаге³⁰⁸.

Среди изданий Глинки было много детской литературы. В виде приложения к «Русскому вестнику» он издавал «Детское чтение» (1828), среди других его изданий для детей были «Сорок басен для детей, выбранных из лучших древних писателей...» (1828), «Приключения двух детей и их любящего верного Ами и пуховой Мими» (1828), «Искусство учиться прогуливаясь, или Ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом» (1829). Глинка писал пьесы для театра, выступал и посредником между автором и типографщиком. Об этом свидетельствуют

те рукописи, которые он представлял в цензурный комитет. В 1827 г. их было 12, в 1828 г. — шесть.

Показательна судьба *М. И. Невзорова*, о котором выше было сказано как о начальнике Университетской типографии. Разночинец из духовного звания, в университете он учился на двух факультетах, юридическом и медицинском, на средства масонского Дружеского общества «под бдительным надзором Новикова». В 1788 г. Дружеским обществом был послан для усовершенствования в знаниях за границу. Вместе со своим другом В. Я. Колокольниковым слушал лекции в Геттингене, Страсбурге, занимался переводами. В Лейпциге на книжной ярмарке он продал парижскому книгопродавцу французский перевод русской книги «О внутренней церкви» и купил за него книг более чем на 1 тыс. руб. В Геттингене начал переводить с французского «Таинства креста».

Во время революционных событий 1789 г. И. В. Лопухин в письме предупреждал Невзорова и его товарища, что в России «разславляют», будто они «в Париже ... были из русских в числе депутатов во французское национальное собрание с поздравлением французов с революционными их предприятиями»³⁰⁹.

По возвращении из-за границы в 1792 г. против Невзорова и Колокольникова велось следствие, во время которого Колокольников умер. Невзорова должны были сослать в Сибирь, но он в течение почти полутора лет до освобождения Павлом I, то ли заболел, то ли притворившись, находился в сумасшедшем доме при Обуховской больнице. По ходатайству И. В. Лопухина он был освобожден одновременно с Н. И. Новиковым и поселился в доме Лопухина в Москве. При Павле I снова была разрешена деятельность масонов, открыт орден свободных каменщиков. Одну из главных своих задач масоны видели в служении «российскому отечеству» и «христианству вообще» с помощью издания душевспасительных книг, противостоявших «адской волне вольнодумческих и безбожных книг, прорвавшейся тогда со всех сторон»³¹⁰. Этому посвятил себя и Невзоров. Хотя он был посредственным поэтом, но тем не менее издал «Сборник собственных стихотворений». Он знал иностранные языки и всю жизнь занимался переводами. Склонность к проповедничеству проявилась в изданной им книге «Притчи, или Изречения Секстия Пифагорейца» (1801).

В 1813 и 1814 гг. в отсутствие редактора М. Г. Гаврилова Невзоров издавал вместо него журнал «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света». В этот период все статьи о Наполеоне, о состоянии европейских государств, о доходах Франции, об испанской конституции, о Голландской республике были написаны Невзоровым или сопровождалась его рассуждением.

Попечитель университета М. Н. Муравьев хотел, чтобы университет издавал журнал для детей. Издание его взял на себя Невзоров. Журнал «Друг юношества» начал выходить регулярно с 1807 г. объемом в 8—10 листов. Всего вышло 100 книжек. Денег на издание у Невзорова не было. В первое время их давал отставной бригадир В. В. Чулков, затем И. В. Лопухин. Получаемая прибыль Невзоровым раздавалась неимущим, часто журнал распространялся бесплатно.

Журнал по своему характеру был близок к изданиям масонов. Лопухин считал его единственным пригодным для христианского чтения. В нем помимо сочинений и переводов самого издателя печатались и статьи Лопухина.

В подготовке журнала в 1807—1809 гг. участвовали М. И. Багрянский и Д. И. Дмитриевский. В журнале должны были печататься статьи, подготавливавшие к пониманию политической и естественной истории, физики, географии, статистики, приучающие к выполнению домашних и хозяйственных упражнений. Для оживления повествования текст должен был даваться в виде занимательных рассуждений, жизнеописаний знаменитых людей, повестей, сказок, басен, разговоров и кратких драматических представлений. Много заимствовало у зарубежных авторов. В журнале печатались сочинения детей. Но постепенно журнал ограничился «сообщением» познаний и правил нравственности. Невзоров не принимал для публикации эпиграмм, сатир, комедий, романов. Среди молодежи ходил каламбур «Максим Невзоров — писатель вздоров».

Невзоров задумывался над тем, почему журнал не заслужил «благоволения публики, и объяснял себе это тем, что читатели „любят то, что льстит“ их чувствам, приятно и нравится слабостям». Но он считал себя «другом юношества», заботящимся о сердечном воспитании, а не льстящим своим читателям. По его мнению, «без сердечного воспитания просвещение разума

не значит ничего, и все... сочинения, сколько бы... их ни написали, стихотворные или прозаические, будут не что иное, как только трень-брень с бирюльками»³¹¹. Современники отмечали и ум, и образованность Невзорова, его благородные цели, которые он преследовал при издании журнала, но известные писатели в журнал своих сочинений не присылали.

Невзоров дожил до возрождения масонского движения (умер в 1827 г.), но не принял его, так как считал, что оно далеко от сущности христианства. Славянофильская редакция «Русской беседы» писала о нем: «Он видел, он чувствовал ложь цивилизации, жаждал истинного просвещения и не умел отыскать его начал. Он был только отрицателем эпохи, которая сама коренилась единственно в отрицании»³¹². Славянофилы видели в Невзорове своего предшественника.

Среди издателей первой половины XIX в. встречались имена, казалось бы, случайные, но в то же время они характеризовали процесс распространения просвещения, просветительские тенденции в российском обществе. В цензурный комитет обращались за разрешением издать свои или чужие сочинения представители как высших слоев общества, так и самых низших, крепостных. Например, крепостной дворовый человек Вячеслав Степанович Желнобов из Симбирской губернии, Алатырского уезда, вотчины князей Тенишевых, села Сутяжного, просил разрешить ему издать сочиненную им сказку «Лисица и дурак»³¹³.

Граф Федор Толстой 2 июня 1839 г. просил разрешить ему напечатать «стихотворения графини С. Ф. Толстой, переведенные с немецкого и английского языков г-ном Лихониным», и ее биографию, написанную им самим. Толстой уверял, что книга будет печататься только для него и «для самого малого числа ближайших родственников»³¹⁴.

Наиболее активными издателями были студенты Московского университета. Студент Николай Муравьев в 1828 г. ходатайствовал о разрешении издать сочиненную им повесть в стихах «Киргизский пленник»³¹⁵. Среди изданий студентов сочинения самые разнообразные. Например, в 1828 г. были изданы «Сельская жизнь и природа» (в стихах, соч. Дьячкова); «Донуяр. Турецкая повесть, из лорда Байрона» (пер. с франц. студента П. В. Шереметьевского, 42 стр., тираж

1,2 тыс. экз.); «О непроизвольном излиянии семени и о спасительных средствах противу оно́го» (пер. с нем. студента В. Гребовского, 161 стр., тираж 1,2 тыс. экз.); «Начальные основания политической экономии, или Дружеские беседы» (пер. с франц. студента Арефьева, 347 стр., тираж 1,2 тыс. экз.).

Издательская деятельность учителей средних учебных заведений была близка к издательской деятельности профессоров университета. Учитель латинского языка Московской губернской гимназии Л. Лейбрехт был автором и издателем многочисленных грамматик и хрестоматий латинского и немецкого языков.

Среди книготорговцев, выступавших в роли издателей, было много мещан, между которыми шла постоянная торговля правами на издание той или иной книги. Приобретя у автора рукопись, издав ее один или два раза, книготорговец потом мог продать право на ее издание. Так, московский мещанин М. К. Овчинников уступил мещанину И. И. Ступину принадлежащее ему право на книгу «Низверженный Мамай» (соч. И. Михайлова)³¹⁶. Мещанин Соболев свое право на книгу «Самовернейший астрономический телескоп» (сост. магистр Бранкевич, ч. 1—3, 344 стр.), уже изданную им в 1828 г. тиражом 3 тыс. экз., передал мещанину П. А. Вавилову, а тот в свою очередь — известному библиографу С. А. Соболевскому, и получил за это 70 руб.³¹⁷

В роли издателей могли выступать и работники типографий. Например, помощник начальника Университетской типографии А. Д. Суцов помимо выполнения прямых обязанностей был и издателем. И. М. Снегирев писал о нем: «Оборотливый помощник начальника типографии, А. Д. Суцов, напечатал в ней на свое иждивение много дельных и любопытных книг»³¹⁸. Но «своего иждивения» у Суцова как раз и не было. После его смерти в 1816 г. оказалось, что он должен университету 5806 руб. 85 коп., куда входили, в частности, суммы, не выплаченные университету за печатание книг с 1812 г. Он остался должен Академии наук за присланные ему для распространения календари и атласы. И при этом все его имущество было описано на сумму 175 руб. 77 коп. К этой описи пужно прибавить находившиеся на казенной квартире Суцова в доме Университетской типографии

модели типографского и фигурного станков, стоившие не менее 400 руб., и 2666 непроданных томов книг, записанных на его имя в университетской книжной лавке и пошедших в уплату долга³¹⁹.

Цензура

Влияние политики царского правительства на издательское дело осуществлялось прежде всего через цензуру. В 1804 г. был принят первый цензурный устав, один из самых либеральных, так как он создавался в благоприятных для развития просвещения и книгоиздания условиях. Непосредственными составителями цензурного устава были академики Н. Я. Озерецковский и Н. И. Фус, которые считали: «Разумная свобода книгопечатания... обещает следствия благие и прочные; злоупотребление же ее приносит вред только случайный и скоропреходящий». Ограничение свободы книгоиздания «истребляет искренность, подавляет умы и, погашая священный огонь любви к истине, задерживает развитие просвещения». Истинного успеха в просвещении «можно ожидать только там, где беспрепятственное употребление всех душевных способностей дает свободу умам, где дозволяется открыто рассуждать о важнейших интересах человечества, об истинах, наиболее дорогих человеку и гражданину»³²⁰.

Цель составителей устава заключалась в устранении всего, что могло препятствовать «невинному пользованию правом мыслить и писать». По уставу цензоры при просмотре рукописей должны были руководствоваться «благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений». Здесь впервые были сформулированы законы о цензуре; вся цензура была сосредоточена в университетах. Но уже после выхода устава правительство запретило печатать критику на чиновников, неблагоприятные отзывы о Наполеоне, рассуждения о политике, конституции, обо всем, что касалось правительства, объясняя это тем, что правительству «лучше известно, что и когда сообщать публике».

В 1820-е годы цензурный устав 1804 г. начал пересматриваться. А. С. Шишков, назначенный в 1824 г. министром народного просвещения, ратовал за усиление

ние цензурных строгостей, хотя на словах и признавал, что цензура должна быть «умная и осторожная», чтобы «простая травка не казалась ей змеиными жалами»³²¹. По новому уставу 1826 г. запрещалось все, что могло ослабить «чувства преданности, верности и добровольного повиновения», «должного» почтения властям. Философские сочинения, «наполненные бесплодными и пагубными мудрованиями», вовсе запрещалось печатать (§ 186). Но этот «чугунный», как называл его С. Н. Глинка, устав просуществовал недолго, и уже 22 апреля 1828 г. был утвержден новый, более гибкий.

Особенностью николаевской цензуры стало введение помимо общей еще и ведомственной цензуры. Одна книга, если она касалась вопросов, имевших отношение к ведомствам, проходила несколько цензур. Запретов было много. Особенно тягостными были запреты на литературную полемику в журналах, на открытие новых периодических изданий.

Революция 1848 г. вызвала новое ужесточение цензуры. 2 апреля 1848 г. был учрежден особый комитет под председательством Д. П. Бутурлина, которому был поручен высший надзор за духом и направлением книгопечатания. «Комитет 2-го апреля 1848 г.» сделался высшим цензурным учреждением. Он просуществовал до 1855 г. Этот период был назван «эпохой цензурного террора». Если до этого цензура была только предварительной, то теперь она стала еще и «карательной», рассматривавшей сочинения уже после напечатания. Цензоры, обнаружившие вредные идеи, должны были немедленно сообщать об этом в III Отделение. Были запрещены любая критика и печатание отрывков из иностранных книг. Предлагалось печатать «с величайшей осмотрительностью» даже статьи по русской истории, особенно о смутных временах. Не пропускались в печать выражения о строгости цензуры³²². Было издано специальное распоряжение о том, чтобы имя автора каждой статьи известно было редакторам и «непрерывно цензуре»³²³.

Деканы учебных заведений должны были следить за тем, чтобы в преподаваемых предметах соблюдалась неприкосновенность начал самодержавия, дабы ограждать юношество от «чуждых... понятий о мнимом превосходстве республиканского или конституционного правления», от распространения разных политико-эко-

помических систем: сен-симонизма, фурьеризма, социализма и коммунизма. О коммунизме в этом предписании говорилось: «Объявив непримиримую войну всему, что возвышается над безземельною и бездомною чернью, коммунизм нагло подводит под свой железный уровень все состояния...» Было предписано «воспрещать» все, что хотя бы косвенно содействовало распространению этих идей³²⁴.

На протяжении полувека в зависимости от колебаний политики отдельные темы в печати то разрешались, то запрещались. Так было с Наполеоном в зависимости от того, какими были отношения с Францией. Отношение к мистикам и масонам также было неоднозначным. При министре народного просвещения А. Н. Голицыне, масоне, последние главы романа В. Т. Нарезного «Российский Жильблаз», где масоны изображались в нелестном виде, были запрещены, а сам автор подвергся преследованиям.

При самых строгих запретах цензура часто не достигала своей цели. Свои предложения о том, как с помощью цензуры привести русское общество к «единомыслию», высказал в 1848 г. П. А. Вяземский, перешедший в это время в лагерь реакции. Он считал неправильным то, что цензура подчинялась министру народного просвещения, она должна была подчиняться «особенному совету или комитету», возглавляемому человеком, имеющим «доверенность государя». Для того чтобы цензура была проникнута одним духом, она должна быть едина, а не дробиться между различными ведомствами. В цензуре должны служить высокообразованные чиновники, а не те, «кто не способен ни к какому другому роду службы», или «мелкие, малоспособные литераторы». Предполагаемое управление цензуры Вяземский называл «министерством мысли и духа народного», которое должно было наравне с предупреждением злоупотреблений «направлять движение литературы», «поощрять» «благонамеренные» дарования. Управление цензуры должно иметь свой политический и литературный журнал, распространяющий в народе «все сведения, все указания» правительства.

Вяземскому хорошо было известно, что «литература и вообще письменность есть одна из сил, наиболее двигающих общество, всемогущее оружие, охранительное или убийственное», поэтому он считал, что в борь-

бе с литературой одних запретительных мер мало. Нужно иное. Чтобы уменьшить влияние журналов, он предлагал разрешить их как можно больше: «Чем будет более журналов, тем влияние будет раздробленнее и равновеснее. Стоит только умножить число цензоров...»³²⁵ Но его предложения остались на бумаге.

По мнению Н. А. Энгельгардта, свирепость цензуры была обусловлена не реакционным правительством, а «невежеством общества», которое проявлялось «слабым спросом на печатное слово и равнодушием к судьбам печати, литературы и писателей». Малограмотное общество вполне удовлетворялось «легким чтением». Невежество также проявлялось в нетерпимости к печатному слову. «Доносы и анонимные письма шли по цензуре всегда тысячами»³²⁶. То, что большинство читающей публики, как и цензура, видело в критическом отношении литературы к действительности только хулу, непозволительное своеволие и вольнодумство, отмечал и М. К. Лемке³²⁷. В этом заключалась другая сторона правды. Реакционность правительства и цензуры, застой в издательском деле должны были питаться не только сверху, но и снизу той частью общества, которая это активно поддерживала или молча принимала.

В первой половине XIX в. цензуру часто называли университетской, так как цензурные комитеты организовывались при университетах. По указу 1803 г. цензура всех печатаемых в губерниях книг должна была принадлежать университетам. По университетскому уставу 1804 г. Московскому университету и всем остальным университетам предписывалось иметь «собственную цензуру для всех издаваемых членами его и в округе его печатаемых сочинений, также для книг, выписываемых для своего употребления из чужих краев»³²⁸.

По цензурному уставу 1826 г. цензура стала независимой от университета, хотя служителями ее оставались в основном профессора университета. В 1828 г. все опять стало по-старому: цензурный комитет должен был состоять при Московском университете и подчиняться, как и университет, попечителю Московского учебного округа. Цензоры, не принадлежавшие к сословию профессоров, назывались «сторонними».

Такое положение ставило университет в центр издательского дела, между правительством и издателями. Это давало кое-какие преимущества: профессора университета получали все книжные новинки, проходившие через их руки, могли без ограничений знакомиться с зарубежными изданиями, могли оказывать непосредственное влияние на издаваемую литературу.

Анализ цензурных ведомостей многое дает для характеристики издаваемой литературы и самой цензуры. Длительное время при рассмотрении рукописей и книг в цензурном комитете соблюдался следующий порядок: рукописи или книги записывались в журнал секретарем, назначаемым из магистров собранием университета, и по определению комитета передавались лектору, который по прочтении доносил комитету свое мнение, может ли сочинение быть издано или нет. Затруднительные случаи цензурный комитет выносил на решение Совета университета³²⁹. Во второй четверти XIX в. «затруднительные случаи» отправлялись для решения в Петербург, в Главный цензурный комитет. На обороте титульного листа разрешенной книги делалась отметка: «Печатать дозволяется с тем, чтобы по отпечатании, до выпуска из типографии, представлены были в цензурный комитет: один экземпляр сей книги для цензурного комитета, другой для департамента Министерства просвещения, два экземпляра для императорской Публичной библиотеки и один для императорской Академии наук». В конце ставились дата и фамилия цензора. Таким образом, цензурный комитет следил еще и за получением двумя главными библиотеками России обязательных экземпляров.

По московским цензурным ведомостям, с 1813 по 1825 г. в среднем принималось около 260 рукописей в год (больше всего — 319 — в 1824 г., менее всего — 207 — в 1813 г.), отклонялось в среднем 10% (68 — в 1816 г., 16 — в 1822 г.).

Одной из обязанностей цензурного комитета было наблюдать за тем, «чтобы чужих трудов посторонние издатели своевольно себе не присваивали, и к напечатанию их не было даваемо разрешение»³³⁰. Так, в 1818 г. Павел Вавилов, «мещанин, торгующий в Москве книгами», обвинялся цензурою в том, что он присвоил себе «несправедливо право перепечатывать, не принадлежащее ему»³³¹. В изданной им книге «Драгоценный подарок детям, или Новейшая и полная

энциклопедическая азбука российская» помещены были правила для учащихся, изданные комиссией о народных училищах.

Цензоры не разрешали к изданию книги, которые не отвечали современному уровню развития науки. 4 ноября 1826 г. цензор Ф. А. Денисов писал, что он не может одобрить «Новейшую детскую энциклопедию», так как помещенный в ней материал остался без перемен после первого издания и, следовательно, не сообразен «с ходом и успехами нынешнего просвещения»³³². Цензор В. В. Измайлов запретил «Новейший и самый полный снотолкователь», так как «такая книга, выданная даже за шутку без всякой важности, подействовала бы, может быть, на слабых, легковверных и непросвещенных»³³³.

Цензуру медицинских книг осуществлял медицинский факультет Московского университета. Декан факультета А. А. Альфонский, ставший затем ректором университета, 1 октября 1838 г. и 20 декабря 1839 г. писал в цензурный комитет по поводу книги «Врач, исцеляющий больных холодною водою», что медицинский факультет нашел в ней «много вредных советов»³³⁴, которые «не оправданы никакою опытностию, не показывают в сочинителе никакой врачебной образованности»³³⁵.

Н. Данилевский представил в цензурный комитет в 1847 г. книгу под названием «Подарок повобрачным, или Туалетная книжка для молодых и пожилых супругов; сочинение одного практического врача, перевод с немецкого 8-го издания Николая Данилевского». Профессор Г. И. Сокольский в своем отзыве, направленном в цензурный комитет 19 июня 1847 г., писал, что он нашел это сочинение «по медицинскому содержанию нелепым, а по цели безнравственным», что «автор назвал сочинение переводом с немецкого, по которому оригинала он не отыскал; он (автор) приписывает оригинал одному практикующему врачу и тем марают сословие врачей, возводя на него вину собственной мелочной промышленности»³³⁶.

Но эта работа цензуры оставалась в тени. Основною обязанностью ее было не допускать «сочинений, коих содержание противно закону, правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека»³³⁷.

В начале царствования Александра I цензура была довольно либеральна и даже доносы не достигали цели. Так, попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, обскурант и реакционер, 4 сентября 1811 г. писал министру народного просвещения Разумовскому доклад на профессора философии Буле: «...в его истории о философии довольно одной статьи, в коей он хвалит учение Спинозы, чтобы извергнуть его из благоустроенного общества...» Сочинения Карамзина Голенищев-Кутузов считал злободневным для юношества учением, и ему невыносимо было видеть, что «в университете его сочинения, как модель штиля, сделались классическими», что «профессоры... курят фимиам перед ним»³³⁸.

В 1821 г. цензор был наказан только после того, как военный губернатор Малороссии донес, что волнение крестьян в одном полтавском имении вызвано напечатанной в «Историческом, статистическом и географическом журнале» Московского университета статьей «Взгляд на успехи земледелия и благосостояния в Российском государстве», «наполненной неуместными выражениями и осуждениями» по крестьянскому вопросу. В результате профессор Н. Е. Черепанов, пропустивший статью, был удален от цензорства и от деканства и было сделано общее запрещение писать по крестьянскому вопросу.

В статье, переведенной из гамбургского журнала, автор видит залог благосостояния России в открытии училищ и в освобождении крестьян: «В царствование императора Александра I учреждено пять университетов, пятьдесят восемь гимназий и сто уездных училищ, кроме множества народных школ и других учебных заведений. Главное средство к возведению государства в высшую степень просвещения и благосостояния заключается в том, чтобы исподволь и с благоразумием доставить крестьянам большую свободу и даровать им в полной мере права, принадлежащие им как людям и существам разумным. В тысяча восьмистах городах живет в России шесть миллионов граждан, наслаждающихся полною гражданскою свободою; многие крепостные получили свободу от рабства с согласия своих господ, крестьянам позволено покупать свою свободу; постепенное уничтожение крепостного права пачато уже на окраинах государства, откуда исподволь может распространиться и во внутренние пределы страны»³³⁹.

При Николае I подобную публикацию трудно себе представить, журналисты и цензоры преследовались за любые строчки, которые можно было истолковать в неблагоприятном смысле для правительства, для любого из его ведомств. Попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов получил предупреждение только за то, что в статье «Освобождение негров во французских колониях», помещенной в «Московских ведомостях» (№ 42—45, 1844), невольничество было названо «гнусным остатком варварства».

Главное управление цензуры относилось к московским издателям и Московскому цензурному комитету с недоверием, чему способствовал и донос в III Отделение, поступивший в 1827 г. на издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого. По некоторым предположениям, донос был послан Ф. В. Булгариным. В нем говорилось: «Москва есть большая деревня. Там вещи идут другим порядком, нежели в Петербурге, и цензура там никогда не имела ни постоянных правил, ни ограниченного круга действия. Замечательно, что от времени Новикова все запрещенные книги и все вредные, ныне находящиеся в обороте, напечатаны и одобрены в Москве. Даже „Думы“ Рыльева и его поэма „Войнаровский“, запрещенные в Петербурге, позволены в Москве. Все запрещаемое здесь печатается без малейшего затруднения в Москве. Сколько было промахов по газетам и журналам, то всегда это случалось в Москве. Все политические новости и внутренние происшествия иначе понимаются и иначе толкуются в Москве, даже людьми просвещенными. Москва, удаленная от центра политики, всегда превратно толковала происшествия, и журналы, выбирая даже статьи петербургских газет, помещают их часто столь неудачно с пропусками, что дела представляются в другом виде. Вообще московские цензоры, не имея никакого сообщения с министерствами, в политических предметах поступают наобум и часто делают непозволительные промахи»³⁴⁰.

Из московских цензоров мало кто сумел избежать опалы. Не помогли ни усердие, ни осторожность.

Поводом к тому, чтобы за журналами была установлена еще и цензура III Отделения, послужила невинная статья в мартовской книжке московского журнала «Атеней» за 1829 г. «Антропологическая прогулка», где были строки о гвардейских офицерах, которые «убивают целые дни в самых пустых занятиях». За эту

статью Бенкендорф «изобличил» известного ученого М. Г. Павлова в «невежестве», а цензора В. В. Измайлова, известного писателя, признал просто «глупым»³⁴¹.

Чтобы цензоры не теряли бдительности, они регулярно получали предупреждения вроде циркуляра от 9 февраля 1832 г., в котором Главное управление цензуры уведомляло Московский цензурный комитет, что А. Х. Бенкендорф «неоднократно имел случай заметить расположение издателей московских журналов к идеям вредного либерализма» и особенно этим отличались журналы «Телескоп» и «Московский телеграф»³⁴². И цензоры старались. 5 мая 1833 г. цензор Л. А. Цветаев в рукописи «О государственном кредите» (имя автора не указано) нашел «несколько резких мыслей»; автор их исправил, но Л. А. Цветаев тем не менее сомневался одобрять рукопись, так как «предмет, в оной излагаемый, есть один из важнейших в государственном управлении»³⁴³. Цензор В. Н. Лешков 18 июня 1848 г. писал в цензурный комитет, что у него нет возражений против книги П. А. Иовского «Замечания о современной политике», но вызывает сомнение название, которое может «возбудить особенное внимание в читающей публике и подать повод к частым подобным вопросам»³⁴⁴. Министр народного просвещения поддержал цензора.

О цензоре С. Н. Глинке К. А. Полевой, участвовавший вместе с братом в издании «Московского телеграфа», писал, что он «не годился в цензора», так как, когда от них «требовали мелочной внимательности, и они не имели никаких определенных правил, что можно и чего нельзя было дозволить к обнародованию», Глинка заявлял: «...как можно судить мысль и намерение человека?.. В самых невинных словах может быть злое намерение; а как я угадаю это?» Глинка «выражал этим мысль справедливую в обширном смысле; но был несносен тем, что вследствие своих убеждений и своего характера *подписывал все, не читая!*»³⁴⁵. А убеждение его заключалось в следующем: «Горе тому обществу, где из мухи делают слона и где, развязывая умы, усиливаются сковать их цепями»³⁴⁶.

Глинка не раз наказывался за пропуск довольно безобидных статей. Например, он и Н. А. Полевой получили строгий выговор за то, что в «Московском телеграфе» (№ 14, 1828) была опубликована статья «При-

казные анекдоты», в которой рассказывалось, как иногда приказные чиновники проводят и обманывают мало знающих дела губернаторов.

Бенкендорф распорядился арестовать цензора С. Н. Глинку за пропуск статьи в «Московском вестнике» (№ 1, 1830), где были напечатаны три заметки С. Т. Аксакова, из которых одна осмеивала какого-то министра, дававшего рекомендацию чиновнику. В середине 1830 г. Глинке пришлось высидеть на гауптвахте вторично за стихи в альманахе «Денница» М. А. Максимовича, которым Главным управлением цензуры было дано «противоправительственное толкование». Вскоре Глинка был отстранен от должности цензора, как писал он сам, за публикацию брошюры на французском языке, в которой он критиковал закон о журналах, существовавший во Франции, тем самым как бы подвергая сомнению и существующий в России.

Если С. Н. Глинка, можно считать, заслужил свое увольнение, то профессор Л. А. Цветаев неукоснительно выполнял все требования начальства и старался не пропустить ничего недозволенного. Однако и его 23 июля 1832 г. Главное управление цензуры предписало уволить из цензурного комитета за пропуск в «Телескопе» (№ 7) такой фразы: «Дай Бог, чтоб Академия наук, пишущая и читающая до сих пор, к стыду нашему, только по-французски и по-немецки, оценила по достоинству это русское сочинение и увенчала его Демидовскою наградою!»³⁴⁷ (фраза из отзыва на книгу Андросова «Статистическая записка о Москве»).

С. Т. Аксаков был отстранен от службы в цензурном комитете после пропуска им в 1832 г. баллады «Двенадцать спящих будочников», напечатанной под псевдонимом Елистрата Фитюлькина, под которым скрывался воспитанник Московского университета Василий Андреевич Проташинский. В балладе пародировались романы Булгарина и остроумно описывались нравы полиции. Царь нашел, что баллада «заключает в себе описание действий московской полиции в самых дерзких и неприличных выражениях... что цензор Аксаков вовсе не имеет нужных для звания его способностей...»³⁴⁸. Аксаков был уволен, автор баллады удален из Москвы.

Показательны цензурные злоключения «Горя от ума», «Мертвых душ». История цензуры помогает вернее судить о состоянии книжного дела, об утерянных возможностях в литературе.

Книжная торговля

Н. И. Новиков и в книготорговле достиг в конце XVIII в. необыкновенных успехов. Карамзин называл его «главным распространителем книжной торговли», отмечая при этом, что Новиков «всеми способами старался приучить публику к чтению, угадывая общий вкус и не забывая частного». Главным было то, что Новиков торговал «с умом, с догадкой, с дальновидным соображением»³⁴⁹. При Новикове Москва была настоящим центром русской книжной торговли. Число книжных лавок возросло с двух до 20. В них был высокий уровень обслуживания: предоставлялись кредиты, заключались договоры на поставку, впервые было введено книготорговое ученичество, для обучения начинающих были разработаны «Условия продажи книг».

Но книжное дело Новикова было разгромлено. Товарищи Новикова, его ученики продолжали начатое дело, но робко, не с таким размахом. Первое десятилетие XIX в. для книжной торговли в Москве, как и для издательского дела, можно назвать восстановительным. Но после войны 1812 г. многим опять пришлось начинать с нуля. Расцвет книжной торговли, как и издательский, падает на 1830-е годы, когда в России насчитывалось более 100 частных книжных лавок и они были заполнены покупателями, среди которых «стали показываться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие русских книг, зимою появлялись в значительном числе помещики, покупавшие за раз на большую сумму книг»³⁵⁰. В 1840-е годы произошел резкий спад в книжной торговле. Если и продавали книги, то в основном учебники.

Расцвет книжной торговли в значительной степени был связан с именем *А. Ф. Смирдина*. Его деятельность совпала с расцветом русской литературы, когда писали Пушкин, Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Вяземский, Козлов, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Кольцов. К. А. Полевой так вспоминал о Смирдине: «Приезжая по временам в Москву, А. Ф. Смирдин наделял тамошних книгопродавцев громадами книг, и каждый его присзд походил если не на триумф, то, по крайней мере, на книжную ярмарку. Литераторы и книгопродавцы толпились в его квартире, находили у него поощрение, пособие, и все пользовались его готовностью сделать для каждого все возможное и невозможное»³⁵¹.

В 1824 г. Смирдин взял на себя обязанности сообщать университету о всех выходявших в Петербурге изданиях и распространять университетские³⁵². Он был комиссионером университета до 1829 г., когда его сменил книгопродавец Урбен³⁵³. Смирдин, вероятно, имел в Москве книжную лавку. Во всяком случае, в «Московских ведомостях» уже после его смерти в 1857 г. появилось объявление о покупке фирмой «Анатолий Черенин и К^о» книжной лавки Смирдина, расположенной на Никольской улице в доме графа Шереметева³⁵⁴.

Г. И. Поршневу в работе «История книжной торговли в России» делил книгопродавцев на книжников-культуртрегеров и книжников-коммерсантов. *Книжник-культуртрегер* — это тот, кто «к книжному делу подходит, сознавая его культурную полезность. Выгоды для него имеют второстепенное значение, и нередко он не интересуется практической стороной дела, не углубляется в работу...». Но если такие книгопродавцы имелись, то их было очень мало и они не могли оказывать решающего влияния на книжную торговлю.

Книжник-коммерсант — это профессионал, в большей части чернорабочий книжного дела. Свой путь он начинал обычно с «мальчиков», горбом брал каждую ступень служебной лестницы и на самостоятельную дорогу выбивался случайно. В культурном отношении он почти всегда ниже культуртрегера, вследствие чего внешние приемы его работы примитивны, реклама груба и смахивает на рыночное «зазывание». Несомненным преимуществом профессионала перед культуртрегером является его навык к технике работы и знание рынка сбыта³⁵⁵. Именно таким было большинство книгопродавцев в Москве.

Высоко ценил книгопродавцев В. Г. Белинский: «...науке, искусству и литературе оказывали иногда величайшую услугу люди, которые ничего не писали и не были ни учеными, ни поэтами, ни литераторами. Нужно ли говорить, какое великое влияние на успехи литературы может иногда иметь книгопродавец-издатель?»³⁵⁶

Для многих книгопродавцев того времени содержание книг, которыми они торговали, не имело значения. У дверей книжных лавок стояли зазывалы, в гостиных и торговых рядах шла торговля «из шкапчиков» и в развалах. Как писал П. К. Симони, раздоры между

купцами доходили до кулачных расправ. Крупные книгопродавцы, бывшие одновременно издателями, снабжали книгами средних и мелких, те, в свою очередь, давали книги на комиссию офеням, ходябщикам, давали им в долг. Ходябщики даже вели торговлю букинистической и антикварной книгой вразнос.

Книгопродавцы внимательно следили за тем, какая книга пользовалась спросом, и стремились приобрести ее для продажи или издать что-то похожее. Поэтому не случайно обращение в цензурный комитет коллежского советника П. Максимова, переводчика и составителя книги «Друг детей». Его беспокоило то, что «быстрый расход почти двух изданий ее возбудил корыстные виды некоторых книгопродавцев». Книгопродавец Лисенков вознамерился сделать якобы новый перевод. Максимов просил цензурный комитет не разрешать, не пропускать ничего похожего на его книгу³⁵⁷.

Центр книжной торговли в Москве после 1812 г. от Спасских ворот Кремля переместился на Никольскую улицу. Здесь у Заиконоспасского монастыря открывались новые книжные лавки. Второй центр книжной торговли находился на Кузнецком мосту, где чаще располагались книжные лавки иностранцев. Книжные развалы с 1820-х годов разместились на Сухаревском рынке, на рынке у ворот Китай-города, располагавшемся на Старой площади, являвшейся средоточием торговли древними книгами.

В адресной книге Москвы на 1826 г. перечислены казенные книжные лавки: «Университетской типографии на Петровском валу; Синодальной типографии (духовных книг) на Никольской улице; Библейского общества в Мясницкой части; частные: Рисса на Петровке; Готье (иностранные книги) в Тверской части в доме князя Щербатова; Буве (иностранные книги и библиотека для чтения) в Рождественском переулке; Урбена (иностранные книги и библиотека для чтения) на Петровке в доме Анненкова; Эльцнера в Старогазетном переулке; Глазунова Ивана на Никольской улице (там же и библиотека для чтения); на Никольской улице находились магазины Струкина, Душина, Телепнева, Свешникова, Логинова, Порывкина, Ферапонтова, Ильина, Бабунова (с библиотекой для чтения), Пономарева, Немова Василия, Андреева, Трухачева, Кривцова; в других районах Москвы имелись лавки Сиротина, Нефедьева, Михайлова, Федорова, Беляева,

Немова Константина, Ступина, Голикова, Добрынина, Хрусталева. Имелись и музыкальные магазины Ленгольда, Шильдбаха, Рейнздорфа (на Никольской улице)³⁵⁸ — всего около 40 книжных лавок.

В Москве не прерывалась *торговля иностранными книгами*. Ею в основном занимались иностранцы. Обычно они начинали с ввоза в Россию иностранных книг или с переплетного ремесла, а потом заводили книготорговлю. Многие не останавливались на этом и открывали типографии. По подсчетам П. Столпянского, книгопродавческой деятельностью в России с 1768 по 1852 г. занимались 50 иностранцев³⁵⁹. В Москве, как видно по приведенному выше списку, книжной торговлей занимались в 1826 г. пять иностранцев. Известно также, что в 1849 г. в Москве было шесть иностранных книжных лавок, владельцами которых были французы, торговавшие преимущественно французскими книгами³⁶⁰. В этих лавках наряду с книгами часто продавались цветочные семена, пряности, табак, бакалея.

В книжных лавках иностранцев, как правило, был организован предварительный заказ на книги, давались библиографические справки, проводилась подписка, имелись книжные витрины, что способствовало расширению торговли. Но основная причина успешной торговли иностранными книгами заключалась в том, что основным предметом изучения в гимназиях, университетах и других учебных заведениях и при домашнем воспитании были иностранные языки, особенно французский. Знание языков делало устойчивым спрос на зарубежную литературу.

Русские книгопродавцы в глазах дворян, пользовавшихся услугами иностранцев, проигрывали. С. П. Жихарев писал, что «русские книгопродавцы не могут понять, что для русской книготорговли необходимы сведения библиографические, зато в каком закоснелом невежестве они находятся: ни один из них не решится предпринять ни одного издания новой книги на свой счет, потому что не сумеет оценить ее достоинства»³⁶¹. В какой-то степени эти упреки были справедливы.

П. Л. Яковлев в книге «Записки москвича» (1830) сделал зарисовку книжной лавки конца 1820-х годов. Посетителями книжной лавки, по наблюдениям автора, были литераторы, покупатели, приятели книгопродавца. Владелец лавки в течение дня отказался купить

для издания у автора трагедию, но готов был покупать переводы модных зарубежных романов, хрестоматий, азбук, письмовников, песенников. Один из компиляторов подобных изданий каждый день заходил к книгопродавцу узнать, сколько продано его книг, и получить деньги. Автор зарисовки замечал, что компиляторы работали на книгопродавцев, беря за свой труд очень дешево: «рубля по три с печатного листа». Безуспешно посещение книгопродавца ученым, сочинителем исторического труда, который просил за свою книгу 40 руб., но книгопродавец давал только семь. Среди покупателей выделялся узостью интересов провинциал, читавший только «Московские ведомости». Приятели книгопродавца ничего не покупали, а читали прямо в лавке.

Далеко не все русские книгопродавцы были так невежественны, как описывал Жихарев. Некоторые успешно соперничали с иностранцами.

Арендатор университетской книжной лавки *А. С. Ширяев* торговал не только современными изданиями, но и антикварными. Помимо этого он занимался издательской деятельностью, собрал библиотеку старопечатных книг и издал ее каталог, был членом научных обществ, автором. Одна из написанных им брошюр имела название «О пользе критического разбора хозяйственного сочинения, в особенности для книжной торговли» (1836).

До *А. С. Ширяева* университетская книжная лавка с 1806 по 1812 г. арендовалась *П. Н. Иниховым*, *А. В. Базуновым*, *И. Переплетчиковым*. Пожар 1812 г. разорил последних арендаторов, и они отказались от дальнейшей аренды. Университету были возвращены 3667 книг (около 350 названий), сохранившихся после пожара. Сама книжная лавка требовала значительного ремонта.

Университет привел книжную лавку в порядок и в 1813 г. устроил торги, в которых участвовали *Ширяев*, *Инихов*, *Глазунов*, *Немов*, *Базунов*. Лавка была сдана *А. С. Ширяеву* за 1610 руб. в год. Все сохранившиеся книги были переданы ему для продажи.

Книгопродавец обязан был лавку содержать «в исправности и в чистоте», казенные книги продавать по цене, назначенной университетом с удержанием в свою пользу по десяти процентов». Книжная лавка должна была ревизоваться университетом. Объявления о казенных книгах книгопродавец мог публиковать в «Москов-

ских ведомостях» «на счет казны»³⁶². В 1818 г. университет попытался увеличить откупную цену до 2010 руб., которая была до 1812 г., и объявил о новых торгах, но на них никто из книгопродавцев не явился. Тогда Правление университета попыталось урезать право Ширяева публиковать свои объявления в «Московских ведомостях» на 20 коп. меньше в сравнении с другими, но и здесь Ширяев не уступил³⁶³.

По отчету А. С. Ширяева в Правление университета, за 1814 г. в книжной лавке проданы 1523 казенные книги на сумму 969 руб. 56 коп. Карамзин в 1802 г. писал, что денежный оборот 20 московских книжных лавок достигал 200 тыс. руб. В этом случае в каждой книжной лавке, в том числе и в университетской, денежный оборот в среднем должен был достигать 10 тыс. Если предположить, что за 12 лет картина резко не изменилась, то на казенные книги в арендуемой Ширяевым лавке приходилась десятая часть денежного оборота лавки. В последующие годы университетских книг продавалось от 2 до 3 тыс. экз. ежегодно.

В 1828 г. университет объявил Ширяеву благодарность за то, что он ежегодно издавал книг на сумму 15 тыс. руб., среди которых «весьма полезные есть книги»; в 1823—1824 гг. он пожертвовал 1 тыс. руб. на строительство церкви при Университетском благородном пансионе, в 1827 г.— 1 тыс. руб. для библиотеки казенных студентов, были пожертвования в Общество истории и древностей российских³⁶⁴.

А. С. Ширяев регулярно издавал «Реестры» продаваемых им книг. Первый подготовленный им «Реестр российским книгам, ландкартам, планам, эстампам, портретам и нотам, продающимся... в книжной лавке императорского Московского университета, состоящей в доме университетской типографии, между Большой Дмитровкой и Петровкой, на валу» вышел в 1815 г. (120 с.). «Реестры» издавались до 1825 г., потом к ним начали издаваться «Прибавления», выходившие до 1833 г.

«Реестры» начинались с «Уведомлений» или «Извещений», в которых Ширяев, привлекая покупателей, писал, что у него в книжной лавке они найдут «более удобства в разборке книг пред другими частными книжными лавками», с иногородних он обещал не брать денег за пересылку. Под «Уведомлением» первоначально не было имени Ширяева. Потом появилась его под-

пись с постепенно увеличивающимся перечнем организаций, чьим комиссионером он являлся, а именно: Московского университета, Медико-хирургической академии, Московского общества сельского хозяйства, Комиссии печатания государственных грамот, Общества поощрения художеств.

В «Реестрах» книги располагались по алфавиту. Из общего списка выделялись наиболее популярные издания: Лафонтена, Эккертсгаузена, появляется все больше с каждым годом тематических разделов: книги по медицине, законодательству, экономике; вводились разделы по издателям: книги, изданные профессором Цветаевым, Университетским благородным пансионом; книги классические, книги на французском, немецком языках. Постоянными были рубрики: театр, драмы, комедии, оперы, трагедии; музыкальные сочинения для фортепьяно, гитары, скрипки, гуслей; карты географические и планы; эстампы, портреты. Четкой систематизации в «Реестрах» не было. «Реестры» имели оглавление, что помогало быстрее найти нужную книгу.

Современники высоко отзывались о книгопродавческой деятельности А. С. Ширяева, отмечали его точность и внимательность при выполнении требований заказчиков. В лавке Ширяева начал знакомство с книжным делом 13-летним мальчиком А. Ф. Смирдин, и в 1817 г. по рекомендации Ширяева он поступил приказчиком к Плавильщикову в Петербурге. Связь Ширяева и Смирдина не прекращалась и в последующие годы. Известный библиограф С. Д. Полторацкий выписывал через Ширяева книги для своей Авчуринской библиотеки и находился с ним в постоянной переписке. Сам же Ширяев собрал уникальную библиотеку редких и старопечатных книг, перешедших потом в библиотеку Российской академии наук. «Реестр» своей библиотеки он издал с помощью Н. А. Полевого, Артемова, Снегирева и других литераторов. В нем описано 256 книг.

Ширяев был и издателем книг, в основном по домоводству, сельскому хозяйству, помогал Перевощикову в издании «Математической энциклопедии». К. Н. Полевой говорил о Ширяеве как о «старинном приятеле» своего брата Н. А. Полевого и вспоминал, что брат писал статьи для сборника, издаваемого Ширяевым³⁶⁵.

Издательская и книгопродавческая деятельность Ширяева находилась в тесном контакте с университетом. Когда университет вознамерился издавать «Ученые записки», Ширяев предложил поставлять бумагу, не брать комиссионных при распространении журнала в Москве и Петербурге. Журнал должен был состоять из нескольких разделов. Ширяев предложил себя в члены комитета по созданию раздела «по экономической части». Он пожертвовал 1 тыс. руб. для выписки журналов в помощь издателям «Ученых записок»³⁶⁶.

Среди изданий Ширяева имеется «Генеральная почтовая карта Европы, сочиненная по лучшим новейшим специальным картам государств...», гравированная А. Фроловым (1814). Карта, раскрашенная на бумаге, стоила 8 руб., паклеенная на холст, в футляре и на палке — 12 руб. Ширяев участвовал также в издании «Словаря достопамятных людей русской земли...» Д. Н. Бантыш-Каменского (1836). Им издана целая серия книг для городских и сельских хозяев. Есть свидетельства, что он издавал книги не только в Москве. В 1840 г. на средства Ширяева в типографии Академии наук в Петербурге напечатана книга «Архитектор XIX столетия, или Магазин для городских и сельских хозяев». Из художественной литературы им изданы «Енисейский альманах» И. Петрова (1828), «Опыты в стихах» И. Бороздина, роман Н. А. Полевого «Судьба Аббадонны».

С введением правил об авторском праве у А. С. Ширяева, как и у многих других издателей, возникали конфликтные ситуации. А. С. Ширяев в 1829 г. напечатал комедию «Неслыханное диво». По его сведениям, эта комедия сочинителя И. В. Нехачина печаталась в 1802 г. в Университетской типографии ее арендатором И. В. Поповым и 25-летний срок, предусмотренный авторским правом для выплаты гонорара наследникам, после смерти сочинителя истек. Но некий поручик Судовщиков заявил в цензурный комитет, что автор пьесы его отец, после смерти которого не прошло еще 25 лет. Ширяев просил цензурный комитет уточнить авторство, и если им окажется Судовщиков, то он был готов отдать сочинение, удержав только за его издание³⁶⁷.

В течение нескольких лет шло разбирательство между московскими книготорговцами Ширяевым, Базуновым, Логиновым и Глазуновыми «о взаимных пре-

тензиях по изданию сочинений Михаила и Константина Меморских»³⁶⁸. Сохранилось также объяснение Ширяева в цензурном комитете по поводу нападок на него полковника Фонвизина за «несообразности» при издании сочинений его дяди, Д. И. Фонвизина. С обвинениями полковника в том, что книга напечатана незаконно, «испорчена», Ширяев не согласился, так как печатал ее согласно цензурному уставу, а все неточности в тексте возникли по вине цензуры и корректорских ошибок³⁶⁹.

В 1840 г. А. С. Ширяев приобрел у студента Медико-хирургической академии Ивана Жучко и начал печатать в Университетской типографии рукопись «Начальные основания формации» в 2 частях. Закончить издание он не успел. Уже после смерти А. С. Ширяева профессор Медико-хирургической академии Ф. М. Забиякин писал в цензурный комитет, что эта книга была составлена из его лекций, а Иван Жучко, продавший рукопись, никогда не числился в академии. В 1842 г. при проверке цензурным комитетом было установлено, что первая часть книги отпечатана, из второй части отпечатано три листа и два набрано. Ширяев оставался должен Университетской типографии, и для покрытия долга «Начальные основания формации» вместе с другими изданиями были оставлены в типографии³⁷⁰.

А. С. Ширяев как книгопродавец, как один из самых заметных и влиятельных издателей Москвы, тесно соприкасавшийся через печатание учебной, научной, общеобразовательной литературы с деятельностью университета, его профессоров, способствовал распространению просвещения.

После смерти А. С. Ширяева (1841) арендаторами университетской книжной лавки стали опекуны его малолетнего сына О. Л. Свешников и *И. В. Базунов*. Последний был сыном московского книготорговца и издателя В. И. Базунова. И. В. Базунов 20 лет служил приказчиком у Ширяева, пока сам смог взять книжную лавку в аренду. Его брат Федор также начинал приказчиком у Смирдина в Петербурге. Их отец оставил им только долги: в Москве разбиралось дело В. И. Базунова как «несостоятельного должника»³⁷¹.

Процветала фирма *Глазуновых*, которая торговала в Петербурге и Москве. И. П. Глазунов заложил начало успеха в деле благодаря покупке в 1808 г. на пуды

Владелец типографии и издатель П. П. Бекетов

изданий Академии наук. После организации широкой рекламы все книги были проданы с большой выгодой. Оборотный капитал Глазуновых в Москве в 1812 г. оценивался в 110 тыс. руб.

Книготорговая деятельность Глазуновых не знала ни широкого размаха, ни опасных срывов. Центром работы был Петербург, но велась торговля в Москве, в Казани, в Харькове.

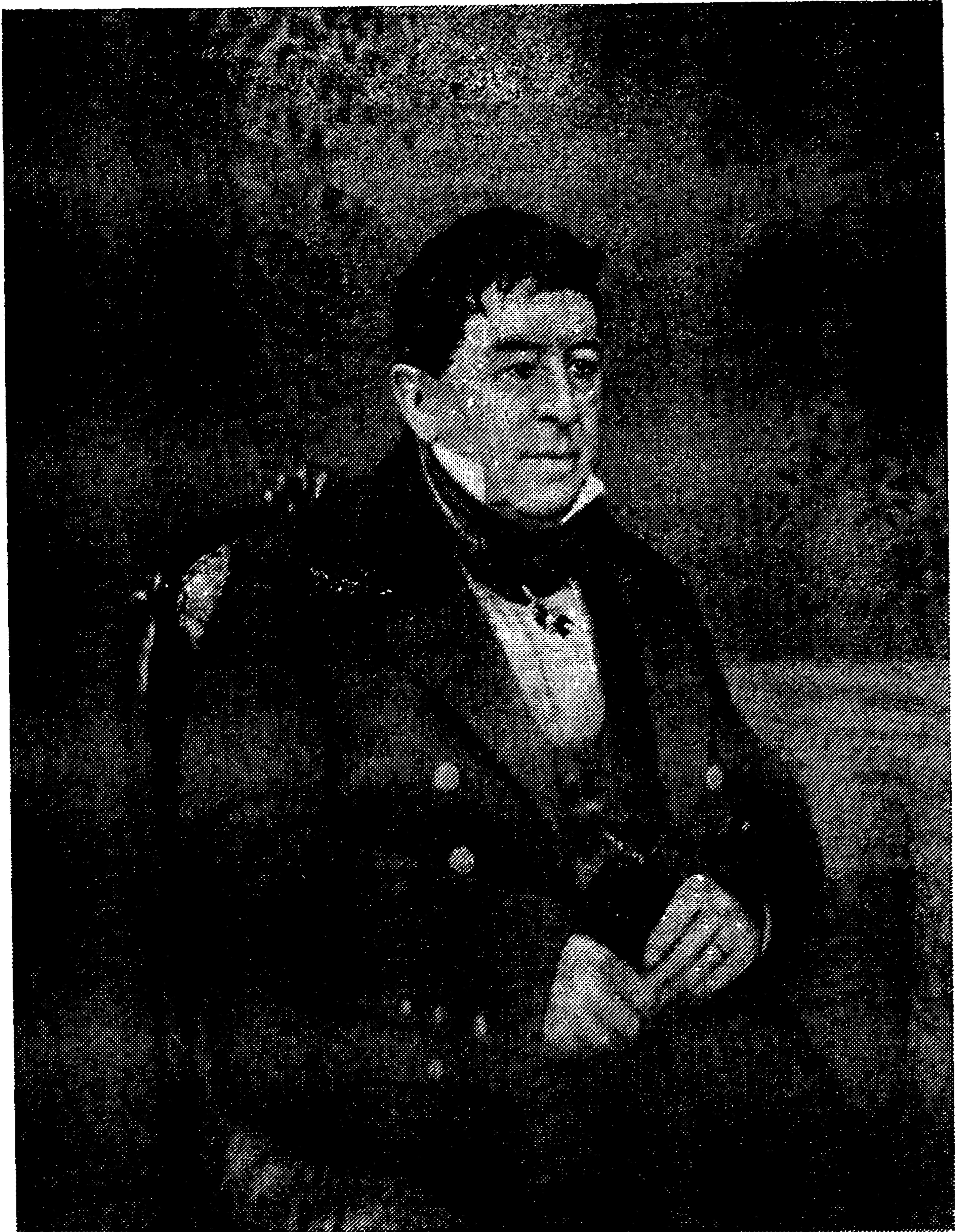
М. И. Глазунов, торговавший в Москве, занимался и издательской деятельностью. В 1823 г. он издал тиражом 1,2 тыс. экз. собранный С. Петровым «Новый и полный Астрономический телескоп, или Астрономический, физический, экономический и политический календарь на 200 лет» (с картами), купленный Глазу-

Владелец типографии и издатель С. А. Селивановский

новым у дочери Петрова за 100 руб. ассигнациями³⁷². Чаще всего М. И. Глазунов издавал романы. В 1836 г. он издал сочинение Софии Ге «Герцогиня Шатору», купленное им у надворного советника Н. А. Атрешкова³⁷³. С 1839 г. он объявил подписку на «Библиотеку романов», для чего у него уже имелось несколько процenzурованных сочинений.

Занимались издательской деятельностью и другие представители фирмы Глазуновых, косвенным свидетельством чего может служить дело А. И. Глазунова, пожаловавшегося в цензурный комитет на А. С. Ширяева и С. И. Селивановского, которые в «Московских ведомостях» (№ 6, 7, 1835) объявили о печатании ими «Лексикона городского и сельского хозяйства, домоводства, экономической промышленности» и при этом заявили, что книга Глазунова, объявленная в «Москов-

Владелец типографии и издатель А. И. Семен

ских ведомостях» (№ 97, 1834) «под великолепным титулом ручных энциклопедий и настольных книг» (точное название: «Ручная экономическая энциклопедия, или Настольная книга для хозяев и хозяек»), «бесполезна». Глазунов считал, что они «через то делают ему подрыв в торговых оборотах его и сверх сего честь его оскорбляют повсеместно». Но цензурный комитет не нашел ничего предосудительного в объявлении Ширяева и Селивановского, разрешенного цензором Снегиревым, кроме незначительной критики пышности заглавий. Глазунов, однако, не успокоился и направил жалобу в Московский магистрат³⁷⁴.

И. П. Глазунов был комиссионером Московского университета в Петербурге с 16 марта 1806 г. по 1824 г.

Он имел на своей книжной лавке герб Московского университета. По заключенному договору университет уже не мог отпускать свои книги в комиссию никому в Петербурге, кроме Глазунова. Для книгопродавцев важно было иметь на книжной лавке государственный герб, который давал университет своим комиссионерам. А. С. Ширяев, предполагая завести торговлю в провинции, обратился с просьбой выделять ему для продажи университетские издания и при этом ходатайствовал и о гербе.

В первой половине XIX в. был повышенный интерес к редким книгам, поэтому книгопродавцы охотно брались за *торговлю древними изданиями*. Исследователи отмечают низкий культурный уровень книгопродавцев: «Не мудрая была наука у нас на Руси торговать книгами, и ленивый только не брался за это дело, не требовавшее никакой подготовки, никаких особенных знаний. Даже, наоборот, чем темнее, малограмотнее был продавец, тем милее был он сердцу собирателя книг, знающего продавца покупатель недолюбливал... Нужны были только некоторая подвижность, веселый нрав... и немного мюнхгаузенства, и успех был обеспечен»³⁷⁵. Правда, успех был только при небольшом книготорговом обороте, так как спрос на книги оставался низким. При своей малограмотности букинисты тем не менее «книгу знали каким-то особым чутьем, умели выгодно купить и продать... были часто недобросовестны, подделывали книги (в ценную книгу вставляли макулатурные листы, чтобы выглядела цельной), брали краденое и т. д.»³⁷⁶.

Западный антикварий выгодно отличался тем, что с помощью ученых писал целый научный трактат об издании или рукописи, который помещал в своем каталоге, распространяемом по всему свету, и книга имела успех. Редкие русские книгопродавцы стремились присмотреться к покупателю, распознать его вкусы, взгляды, заинтересовать его не только той одной книгой, которая ему требовалась, но и многими другими. Покупатели были разными. Одному нужно определенное сочинение или даже определенное издание; другому ровно ничего не нужно и в то же время нужно все, что есть в интересующей области. Успех антикварной торговли зависел от покупателя, которому, собственно, ничего не нужно, который был даже доволен, уйдя из магазина и ничего не купив. Чтобы за-

интересовать покупателя, нужны были знания и эрудиция. Обычно страсть собирательства зарождается не в стенах магазина, она есть результат влияния той среды, с которой соприкасается будущий коллекционер. Но разжечь искру, довести до пламени и поддерживать это пламя есть уже прямое дело сведущего продавца. И такие книгопродавцы встречались. В Москве было около 50 книгопродавцев, в чьих книготорговых каталогах значились и антикварные книги³⁷⁷.

Многие антиквары пренебрегали книгами гражданской печати, как не заслуживающими внимания, «органически не переносили их», что могло объясняться тем, что они были старообрядцами, воспитанными в аскетических условиях старой веры, да к тому же любителями старины, и новое лишь мешало их мирозерцанию. Многие из них имели целые залежи русских книг.

Старые книги можно было приобрести помимо книжных лавок на Сухаревке и вербных базарах: «Любители ждали с нетерпением каждого воскресенья, чтобы не опоздать и попасть первыми на Сухаревку или на вербный рынок, где их ожидали всякие чаяния и где действительно они находили то, что превосходило самые смелые их ожидания. Достаточно сказать, что Н. В. Губерти, описавший в известном своем труде 600 перворазрядных редкостей XVIII столетия, собрал их почти все на Сухаревке, правда, после упорных и долголетних ее посещений»³⁷⁸.

Из книгопродавцев-антиквариюв примечательнейшей личностью был *И. Ф. Ферапонтов*, который торговал с конца XVIII в. старинными русскими книгами, рукописными и печатными. Лавка его находилась у Спасских ворот.

Известные собиратели русских древностей обязаны Ферапонтову необыкновенными приобретениями. Известный знаток древностей К. Ф. Калайдович видел в Ферапонтове любителя и знатока, к голосу которого надо прислушаться, который, «собирая древности с невероятною ревностью, нередко сам покупал дорогою ценою», и «не было такой печатной книги до времен Петра, которой бы Ферапонтов не имел в своих руках». Он сберег многие сотни книг. Калайдович предлагал государственным хранилищам обратить внимание на собрание Ферапонтова, «которым они могли бы обогатиться»³⁷⁹.

Профессора Московского университета Барсов, Синьковский, Баузе пользовались собранными Ферапонтовым древностями для своих научных исследований. Коллекционеры А. И. Мусин-Пушкин, Ф. А. Толстой, П. П. Бекетов с его помощью обогащали свои собрания. Профессор Баузе, крупнейший из собирателей того времени, обязан Ферапонтову многими драгоценными приобретениями, и среди них знаменитым «Прологом, писанным уставным письмом на пергаменте в Великом Новгороде в 1229 году», «Библией» Ф. Скорины и многими другими.

При Новикове начинал торговать вразнос книгами и иконами *Н. Н. Кольчугин*, выходец из крестьянской старообрядческой семьи. Он стал приказчиком и комиссионером Н. И. Новикова, впоследствии — владельцем трех книжных лавок. В 1827 г. Н. Н. Кольчугина сменил его сын Г. Н. Кольчугин, воспитывавшийся с детьми сенатора Обрезкова, получивший хорошее по своему времени образование, знавший несколько языков и переведший несколько книг мистического содержания. В архиве нам попало свидетельство о том, что он издал в 1828 г. гравированный портрет турецкого султана Махмута IV.

Фирма Кольчугиных достигла наивысшего расцвета при И. Г. Кольчугине — внуке Н. Н. Кольчугина, прошедшем школу книжного дела у Н. И. Глазунова и начавшем самостоятельную торговлю в 1835 г. Память у Кольчугина была изумительная. Несмотря на господствовавший в лавке кажущийся для постороннего глаза беспорядок, на отсутствие даже намека на какую-либо систему при обилии всевозможных книг, он знал их все наизусть и при требовании какой-либо книги мог сразу же найти ее³⁸⁰.

Среди его постоянных покупателей были С. Т. Аксаков, В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, все тогдашние московские коллекционеры. Наряду с последними новинками доверенные покупатели могли здесь купить «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, сатирические журналы Н. И. Новикова, запретные «Думы» К. Ф. Рыльева.

У Кольчугина на жалованье состояли «стрелки» — перекупщики книг, которые днем ходили по домам и базарам, скупая книги, а вечером приносили их хозяину. За бесценок он приобретал редкие издания и с выгодой перепродавал богатым библиофилам.

Особенную известность получил Кольчугин, торгуя подержанными учебниками. Учащиеся приносили использованные учебники и выменивали их на другие с приплатой 1—2 копейки за экземпляр. «На кольчугинских книжках вся бедная Москва выучилась!» — с благодарностью говорили в те времена³⁸¹. И. Г. Кольчугин занимался и издательской деятельностью. В 1846 г. он выпустил памфлет на московские власти «Турусы на колесах», который был уничтожен цензурой.

Известным книгопродавцем старой книги был *Т. Ф. Большаков*. Начиная он в Зарядье в юхонтовом ряду, среди торговцев кожевенным товаром в кожевенной лавке, где отвел место для хранения и продажи древних рукописей, старопечатных книг.

Калайдович, Ундольский, Снегирев, Срезневский, Строев, Уваров и многие другие были его постоянными посетителями. Погодин с ним советовался по спорным вопросам в древней письменности; университет наградил его званием корреспондента, а Румянцевский музей сделал своим комиссионером; ученые общества избирали его своим членом. Его трудами составлялись многие библиотеки, как общественные, так и частные. Церковнославянскую старопечатную книгу знал он «по годам, по месяцам, по числам, по шрифту, очертаниям букв, заставицам, по именам творцов и издателей, по изысканиям ученых». Помогая другим собирать древности, он скопил и собственное собрание древних рукописей числом 435, поступившее после его смерти (1863) в Румянцевский музей. Впоследствии оно было описано Г. П. Георгиевым и издано в 1915 г. Академией наук.

Среди книгопродавцев второй четверти XIX в. выделялся *В. В. Логинов*, известный как крупнейший продавец лубочной литературы: его обслуживало до 500 офеней. С 1844 г. он стал комиссионером Московского университета по продаже его изданий. Он имел книжные магазины и библиотеки для чтения на Тверской в собственном доме и на Никольской улице во флигеле Заиконоспасского монастыря, а также книжные лавки в Харькове, на Вологодской, Крещенской, Ростовской, Ирбитской и Нижегородской ярмарках³⁸².

Деятельность В. В. Логинова носила крупномасштабный характер. Он активно занимался издательской деятельностью. Выше о нем уже говорилось как о владельце литографии, издатель картинки и нот.

Приобретал он права и на издание книг. У чиновника А. Н. Пеше он приобрел за 1 тыс. руб. семь рукописей, уже одобренных цензурным комитетом, среди которых были романы, повести, «описание монастырей», азбуки французские и немецкие³⁸³. В 1844 г. он получил с публичных торгов в полную собственность все книги Ширяева с правом переиздания, в том числе незаконченное издание книги Ф. М. Забиякина «Начальные основания формации». Логинов попросил цензурный комитет разрешить ему допечатать вторую часть ее³⁸⁴. Не избежал и он столкновений с цензурным комитетом. В 1833 г. ему был дан выговор за то, что он напечатал календарь, хотя право на их издание по-прежнему оставалось за Академией наук. В 1839 г. Логинов купил и издал рукопись «Ротмистр Черноокнижник, или Москва в 1812 г. Роман из писем артиллерийского полковника, собранных Н. Вельтманом». На титульном листе Логинов указал еще и имя «сочинителя г-на Чуровского». Выяснить настоящее имя автора цензурный комитет не смог и обязал Логинова «перепечатать заглавный лист... с опущением имени автора»³⁸⁵.

Книжная лавка братьев *Салаевых* — Ивана и Афанасия, основавших книгоиздательскую и книготорговую фирму в 1828 г., находилась на Никольской улице в доме Кусовниковой. Одной из первых книг, выпущенных ими, было Собрание сочинений Д. И. Фонвизина (1830) в двух томах. Салаевы покупали или принимали на комиссию целые тиражи напечатанных книг. У них установились со многими писателями не только деловые, но и личные отношения. В числе добрых знакомых были Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, Е. А. Баратынский. Братья Салаевы охотно выполняли заказы провинциальных покупателей.

В 1840-е годы с широким размахом вел книготорговое и книгоиздательское дело *Н. Н. Улитин*. Он имел книжную лавку, библиотеку для чтения, начал издавать «Библиографические известия» о вновь вышедших книгах в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Среди его изданий были в основном такие, которые пользовались постоянным спросом: «Российская азбука», «Словарь домоводства и домашней медицины», «Библиотека романов».

Широкому размаху дел часто сопутствовал риск. К. А. Полевой вспоминал, что его брат, напечатав несколько томов переведенного им «Путешествия» Дюмона-Дюрвиля, с большой уступкой продал их книгопродавцу Улитину в рассрочку. Улитин обанкротился и прекратил платежи, что принесло Н. А. Полевому большой убыток³⁸⁶.

Книгопродавцы в своей издательской деятельности сотрудничали с типографщиками. Так, с А. Г. Решетниковым сотрудничали книгопродавцы-книгоиздатели С. Н. Никифоров, Глазуновы, И. Д. Водопьянов, Т. А. Полежаев, Ф. Куртенер, М. К. Овчинников, С. П. Комисаров, Т. Пономарев, И. Готье, И. В. Попов.

К числу книгопродавцев можно отнести и владельцев типографий, которые имели книжные лавки или продавали изданные ими книги в своих конторах. В университете подписку на «Московские ведомости» и журналы принимала контора типографии, она же и распространяла их среди подписчиков в специальной газетной лавке. Подписаться на книги и газеты можно было и через почтамты: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский. Некоторые учебные пособия Правление университета распространяло среди студентов в обязательном порядке. Так, в 1817 г. у казенных студентов из «жалованья» было вычтено по 3 руб. за розданные им 30 экз. «Истории» Шрекка³⁸⁷.

Книги могли принести на дом офени, ходябщики, их можно было купить на рыночных развалах, в книжных лавках, из «шкапчиков» у бакалейщиков. Совершенствовалась и реклама книг: она давалась в прикнижных списках, объявлениях в газетах, издавались книготорговые каталоги.

Библиотеки

В первой половине XIX в. расширилась сеть библиотек при учебных заведениях, архивах, обществах. Частными лицами устраивались читальные залы, многие из них были при книжных лавках часто платными. Число личных библиотек также росло. Это были и прекрасно подобранные библиотеки профессоров университета, и родовые библиотеки знати, и библиотеки коллекционеров древностей, и случайно подобранные

дворянские библиотеки, и начавшие составляться библиотеки студентов.

Крупнейшей библиотекой Москвы в первой половине XIX в. была библиотека *Московского университета*³⁸⁸. Перед приходом французов в Москву в ней насчитывалось около 20,5 тыс. книг, после пожара 1812 г. сохранилось всего 51 сочинение и 12 рукописей. Восстанавливать фонд библиотеки университету помогали многие, и уже в 1815 г. в ней было около 7,3 тыс. книг, а в 1849 г. — 54,7 тыс. сочинений в 80,4 тыс. томах, 927 названий периодических изданий, 75 рукописей.

Библиотекари университетской библиотеки избирались из профессоров, их помощники — из адъюнктов или магистров, писцы — из воспитанников. Библиотекарями были профессора А. Х. Чеботарев, И. А. Гейм, Ф. Ф. Рейсс, С. М. Ивашковский, Е. Ф. Корш, А. В. Рихтер.

Для библиотеки в первую очередь надо было решить вопросы организации хранения фонда и составления каталогов. В начале века по просьбе попечителя университета М. Н. Муравьева профессора И. Ф. Буле и Ф. Ф. Рейсс, знакомые с работой библиотеки Геттингенского университета, дали свои предложения по организации университетской библиотеки. Буле подготовил «Скромные предложения к инструкции для будущей организации и управления университетской библиотекой в Москве», в которых предлагал создать каталоги алфавитный и «реальный» (систематический), штемпелевать книги, принадлежащие библиотеке, тщательно вести реестры выдачи и возврата книг, создать фонд справочной литературы без права выдачи на дом. Предложения Буле послужили основой для разработки в 1806 г. правил под названием «Учреждение библиотеки Московского университета». Весь фонд был разделен на четыре отдела: нравственно-политический, физико-математический, врачебный и словесный — и был составлен алфавитный каталог. Систематический каталог появился позднее. Ф. Ф. Рейсс начинал создавать его еще в 1804 г., но лишь в 1822 г., став библиотекарем, он продолжил эту работу. Карточки для библиотеки печатались в типографии отцом и сыном Ивановом и Николаем Штейнбергами, приписанными к типографии, т. е. крепостными. Н. Штейнберг был зачислен писцом в библиотеку, ему было разрешено слушать

лекции в университете. В 1827 г. он с группой студентов был арестован и умер в тюрьме.

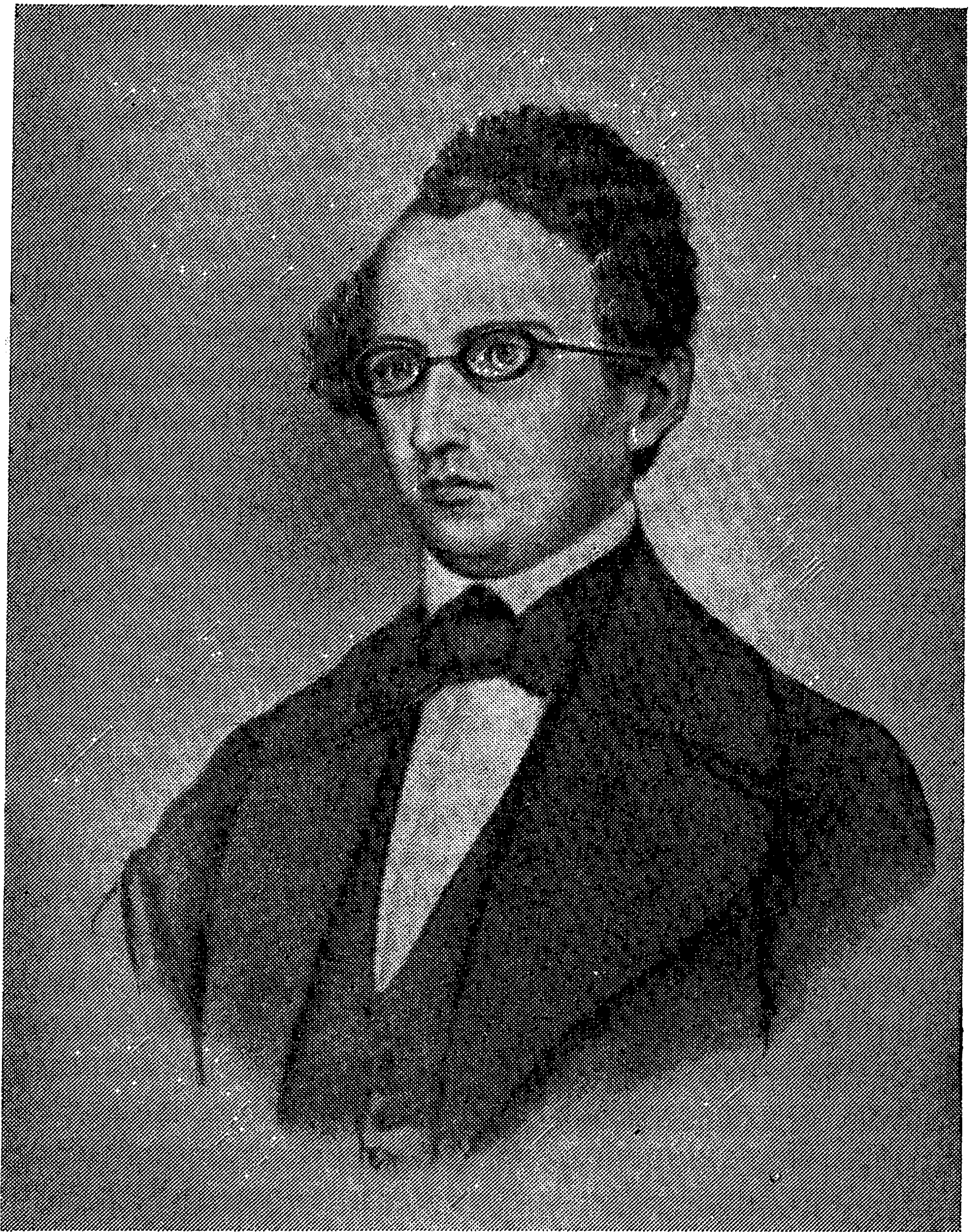
В дальнейшем И. Д. Петрозилиус, бывший воспитатель А. С. Грибоедова, зачисленный в штат библиотеки в 1829 г., составил и напечатал шесть выпусков «Каталога книг университетской библиотеки». При библиотекаре Е. Ф. Корше в 1836 г. продолжал составляться систематический каталог на карточках, разрабатывалась система расстановки и каталогизации книжного фонда, его инвентаризации. Положил начало систематической книжной инвентаризации А. В. Рихтер, заведя с января 1842 г. инвентарную книгу.

Комплектовалась библиотека как публичная. Права на обязательный экземпляр она не имела, лишь из Университетской типографии поступал в нее один экземпляр всех издававшихся сочинений. Совет университета на небольшую сумму, имевшуюся в бюджете, закупал литературу по спискам, подготовленным факультетами. Книги приобретались также на доходы, полученные от типографии. Попечители университета время от времени добивались выделения для библиотеки дополнительных субсидий. Много книг дарилось.

На субсидию в 8 тыс. руб. М. Н. Муравьеву удалось купить целый ряд прекрасных изданий, среди которых «Ученые записки Парижской академии наук и Академии литературы» (205 т.), «Методическая энциклопедия», большое количество сочинений по естествознанию, зоологии, ботанике, о путешествиях, в том числе «Путешествия Кука» на английском языке с гравюрами, «Путешествия Лаперуза» с атласом.

Библиотека располагала сочинениями латинских и греческих классиков, немецких, французских, итальянских и английских авторов. В 1804 г. был установлен обмен изданиями с Геттингенским университетом. С 1814 г. начали регулярно выписываться русские и зарубежные периодические издания. Зарубежными периодическими изданиями библиотеку снабжал рижский книгопродавец Гартман. Велась постоянная работа по выявлению недостающих изданий и их покупке.

Библиотекарь Е. Ф. Корш (1836—1841) видел свою задачу в том, чтобы сделать университетскую библиотеку повседневной помощницей преподавателей при чтении курсов и создать хорошую книжную базу для студентов, причем в библиотеке должны были быть также книги, рекомендованные студентам сверх программы.

Библиотекарь университетской библиотеки Е. Ф. Корш

Особое внимание Корш обратил на приобретение недостающих изданий. В 1836 г. из-за границы было выписано 1762 сочинения в 3933 томах и 624 тетрадях и 106 периодических изданий в 402 переплетах и 2865 выпусках. Несколько меньше по количеству названий было приобретено в следующем, 1837 г. Корш старался отыскать такие книгопродавческие фирмы, которые доставляли бы нужную литературу быстрее и дешевле. В 1841 г. Е. Ф. Корш стал редактором «Московских ведомостей».

Библиотека получала или приобретала в свой фонд частные собрания. Княгиня Е. Р. Дашкова, президент Российской академии наук, подарила часть своей биб-

лиотеки; братья Зосимы — около 50 греческих книг; приобретены были библиотеки профессора И. Шадена, доктора Гуна.

Библиотека, подаренная университету П. Г. Демидовым в 1803 г., существовала самостоятельно при Музее естественной истории. Ею заведовал П. М. Дружинин. В 1806 г. вышел в свет каталог, составленный П. Г. Демидовым по собственной системе. Он содержал более 3 тыс. названий. Здесь находились редчайшие рукописи на всех языках, в том числе арабские и китайские VIII, IX, XII вв. и более поздние, рукописи современных авторов, в том числе и неизданные. В настоящее время в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ сохранилась после пожара 1812 г. одна из ценнейших рукописей Демидова — «Латинская библия XIII века», с красочными заставками, богато украшенная писцом. На вкладном листе этой книги вверху стоит инвентарный номер с буквой «Д». После войны 1812 г. спасенная часть библиотеки поступила на хранение к директору Музея естественной истории Г. И. Фишеру фон Вальдгейму.

После 1812 г. книги дарили Академия наук, университеты и многие другие учебные заведения, частные лица, среди которых было много профессоров университета, ученых, не только русских, но и иностранных. Среди наиболее ценных приобретений — коллекция манускриптов члена Российской академии И. И. Леванды, библиотеки профессоров Х. И. Лодера, И. А. Гейма, коллекция старых книг из библиотеки А. К. Разумовского, ботаническая библиотека профессора Г. Гофмана, около 10 тыс. томов библиотеки А. И. Тургенева, более 2 тыс. томов библиотеки по филологии профессора Дерптского университета Франка. Попечитель университета Строганов приобрел для библиотеки четыре русские рукописи, шесть старопечатных русских книг, три инкунабулы, коллекцию О. М. Бодянского по истории и литературе славянских народов, около 4 тыс. томов семейной библиотеки Муравьевых.

Книги в университетской библиотеке переплетались, на корешки наклеивались бумажные ярлычки с указанием места их хранения.

Университетская библиотека была публичной, ею могли пользоваться все желающие. В определенные дни и часы она была открыта для посетителей. В 1824 г. были составлены «Правила о чтении книг в

библиотеке университета», напечатанные на двух больших листах на русском и латинском языках и вывешенные в библиотеке. Обслуживали читателей помощник библиотекаря и писец, которые во время работы должны были неотлучно находиться в библиотеке. Книги на дом первоначально могли брать только профессора и адъюнкты университета. Но бывали и исключения. Книги на дом выдавались Н. М. Карамзину, о чем свидетельствует надпись карандашом, сделанная на обратной стороне переплета сохранившейся в библиотеке единственной книги 1755 г. по истории Германии: «Книга была в долговременном употреблении у Н. М. Карамзина и возвращена в библиотеку его наследниками в 1867 году». Впоследствии книги могли брать домой и студенты. В 1848 г. была выявлена задолженность студентов в количестве более 10 тыс. книг, после чего выдача книг студентам на дом была запрещена. Преподавателям выдача книг на дом также снизилась.

Библиотека работала в свободное от лекций время. Преподаватели выписывали на занятия необходимое количество учебников. В выборе чтения студентам помогали библиографические обзоры, публиковавшиеся на страницах «Ученых записок» (1833—1835). Книги, которые цензура считала «соблазнительными и вредными», имели соответствующую пометку. Ими могли пользоваться только профессора и преподаватели университета. Инструкция Министерства народного просвещения предлагала внимательно следить за тем, чтобы «в книгохранилищах, назначенных для употребления учеников, не было книг, противных вере, правительству и нравственности, и чтобы отнюдь подобные сочинения не обращались в руках их»³⁸⁹.

Для студентов создавались *учебные библиотеки*. До 1812 г. в университете существовала студенческая библиотека, но она погибла. Новая была организована профессором Н. Н. Сандуновым в 1813 г. по составленному им списку книг из 40 названий и 450 томов. Библиотека росла, и «Список книг библиотеки казенных студентов» (1849), составленный С. Клименковым, насчитывал 310 страниц.

Е. О. Мухин организовал для студентов медицинскую библиотеку. Грек З. П. Зосима подарил в эту библиотеку учебные пособия и передал Мухину 210 руб. на ее организацию. Мухин добавил своих 55 руб. и по-

жертвовал 500 экз. изданной им «Анатомии». Профессор Н. Г. Щеголев подарил около 50 томов своих сочинений. Библиотека была открыта в 1816 г., обслуживали ее студенты. Составленный в 1822 г. каталог содержал 298 названий книг. В 1827 г. она была присоединена к общей студенческой библиотеке.

Для библиотеки Университетского благородного пансиона только в 1823 г. было куплено 3,4 тыс. иностранных книг. Библиотекарем ее был кандидат А. Леопольдов, который был предан суду за распространение запрещенных стихов А. С. Пушкина. О составе библиотеки можно судить по ее каталогу, изданному в 1828 г.

В 1834/35 учебном году была организована небольшая библиотека по российскому законодательству для практических студенческих занятий. В том же учебном году С. П. Шевырев организовал библиотеку «для упражнений в русском слоге». Комплектовались они на средства студентов и их родителей. В 1842 г. Д. М. Перевощиков основал библиотеку при классе астрономии, Р. Г. Гейман — в кабинете химической лаборатории.

Студенческие библиотеки пополнялись из дублетного фонда университетской библиотеки.

Большие библиотеки имели гимназии, институты. Библиотека Повивального института в 1822 г. издала свой каталог. Организовывались библиотеки и при школах. И. А. Гейм часть своей библиотеки завещал школе при Старой лютеранской церкви.

Быстро росла библиотека Лазаревского института восточных языков. Она была укомплектована сочинениями на русском, немецком, французском и других европейских и восточных языках, имела древние редкие рукописи на разных языках, в том числе и на армянском. Помимо основного фонда она располагала «подвижной библиотекой» учебных книг, изданных институтом и «доставляемых безвозмездно в разные учебные заведения». Имелись библиотеки и при других учебных заведениях.

Создавались библиотеки и при типографиях. Типография Московского университета один экземпляр своих изданий выделяла в свою типографскую библиотеку. Этот экземпляр должен был быть заштемпелеван и иметь припечатанный цензурный билет на выпуск³⁹⁰. Здесь же оставались газеты, журналы, книги, выпи-

сываемые для издания «Московских ведомостей», журналов.

Наиболее известна *типографская библиотека Московского печатного двора*, в дальнейшем Синодальной типографии. На протяжении веков типография снабжалась всеми необходимыми материалами и пособиями для издания книг. После каждого издания правленные экземпляры, служившие оригиналом для наборщиков, поступали в книгохранилище.

Со второй половины XVII в. библиотека начала заполняться греческими рукописями и другими изданиями. В 1679 г. архимандрит Дионисий Грек при отъезде из Москвы на родину завещал принадлежащие ему книги и рукописи библиотеке Печатного двора. Сюда же в 1692 г. поступили книги Сильвестра Медведева. Из Пскова было получено 112 пергаментных рукописей, из Новгорода — 44.

В XVIII в. библиотекой пользовались не только справщики, но и учителя Славяно-греко-латинской академии. Книжные сокровища ценились высоко. Библиотекой пользовался историк князь М. М. Щербатов. Книги запрашивались из Синода для справок. В том же XVIII в. библиотека была расширена, выделены были залы, «дабы академические учителя и прочие, кто возжелает, удобно могли заниматься чтением библиотечных книг». Эту библиотеку можно считать первой публичной библиотекой Москвы.

Фонд делился на три группы: рукописи, печатные книги и архив типографии. В XVIII в. значительная часть рукописей была передана в Патриаршую библиотеку. В типографской библиотеке были оставлены почти исключительно рукописи богослужебные.

В первой половине XIX в. библиотека была не устроена, фонд не разобран, пользоваться ею было трудно. В это время из библиотеки передаются книги и рукописи в Московскую и Петербургскую духовные академии, семинарии, в Российское библейское общество, Святому синоду. В 1836 г. в Петербург были переданы петровские издания гражданской печати (реляции, журналы, «Книга Марсова» с подписью Петра I), карты, планы. Оставшиеся сокровища библиотеки не имели применения в деятельности Синодальной типографии и было предложено раздать их по другим книгохранилищам. Но ученые в 1860-х годах воспротивились этому. Во второй половине XIX в. библиотека

стала активно изучаться, описываться. К ней был присоединен небольшой типографский музей с уцелевшим оборудованием древнерусского книгопечатания: образцовым первопечатным станком, пунсонами и матрицами XVII в., словолитной формой древней конструкции, походным книгопечатным станом Петра I и др.³⁹¹

Одним из условий успешной работы была организация библиотек при научных обществах. Книги в данном случае редко покупались, они в основном дарились. В библиотеку Общества истории и древностей российских подарили свои библиотеки И. Ф. Ферапонтов, П. П. Бекетов, Н. И. Матрунин, К. Ф. Калайдович, А. П. Курбатов, И. С. Орлай, епископ калужский Евгений, П. И. Голенищев-Кутузов, П. Ф. Горенкин, Н. П. Брусилов, М. Н. Мясников и многие другие. Общество с 1811 г. публиковало росписи подаренных книг, например «Роспись книгам и монетам, принесенным в дар Обществу истории и древностей российских купцом... Козмою Ивановичем Аверинным» (1827, 19 стр.). Роспись библиотеки общества была составлена П. М. Строевым в 1845 г.

Библиотекарь Общества любителей российской словесности И. М. Снегирев составил опись библиотеки и привел ее в порядок. В своем дневнике за 29 декабря 1823 г. он записал, что из библиотеки общества «выкрадено три полки русских книг». Эта кража побудила Снегирева обратиться через некоего Вагнера к гадалке. «Вагнер,— писал он от 4 февраля 1824 г.,— сказывал мне, что гадал у ворожеи о пропавших книгах О. Л. Р. С. и что ворожея ему сказала, что похитил их белокурый мужчина низкого росту (он думает на г. Васильева) и что как скоро узнает об этом, то бы скорее брать меры: иначе увезут в деревню». Похищенное так и не нашлось³⁹².

Моду открывать библиотеки при книжных лавках завел еще Н. И. Новиков. В 1780 г. он открыл первую в Москве библиотеку для чтения при своей книжной лавке. Точного перечня, кто из типографщиков и книгопродавцев имел библиотеки для чтения, нет. Но можно предположить, что в том или ином виде они имелись у большинства. В основном известны те библиотеки, чьи каталоги опубликованы. Например, Селивановский в 1807 г. организовал платную библиотеку для выдачи книг на дом «на Ильинке, против

нового Гостиного двора». Сохранился ее каталог 1809 г. Библиотека Глазуновых на Никольской улице существовала на общих коммерческих основаниях. П. И. Глазунов, в доме которого находилась библиотека, приравнивал «чтение к торговле».

По сведениям 1843 г., на Кузнецком мосту работала библиотека купца А. Монигетти и купчихи М. И. Готье Дюфае, доставшаяся им от А. И. Семена, которому она была передана в 1827 г. купцом И. Буве, дедом его детей³⁹³. На Кузнецком мосту в 1843 г. имелись библиотеки купца Ф. Северина (открыта в 1838 г.), Е. А. Наливкиной (открыта в 1835 г.), купцов К. Урбена и Д. Рено (открыта одновременно с началом книжной торговли в 1820 г.). В Тверской части Москвы в то же время имелась французская библиотека Ф. А. Дюкло (открыта в 1826 г.), библиотека Н. Н. Улитина (открыта в 1832 г.), В. В. Логинова (открыта в 1836 г.).

С 1844 г. было разрешено открыть французскую библиотеку мещанке Христине Лавиаль³⁹⁴.

Библиотеки выпускали правила, каталоги. Через цензуру в 1841 г. проходили «Правила, по которым отпускаются на дома для прочтения книги и периодические издания, русские и иностранные, из библиотеки Елены Александровны Наливкиной»³⁹⁵. Купец Дюкло в 1827 г. издал на французском языке каталог книг кабинета для чтения³⁹⁶.

Из *личных библиотек* наиболее известны были библиотеки профессоров Московского университета. Например, *Е. О. Мухин*, чтобы не отстать от быстро развивавшейся науки, постоянно умножал свою библиотеку старыми и новыми сочинениями, выписывал зарубежные периодические издания, немногочисленные пока русские журналы, посвященные врачебным и естественным наукам. Мухин был практик, «мало цены имело для него то отвлеченное знание, которое навсегда остается одним только знанием, одною вывескою кабинетной учености; по его убеждению, всякое истинное знание должно было вести к полезному умению, увеличивать сумму наших практических способностей, а практическая способность никогда и нигде не должна была оставаться праздною»³⁹⁷. И библиотека его не была собранием отвлеченных знаний. Он сделал ее доступной для студентов, знакомил своих учеников как с приобретенными им библиографическими редкостями,

так и с последними новинками, выписанными по каталогам.

Обширная библиотека доктора медицины *М. Я. Мудрова* также была открыта для всех желающих. Он принимал на себя хлопоты выписывать студентам книги из чужих краев: каждый вписывал в тетрадку свое имя и титул нужной ему книги; по этой тетрадке Мудров через московскую книжную лавку Готье выписывал их на себя на собственные деньги с платою комиссионных по 5% с рубля, получив книги, раздавал студентам, которые когда платили, а когда так и оставались его должниками.

Насколько была велика любовь к символическим картинкам в то время, свидетельствует описанная биографом Мудрова эмблема, придуманная им для собственного сочинения, которое хранилось в его библиотеке. На переплете книги «Слово о благочестии и нравственных качествах Гиппократова врача» (1814) гравер по просьбе Мудрова изобразил старую чайную чашку в память об отце, подарившем ему ее. Под чашкой был изображен красивый четырехножник, сама чашка была накрыта бронзовой крышкой. На нижней доске переплета был изображен камень как эмблема земли, на нем горящая лампада, символизовавшая огонь, на лампаде пиявица и бабочка, символизовавшие воду и воздух. Мысль такой эмблемы принадлежала отцу Мудрова, сын же попытался воплотить ее в рисунок, но, «к сожалению, резчик слишком пересолил свою стряпню, приделав пиявице усики и какую-то щетину на спине»³⁹⁸.

Владельцы библиотек, переплетая книги, могли украсить их своими гербами, экслибрисами или так, как сделал это Мудров, эмблемой.

М. П. Погодин составлял свое «Древлехранилище» в течение 25 лет. В 1839 г. у него появилась возможность приобретать целые библиотеки и собрания древностей на полную Демидовскую премию, полученную им за исследование о Несторе. Он купил исторические рукописи Лаптева, продававшиеся на аукционе, и вместе с ними множество других книг. Он покупал древности у Строева, Филатова, Калайдовича, Большакова, Сандунова и др. Удачны были его поездки по городам, монастырям, селам, ярмаркам и захолустьям. Погодин покупал не на выбор, а, как говорят, на выгреб, все без исключения, чем особенно привлекал к себе продавцов редкостей. Помогали ему и друзья.

Сам Погодин говорил, что успеху его в собирании во многом способствовала окружающая обстановка. Н. П. Румянцев и Ф. А. Толстой возбудили у книгопродавцев своими щедрыми покупками охоту к отысканию древностей, но первый вскоре скончался, а другой прекратил собирание, и торговцы все свое внимание обратили на Погодина. Помогало ему и то, что он находил общий язык со старообрядцами.

В 1851 г. «Древлехранилище» Погодина было куплено правительством. Рукописи, печатные книги, гравюры и лубочные издания попали в Публичную библиотеку, остальные предметы: иконопись, кресты, оружие и др. — распределены между Эрмитажем, Патриаршей ризницей, арсеналами и Оружейной палатой. Каталог «Древлехранилища» был напечатан в «Москвитянин» в 1844—1852 гг.

Многие воспитанники университета становились постоянными собирателями книг. Студент Н. Н. Мурзакевич писал: «Бедный деньгами, я, однако, был богат книгами... У меня были: Монтескьё, Беккария, Юсти, Фейербах, Вейс, аббат Миллот, Уложение, Наказ, Учреждение о губерниях, даже памятники законов Максимовича»³⁹⁹.

Библиотека студента *П. Я. Чаадаева* не была обычной библиотекой, она была уже известна букинистам. На нее в 1813 г. указывал В. С. Сопиков. Склонность Чаадаева к изучению религии отразилась и на составе его библиотеки.

В одном из своих посланий к Чаадаеву Пушкин писал: «Увижу кабинет, / Где ты всегда — мудрец, а иногда мечтатель, / И ветреной толпы бесстрашный наблюдатель...»; «Поспорим, перечтем, посудим, побраним, / Вольнолюбивые надежды оживим...». Мыслитель, философ — таким был Чаадаев для современников. К нему прислушивались, во многом не соглашались, спорили, но и гордились тем, что он жил в Москве. Он был вместе со своей библиотекой своего рода достопримечательностью Москвы.

В библиотеке *Дмитриевых*, хранящейся в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ, около 5 тыс. томов. Ее начал собирать поэт И. И. Дмитриев, продолжал его племянник М. А. Дмитриев, воспитанник Университетского благородного пансиона и университета.

Известны были библиотеки библиофилов С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого, А. К. Разумовского, А. Д. Черткова, М. Н. Лонгинова, Г. Н. Геннади.

Рядом с хорошо подобранными библиотеками была масса самых обычных, средних библиотек. А. Е. Измайлов, подшучивая над низким вкусом некоего помещика Невежина, перечислил книги, хранившиеся в его библиотеке. Этот каталог, являвший собой перечень как бы наиболее популярных книг первой половины XIX в., содержал книги на все случаи жизни: справочные книги по ведению хозяйства, по различным наукам, лечебники, книги для воспитания детей, книги для развлечения в долгие зимние вечера⁴⁰⁰.

В Москве была целая сеть библиотек — публичных, учебных, частных платных, домашних. В кофейнях, чайных можно было почитать «Московские ведомости», журналы. Библиотеки комплектовались отечественными и зарубежными изданиями с помощью книгопродавцев, по обмену. Регулярно печатались каталоги.

Читатели

Издательская деятельность во многом зависела от того, найдет ли книга своего читателя. Многие издательские начинания были не осуществлены из-за читательского равнодушия. В первой половине XIX в. для привлечения читателей в «Московских ведомостях» постоянно рекламировались как новые книги, так и те, которые уже вышли. Реклама помещалась и в прикнижных объявлениях. При объявлении подписки на новые издания читателя пытались привлечь тем, что его имя будет указано в прикнижных списках подписчиков, или же тем, что на переплете будет вытеснено имя и фамилия будущего владельца. Обещали и более низкую цену в сравнении с той, по которой книга будет продаваться после выхода в свет. Собрать как можно больше подписчиков для издателей было очень важно: таким образом они получали средства на издание. Но число любителей чтения, особенно серьезного, росло медленно.

Русского читателя первой половины XIX в. одни ругали за его неразвитость, неразборчивость в чтении, другие отмечали некоторый прогресс в его духовных запросах, а третьи с заметным презрением анатомировали его перед лицом III Отделения и давали советы,

каким способом отвлечь читателя от чтения вольнолюбивой литературы.

Бранил русского читателя, например, В. С. Сопиков, отмечая его крайнее равнодушие «к превосходным и единственным в своем роде творениям» Платона, Геродота, Цицерона, Горация, Тацита. Их сочинения продавались по дешевой цене в течение 20, 30, 40 и даже 50 лет, но так и не были раскуплены и были проданы пудами на оберточную бумагу, в то время как сонники, оракулы, чародеи, хиромантии, ворожеи, кабалистики имели «удивительный расход»⁴⁰¹.

С сочувствием к русскому читателю относились Н. М. Карамзин, В. Г. Белинский, говорившие, что надо воспитывать русского читателя, постепенно формируя его вкус. От чтения посредственных романов читатель постепенно перейдет к чтению более серьезной литературы. Карамзина умиляло то, что на газеты подписывались самые бедные люди.

Подробную характеристику различных категорий читателей, может быть несколько ядовитую, часто меткую, дал Ф. В. Булгарин в записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», поданной правительству в 1826 г.⁴⁰²

Булгарин, не особенно разборчивый в средствах как издатель и писатель, тем не менее хорошо изучил читателя, особенно такого, который способствовал успеху. О том, что это так, свидетельствуют тиражи его собственных сочинений, одни из самых высоких в то время.

Булгарин делил читателей на несколько категорий. К первой он относил «знатных и богатых людей», получивших «самое поверхностное воспитание», которые смотрели на все «французскими глазами» и судили обо всем на «французский манер», «верхом мудрости» почитали правила французских энциклопедистов, которые и называли философией. Булгарин самонадеянно уверял правительство, что изменить влияние «сих людей на общее мнение и даже подчинить их господствующему мнению» очень легко с помощью «приверженных правительству писателей», к которым, вероятно, он причислял и себя. С помощью таких писателей, уверял Булгарин, «их легко можно перевоспитать, убедить и дать настоящее направление их умам».

Такая характеристика, вероятно, дана Булгариным для успокоения правительства, так как эта группа чи-

тателей была наиболее образованна, испытала влияние Шеллинга, немецких идеалистов, идей французской реставрации, Шатобриана, де Местра. Среди этих читателей — декабристы, Чаадаев, Веневитинов, Грибоедов. Как правительство перевоспитывало Чаадаева; известно: за публикацию «Философического письма» его объявили сумасшедшим, установили за ним надзор и лишили возможности печататься.

Ко второй группе читателей Булгарин относил людей «среднего состояния», к которому принадлежали дворяне, находившиеся на службе, помещики, живущие в деревнях, также бедные дворяне, воспитанные в казенных заведениях, чиновники, богатые купцы, заводчики и даже мещане. Это «состояние», самое многочисленное, по большей части получило образование «само собою посредством чтения». Именно эту категорию читателей Булгарин называл «русской публикой»: «Она читает много, и большею частью по-русски, бдительно следит за успехами словесности и примечает быстрый или стесненный ее ход». «Не надобно больших усилий, чтобы быть не только любимым ею, но даже обожаемым», — писал Булгарин. Эту публику «можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одною тенью свободы в мнениях». И Булгарин берет на себя смелость поучать правительство: «Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновленная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом, которого мы знаем все тайные пружины».

Наиболее ходкой литературой для этой категории читателей были сочинения Ломоносова, Кантемира, Аблесимова, Державина, Щербатова, Карамзина, Крылова, Кострова, Фонвизина, Княжнина, С. Глинки, Жуковского, самого Булгарина, из переводных сочинения Коцебу, Шатобриана, Диккенса, Радклиф, В. Скотта, Купера, Поль де Кока. Популярны были альманахи, мистическая и религиозная литература, книги по истории.

С другой выделяемой Булгариным категорией читателей — «иерархией литераторов и ученых», по мнению Булгарина, также очень легко сладить, так как истинных ученых мало и те по большей части иност-

ранцы, также мало и серьезных литераторов. А разных там стихотворцев и памфлетистов легко можно «привязать ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах, например о театре».

О категории читателей, относимой Булгариным к «нижнему сословию», к которой причислялись подьячие, грамотные крестьяне, мещане, он говорил: «На нижнее состояние у нас поныне вовсе не обращали внимания в литературно-политическом отношении, по их безмолвию, судили весьма неосновательно. Этот класс читает весьма много. Обыкновенно их чтение составляют духовные книги. Раскольничьи скиты, волостные правления и вольные слободы суть места, где рассуждают о всех указах и мерах правительства и читают статьи, относящиеся до устройства России. Ко мне несколько раз являлись мужики и торговцы с просьбами продать или подарить номерок журнала „Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть „матушка Россия“». Со всей присущей Булгарину беспринципностью он заявлял, что «искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе», легко мог «покорить умы нижнего состояния», которое «у нас рассуждает более, нежели думает».

Неуважительно об этой категории читателей писал Н. А. Энгельгардт. Он к ней причислял торговое крестьянство и купечество. Их потребности в чтении, по его мнению, удовлетворялись «примитивной лубочной и суздальской литературой, высшее создание которой были патриотические романы Загоскина». Они почитывали и «божественное», и духовные книги, читали и Ломоносова, и что-нибудь новейшее «с одиначковым неспешным вниманием»⁴⁰².

Булгарин не упомянул о студентах, которые были в то время одними из самых любознательных читателей с активным отношением к прочитанному. С появлением университетов, новых высших учебных заведений число студентов неуклонно росло. По социальному происхождению половина из них были разночищцами — дети мещан, купцов, мелких чиновников, духовенства.

Студенты получали книги в библиотеках, покупали в книжных лавках, многие имели личные библиотеки. Профессора — редакторы журналов дарили казенно-

коштным студентам билеты на подписку на свои журналы. Чтение было для студентов одной из важных сторон получения образования. Слушание лекций, особенно прогрессивных профессоров, толкало студентов к разысканию и чтению лучших произведений русской и зарубежной литературы. Не последнее место в чтении студентов занимала и античная литература, которая показывала студентам пример высокого идеала служения родине и общественного долга. Студенты Московского университета хорошо были знакомы и с запрещенной литературой, среди которой были произведения Радищева, Полежаева, Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Грибоедова.

Студенты были крайне неровно подготовлены. Одни были совсем невинны перед наукой, другие годились в помощники к профессорам. В Москве студенты составляли наиболее заметную группу читателей. Московский университет, как писал В. Г. Белинский, придавал «особенный колорит читающей московской публике, потому что его члены, и учащие, и учащиеся, составляют истинный базис московской публики»⁴⁰⁴.

Студент Московского университета Ф. Л. Морошкин свое настоящее юридическое образование начал после того, как ему в руки попала книга Монтескье «О духе законов», которая осветила для него все области юриспруденции. Эта книга пробудила в нем жажду к чтению. Он читал немецкую юридическую литературу, познакомился с французской юридической школой, с русским законодательством знакомился по сборникам, составленным П. В. Хавским. Изучил он и историю философии по сочинениям Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Теннемана, Буле, Кузеня. Изучить системы Канта, Шеллинга, Гегеля помогли ему лекции Павлова, Дядьковского и Надеждина, «которые были столько сильны в философии, что могли критически смотреть на положения сих мыслителей»⁴⁰⁵.

У воспитанника Московского университета М. П. Потодина любовь к чтению пробудилась очень рано. В восемь лет он уже с нетерпением ожидал в среду и субботу «Московские ведомости» с известиями о войне шведской и турецкой. В десять лет он читал «Вестник Европы», где сочинение Жуковского «Марьяна роца» заставляло его проливать ручьи слез. В 1810 г. «Рус-

ский вестник» С. Н. Глинки с портретами великих русских мужей и патриотическими восклицаниями привлек его внимание. В это же время он читал и перечитывал романы Радклиф, Дюкре дю Мениля, любимейшего своего писателя, Ж. Лафонтена, А. Коцебу и проч., которые сам покупал в книжных лавках на Ильинке. Погодин с восторгом читал ростопчинские афишки 1812 г.

В двенадцать лет ему попались сочинения Карамзина, которые и пленили его на всю жизнь: «Исторические замечания на пути к Троице», «Письма русского путешественника», повести сделались его любимым чтением.

В гимназии, где учился Погодин, русская словесность изучалась по «Собранию образцовых русских сочинений» в 12 т. с портретами. Баллады Жуковского, басни Крылова, трагедии Озерова знали все наизусть.

Погодин с нетерпением ждал выхода в свет «Истории государства Российского» Карамзина, он собрал у знакомых и родственников 55 руб. ассигнациями и подписался на восемь томов. После получения всех томов они были отданы в переплет. Переплетчик пропил это издание. И Погодин смог прочитать «Историю» только по второму изданию, которое стало его спутником на всю жизнь.

Учащаяся молодежь была завсегда театром, где игрались трагедии Озерова «Дмитрий Донской», «Эдип в Афинах», «Фингал», которые ученики знали лучше актеров. В университете студенты разыгрывали пьесы под руководством двух братьев Сандуновых, актера и профессора, судьями были профессор Мерзляков и Каченовский. Здесь ставились «Недоросль», «Бригадир», «Хвастун», «Ябеда», «Мельник», а из небольших пьес «Семейство Старичковых», «Ссора, или Два соседа». В подражание студентам затеяли театр и гимназисты. Ставили пьесы Ильина и Иванова «Рекрутский набор», «Добрый солдат», «Лиза, или Торжество благодарности» и некоторые комедии Коцебу.

В университете помимо лекций большое значение для Погодина имело общение со студентами. Один из его товарищей указал ему на комментарий Шлёцера к летописи Нестора, который во многом определил дальнейшую научную деятельность Погодина. Сочинения Руссо пробудили в нем интерес и участие к человеческой судьбе, открыли глаза на злоупотребления

общества. В студенческие годы Погодин не только прочитал, но и перевел сочинение Шатобриана «Гений христианства». Беседы с Тютчевым, рассуждавшим о Виланде, Шиллере, Гердере, Гете, возбудили желание сравниться с ним в начитанности⁴⁰⁶.

Студентов интересовала самая разнообразная литература. Любимыми писателями С. М. Семенова, будущего декабриста, были Спиноза, Гобс, Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит. Студенты зачитывались Вольтером и Руссо. Декабрист М. А. Фонвизин писал, что он свободный образ мыслей получил «из прилежного чтения Монтеस्कье, Рейналя и Руссо, также древней и новейшей истории, изучением которой занимался с особенной охотою»⁴⁰⁷. В библиотеке Муравьевых была брошюра Б. Констана «О сущности захвата и узурпации власти». Наиболее популярны у молодежи были Гете, Шиллер, Шекспир, Вольтер, Руссо, Мабли, Монтеस्कье, английские и немецкие просветители, Радищев, его «Путешествие...», Плутарх, Новиков, Карамзин, И. П. Пнин. Для Веневитинова было одним из любимых занятий чтение критических книг.

В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ хранится альбом, куда пансионер Дмитрий Зыбин в период учебы в Университетском благородном пансионе в 1816 и 1817 гг. выписывал понравившиеся ему стихи. Здесь сочинения Жуковского «Людмила», «Двенадцать спящих дев», Грамматина «Услад и Всемила», много сочинений Г. Р. Державина, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева, М. В. Ломоносова, Е. И. Кострова, Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, И. И. Хемницера, И. М. Долгорукого, А. Е. Измайлова. Вся эта литература, нравившаяся молодому человеку, учила нравственным основам, любви к родине. Он не делал различия между классическими и сентиментальными сочинениями. Ему нравились те и другие.

П. Вистенгоф в «Очерках московской жизни» (1842) дал с некоторой долей иронии зарисовку московского общества, в котором любовь к просвещению, книге, театру, искусству была не на последнем месте. Особое внимание Вистенгоф уделил женщинам. «Женщины высшего общества отлично образованны, увлекательны своею любезностью и тонким познанием светской жизни, многие из них дипломатки, с особенным удовольствием читают о парламентских прениях в Лондоне

и речи французских перов и министров; получают множество иностранных газет, журналов, а преимущественно любят французскую литературу; пожилые и немного поотсталые предпочитают легкое русское чтение и преферансы. Девуцы получают блестящее воспитание и служат украшением московских обществ. Они также читают лучшие произведения русских и иностранных писателей и следят современное просвещение как в России, так и в других государствах. В своем семейном кругу они занимаются рисованием, музыкою и пением...» Московский вельможа из любви к просвещению «делает чертоги свои доступными для образованных литераторов и известнейших артистов».

В среднем сословии в каждой гостиной «рояль или фортепиано, разное женское рукоделие и книги. Девушки играют и поют... В одной разыгрывают вариации Моцарта и Россини, в другой повторяют мотивы из опер: Роберта, Цампы, Фенеллы, Капулетти и Монтеки и т. д., в иных гостиных музыка ограничивается наигрыванием разного рода вальсов и качучи или весьма невинно поется: *ах, подруженьки, как грустно целый век жить взаперти*, кончаемое обыкновенно: *уж как веет ветерок*; а в иных дошли еще только до романсов: талисмана, голосистого соловья и удалой тройки. Дамы и девушки среднего общества также занимаются чтением французских романов, но они предпочитают русские книги. Они очень любят повести, печатаемые в Библиотеке для чтения, стихи Пушкина, сочинения Марлинского и Лермонтова, некоторые московские романы: *Ледяной дом*, *Последний Новик*, *Клятва при гробе*, *Юрий Милославский*, *Никлас Медвежья лапа* и другие».

Московское купечество «еще остается совершенно неподвижным между раскольниками, которых в Москве, со включением мещан, считается около 12 000 человек». Купцы «дочек учат русской грамоте, иных даже французскому наречию и приседать — что значит — танцованию... во многих семействах французский язык и танцы уже сделались необходимостью». Не обходили купцы и театр. «При выборе пьес он заботится, чтоб это была какая-нибудь ужасная, *пользительная* трагедия или другая какая-нибудь *штука*, только *понятливая* и *разговорная*, в коей бы можно было видеть руководство к различным *курьезным чувствам*. Он не любит опер, потому что за музыкою не

разбирает слов арий... Он также не любит балетов... Есть немного опер и балетов, посещаемых купцами охотно по их великолепной обстановке... На балах музыка обыкновенно бывает с литаврами; за ужином играют русские песни...»

Приказные большей частью читали в кофейнях журналы, а если женаты, то, находясь большею частью дома, читали «всякого рода книги, даже оперы и программы балетов»⁴⁰⁸.

В этих зарисовках чувствуется ирония, но и они дают представление о читающей и развлекающейся Москве.

Основная масса читателей — это ученики, в роли которых могли выступать и дети, и молодежь, и взрослые. Для них предназначалась учебная, общеобразовательная, научная литература. Другая категория читателей — деловые люди: помещики, занимавшиеся сельским хозяйством, промышленники, чиновники, военные, архитекторы, врачи, для которых требовались специальные издания. К третьей категории читателей могли относиться и первые две — это те, кто искал в чтении ответа на нравственные, философские, общественные, религиозные вопросы или искал развлечений, пытаясь отвлечься от повседневности. Здесь требования читателей могли быть и самыми примитивными и самыми изысканными. Именно литературу для таких читателей Н. А. Полевой назвал «игрушкой».

Н. А. Полевой, задавшись вопросами, чем же является для читателя книга и почему он ее покупает, сам же на них ответил. Есть учебная книга, по которой можно учиться, читая. Эти книги Полевой в расчет не берет. Но все остальное — творения философов, юристов, историков, экономические книги, поэмы, стихи, романы, журналы, газеты, весь этот книжный товар — «игрушки, которыми тешатся взрослые люди, читатели, утешается авторское самолюбие литераторов». Причем эти игрушки бывают и умные и дорогие. Иной на них «проживает и жизнь, и деньги, и ум»⁴⁰⁹. Для помещичьего дома такой игрушкой был толстый журнал, в котором «легким фельетонным слогом» изложены все «искусства и науки»; для хозяйки дома — моды и романы, для барышень — стихи, для хозяина дома — статьи о сельском хозяйстве, для молодых помещиков — хлесткая остроловная критическая статейка. Великолепными кухмистерами такой «жирной

журнальной стряпни» были Булгарин и Сенковский⁴¹⁰.

К концу первой половины XIX в. пламенные статьи Белинского воспитали более серьезную читательскую аудиторию. Но массовый читатель, как всегда, искал разнообразия, более или менее занимательного чтения, смеси полезного с приятным. По-прежнему популярны были романы; стихи занимали немногих. Критика, споры, несогласие мнений — вот что привлекало публику, но это как раз и находилось под тяжким цензурным гнетом.

Заключение

Книга, книжное дело отражают уровень культуры общества. В первой половине XIX в. инициатива и предприимчивость издателей и книготорговцев сдерживались, с одной стороны, препонами цензуры, а с другой — низким уровнем просвещения народных масс. Но под давлением непреложных новых потребностей общественного развития шел процесс распространения просвещения и создания более многочисленного слоя высокообразованного читателя. Несмотря на реакцию, накапливался опыт в книгоиздательском и книготорговом деле, расширялись фонды библиотек.

Основной движущей силой развития просвещения, книжного дела, а значит, и развития культуры общества в Москве были университет, его профессора, преподаватели, студенты в союзе с книгоиздателями, книготорговцами. В первой половине XIX в. была подготовлена та благодатная почва, на которой книгоиздательское дело смогло успешно развиваться при изменении обстановки в стране после реформы 1861 г.

Важно понять, что производство и распространение книг шли в унисон с общим социально-экономическим развитием страны и преодолевали все те трудности и препоны, которые затрудняли и общее развитие.

Примечания

От автора

- ¹ Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1826. Т. 2. Стб. 642.

Москва первой половины XIX века

- ² *Второв И.А.* Москва и Казань в начале XIX века // Рус. старина. 1891. № 4. С. 11.
- ³ История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 54.
- ⁴ См.: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972; *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России: 1825–1861 гг. М., 1979; *Микулинский С.Р.* Карл Францевич Рулье: 1814–1858. М., 1989. С. 10–16.
- ⁵ *Орлов В.* Николай Полевой – литератор тридцатых годов // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 12.
- ⁶ Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 145, 148, 149–150.
- ⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 247–248.
- ⁸ Из бумаг времен Александра I // Рус. старина. 1877. Т. 20. С. 705.
- ⁹ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. СПб., 1909. № 23. С. 264–335.
- ¹⁰ Журнал Министерства народ. просв. (далее – ЖМНП). 1837. № 4. С. 91.
- ¹¹ *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987. С. 95.
- ¹² *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература: 1826–1855 гг. 2-е изд. СПб., 1909. С. 44–45.
- ¹³ Там же. С. 82–83.
- ¹⁴ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 106–107.
- ¹⁵ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 3. С. 226.
- ¹⁶ *Максимович М. А.* Об участии Московского университета в просвещении России. М., 1830. С. 18.

Книги

- ¹⁷ Книговедение // Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 195.
- ¹⁸ *Мижуев П.* Книга и книжное дело // Энциклопедический словарь «Гранат». 11-е изд. Т. 24. Стб. 12.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Подсчет сделан по кн.: *Шторх А., Аделунг Ф.* Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год. СПб., 1810–1811. Ч. 1–2.

- ²¹ См.: Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1826. Т. 2. Стб. 639—640, 644. В литературе можно встретить указания на то, что издание книг увеличилось не в 1,5, а в 4 раза. См., напр.: *Куфаев М. Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 51; *Орлов Б. П.* Полиграфическая промышленность Москвы. М., 1953. С. 115; *Малыхин Н. Г.* Очерки по истории книгоиздательского дела. М., 1964. С. 161.
- ²² *Мижурев П.* Указ. соч. Стб. 12.
- ²³ ЖМНП. 1837. № 2. С. 498—499.
- ²⁴ ЖМНП. 1838. № 9. С. 733.
- ²⁵ О взглядах ученых, их открытиях см.: История естествознания в России. Т. 1, ч. 2: Первая половина XIX в. М., 1957; Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959, а также литературу по истории Московского университета.
- ²⁶ ЖМНП. 1838. № 8. С. 451.
- ²⁷ Подробнее о книгах Фишера и Ловецкого см.: *Микулинский С. Р.* Карл Францевич Рулье: Ученый, человек и учитель. 1814—1858. С. 16—23. Здесь же можно найти характеристику сочинений и других естествоиспытателей.
- ²⁸ ЖМНП. 1838. № 8. С. 443.
- ²⁹ Там же. С. 462.
- ³⁰ Там же. С. 461.
- ³¹ Там же. С. 462—463.
- ³² ЖМНП. 1838. № 9. С. 690.
- ³³ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 260. Л. 1, 2—2 об., 2 об., 3 об., 4—4 об., 5—5 об.
- ³⁴ Там же. Д. 117. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Д. 260. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 223. Л. 5 об.
- ³⁷ Там же. Л. 5.
- ³⁸ *Белинский В. Г.* Указ. соч. М., 1955. Т. 9. С. 642.
- ³⁹ Аглая. 1810. Ч. 12. С. 261.
- ⁴⁰ *Белинский В. Г.* Указ. соч. М., 1956. Т. 10. С. 104.
- ⁴¹ Новости русской литературы. 1805. Ч. 13. С. 245.
- ⁴² Вестник Европы. 1809. № 9. С. 61.
- ⁴³ *Павлова А. С.* Читатель Московского университета первой половины XIX в. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 64.
- ⁴⁴ *Аксаков С. Т.* Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1886. Т. 4. С. 8.
- ⁴⁵ Биографический словарь профессоров императорского Московского университета. М., 1855. Т. 2. С. 96.
- ⁴⁶ *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры: 1700—1863. СПб., 1892. С. 309.
- ⁴⁷ ЖМНП. 1838. № 9. С. 693.
- ⁴⁸ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 84. Л. 6, 38—39.
- ⁴⁹ *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 97.
- ⁵⁰ Библиогр. зап. 1859. № 20. Стб. 621—623.
- ⁵¹ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 82. Л. 22.
- ⁵² Там же. Д. 83. Л. 3, 4.
- ⁵³ Там же. Л. 25.
- ⁵⁴ Там же. Д. 179. Л. 3—3 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 105. Л. 22.
- ⁵⁶ Там же. Д. 128. Л. 13.
- ⁵⁷ Там же. Д. 129. Л. 46.
- ⁵⁸ Там же. Д. 136. Л. 67, 87 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 150. Л. 17.
- ⁶⁰ Там же. Д. 159. Л. 24.
- ⁶¹ Там же. Д. 85. Л. 37.
- ⁶² Там же. Д. 68. Л. 19.
- ⁶³ Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 52.

- 64 *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 312.
 65 *Голышев И. В.* Лубочные старинные народные картинки. Владимир, 1870. С. 14.
 66 *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 357.

Периодические издания

- 67 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 86. Л. 2—4.
 68 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3648. Л. 23 об., 31—31 об., 32.
 69 Там же. Ф. 418. Оп. 486. Д. 1. Л. 4.
 70 *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. М., 1861. Ч. 3. С. 133.
 71 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 86. Л. 2 об.— 4.
 72 Там же. Д. 25. Л. 3 об.— 4.
 73 *Вестник Европы.* 1805. № 8. С. 1.
 74 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 86. Л. 2 об.— 4.
 75 *Колупанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1, кн. 1. С. 226.
 76 *Энгельгардт Н. А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати: 1708—1903. СПб., 1904. С. 106.
 77 Там же. С. 107.
 78 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3970. Л. 2, 5, 6, 6 об.
 79 Там же. Д. 4354. Л. 6—8 об.
 80 *Белинский В. Г.* Указ. соч. М., 1955. Т. 9. С. 683.
 81 *Московский телеграф.* 1827. № 24. С. 182—188.
 82 *Белинский В. Г.* Указ. соч. Т. 9. С. 687, 682, 672.
 83 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 31. Л. 5—10.
 84 Там же. Д. 70. Л. 4—4 об.
 85 *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 89.
 86 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 94. Л. 74 об.— 75.
 87 Там же. Д. 67. Л. 20, 21—21 об.
 88 Там же. Д. 121. Л. 23.
 89 *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 155.
 90 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 19. Л. 24—24 об.
 91 См.: *Вольман Б.* Русские нотные издания XIX—начала XX века. Л., 1970.
 92 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 104. Л. 89.
 93 Там же. Д. 203. Л. 8—10 об.
 94 Там же. Д. 67. Л. 5.
 95 Там же. Д. 75. Л. 30, 35—36.
 96 *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 224.
 97 *Рус. архив.* 1896. № 8. С. 579.
 98 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 120. Л. 1.
 99 *ЖМНП.* 1837. № 7. С. 194. ¹⁰⁴ Там же. Д. 94. Л. 150—151.
 100 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 193. ¹⁰⁵ Там же. Д. 120. Л. 45.
 Л. 41. ¹⁰⁶ Там же. Д. 171. Л. 23.
 101 Там же. Д. 119. Л. 29. ¹⁰⁷ Там же. Д. 86. Л. 22; Д. 87.
 102 Там же. Д. 192. Л. 28—28 об. Л. 43.
 103 Там же. Д. 194. Л. 35.

Владельцы и арендаторы типографий

- 108 *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. М., 1826. С. 154—155.
 109 ЦГИАМ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 11.
 110 Там же. Ф. 418. Оп. 137. Д. 10. Л. 21.
 111 *Третьяков М. П.* Московский университет. 1798—1830 гг. // *Рус. старина.* 1892. № 7—10. С. 337.

- 112 Там же. С. 338.
- 113 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1562. Л. 1.
- 114 Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 16. Л. 32–38 об.
- 115 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1581. Л. 15–15 об.
- 116 Там же. Ф. 418. Оп. 140. Д. 152. Л. 6 об.– 8.
- 117 Там же. Л. 16. об.– 18.
- 118 Храпов С. Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 года // Ист. журн. 1943. № 2. С. 74.
- 119 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 530. Л. 3–5.
- 120 Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 16. Л. 32–38 об.
- 121 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1581. Л. 289–289 об., 204.
- 122 Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 111.
- 123 Там же. Д. 3513. Л. 1.
- 124 Там же. Оп. 2. Д. 1581. Л. 67 (§ 79).
- 125 Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 16. Л. 32–38 об.
- 126 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1581. Л. 15 об.
- 127 Там же. Л. 342–349.
- 128 Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 458–459.
- 129 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 138. Д. 126. Л. 10.
- 130 Там же. Оп. 139. Д. 32. Л. 33–35.
- 131 225 лет издательской деятельности Московского университета: 1756–1981: Летопись. М., 1981. С. 61.
- 132 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 141. Д. 42. Л. 1.
- 133 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1808. Л. 36.
- 134 Там же. Д. 3284. Л. 1–2.
- 135 225 лет издательской деятельности Московского университета... С. 68.
- 136 ЦГИАМ. Ф. 459. Д. 4814. Л. 1 об.
- 137 Там же. Оп. 2. Д. 79. Л. 1, 2 об., 7.
- 138 Там же. Оп. 1. Д. 4814. Л. 4.
- 139 Там же. Оп. 2. Д. 1677. Л. 27.
- 140 Там же. Д. 490. Л. 3. об., 8, 12.
- 141 Снегирев И. М. Очерк истории типографии Московского университета // Моск. ведомости. 1854. № 111. С. 466.
- 142 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- 143 Там же. Л. 1–1 об.
- 144 Там же. Д. 3950. Л. 1.
- 145 Там же. Ф. 418. Оп. 140. Д. 9. Л. 1–2.
- 146 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1235. Л. 4–4 об.
- 147 Там же. Оп. 1. Д. 4253. Л. 1–6.
- 148 Там же. Ф. 418. Оп. 490. Д. 18. Л. 1–17 об.
- 149 Там же. Д. 13. Л. 3–20.
- 150 Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1419. Л. 1 об.– 3.
- 151 Там же. Оп. 1. Д. 3551. Л. 2, 6.
- 152 Там же. Д. 4021. Л. 3–3 об.
- 153 Там же. Оп. 2. Д. 80. Л. 1 об.
- 154 Там же. Д. 1055. Л. 4.
- 155 Там же. Л. 32.
- 156 Там же. Д. 1750. Л. 1–1 об.
- 160 Орлов Б. П. Указ. соч. С. 110.
- 161 Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 458.
- 162 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 138. Д. 126. Л. 10.
- 163 Там же.
- 164 Там же. Оп. 137. Д. 10. Л. 7.
- 165 Там же. Оп. 138. Д. 126. Л. 10.
- 157 Там же. Л. 3, 2, 14.
- 158 Там же. Л. 60, 61 об.
- 159 Там же. Л. 60 об.

- 166 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 841. Л. 4.
- 167 Там же. Д. 3950. Л. 13.
- 168 Там же. Оп. 2. Д. 355. Л. 2.
- 169 Там же. Оп. 1. Д. 841. Л. 2.
- 170 Там же. Д. 2088. Л. 23 об., 32 об.
- 171 Там же. Ф. 418. Оп. 139. Д. 163. Л. 6 об.
- 172 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3657. Л. 5–6.
- 173 Там же. Д. 2851. Л. 1, 4, 5–7, 9, 10.
- 174 Там же. Д. 1065. Л. 10 об.– 11.
- 175 Там же. Д. 4021. Л. 1.
- 176 Там же. Д. 3528. Л. 10–10 об.
- 177 Там же. Д. 4170. Л. 6.
- 178 Там же. Оп. 2. Д. 1562. Л. 10–10 об.
- 179 Там же. Л. 3–4 об.
- 180 ЦГИАМ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 11.
- 181 *Соловьев А. Н.* Московский печатный двор: Историческая записка о Московской синодальной типографии. М., 1917. С. 40, 42, 41–42.
- 182 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 14. Л. 129.
- 183 Там же. Д. 30. Л. 40.
- 184 Под высочайшим покровительством состоящий Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830. С. 20, 22, 30.
- 185 Там же. С. 54.
- 186 ЦГИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.
- 187 Там же. Д. 8. Л. 1 об.– 3 об.
- 188 Там же. Д. 6. Л. 96.
- 189 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 85. Л. 47.
- 190 *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России: 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. С. 41–42.
- 191 *Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого // Николай Полевой: Материалы... С. 146–147.
- 192 *Полуденский М. П.* Типография Мея и Кряжева // Библиогр. зап. 1859. № 19. Стб. 590–604.
- 193 *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 23.
- 194 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 19. Л. 41.
- 195 Там же. Д. 84. Л. 34.
- 196 *Адарюков В. Я.* Гравюра и литография в книге XIX в. // Книга в России. Ч. 2: Деятнадцатый век. М., 1925. С. 360.
- 197 *Симони П. К.* Библиографические листки. П. П. Бекетов. Биографические о нем сведения, его литературная, собирательская и учено-археологическая деятельность. Издательство и типография // Старые годы. 1908. Март. С. 162.
- 198 Там же. С. 163–164.
- 199 *Адарюков В. Я.* Указ. соч. С. 362.
- 200 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 125. Л. 49; Д. 172. Л. 1, 3, 32.
- 201 *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 312.
- 202 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 182. Л. 20.
- 203 Цит. по кн.: *Гарелин Н. Ф.* Русское научное издательство в начале XIX века: Румянцевская эпоха // Книга в России. Ч. 2: Деятнадцатый век. С. 38.
- 204 Там же.
- 205 *Письма Е. А. Болховитинова к С. И. Селивановскому* // Библиогр. зап. 1859. № 3. Стб. 77–78.

- 206 Письма Е. А. Болховитинова... Стб. 78, 77.
- 207 Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890. Кн. 3. С. 116.
- 208 Кононович С. С. Типографщик Селивановский // Книга: Исследования и материалы. 1972. Т. 23. С. 108.
- 209 Семевский В. И., Богучарский В. Я., Щеголев П. Е. Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 305.
- 210 Гарелин Н. Ф. Указ. соч. С. 30.
- 211 Сидоров А. А. Искусство русской книги XIX—XX веков // Книга в России. Ч. 2: Деятельный век. С. 197.
- 212 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 14. Л. 135—135 об.
- 213 Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 13 об.
- 214 Кондакова Т. И. Московский типограф и издатель А. Г. Решетников // Федоровские чтения: 1980. М., 1984. С. 181, 182.
- 215 Там же. С. 182.
- 216 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 19. Л. 12.
- 217 Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 39.
- 218 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 260. Л. 12.
- 219 Модзалевский Б. Л. Август Иванович Рене-Семеп // Печатное искусство. 1903. Июль—август. С. 98.
- 220 ЦГИАМ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 16 об.
- 221 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 139. Л. 33—34, 35—36.

Литографии, металлографии, гравировальни

- 222 Соколов В. Указ. соч. С. 201.
- 223 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 15. Л. 15 об.
- 224 Там же. Д. 459. Оп. 1. Д. 2088. Л. 119.
- 225 Там же. Д. 2540. Л. 119 об.
- 226 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 27. Л. 26.
- 227 Там же. Д. 8. Л. 1 об.
- 228 Там же. Д. 15. Л. 15 об.
- 229 Там же. Л. 55.
- 230 Там же. Д. 89. Л. 1 об.— 2.
- 231 Там же. Д. 138. Л. 18.
- 232 Там же. Д. 19. Л. 9, 11.
- 233 Там же. Д. 20. Л. 29.
- 234 Там же. Д. 172. Л. 29.
- 235 Там же. Д. 126. Л. 37.
- 236 Там же. Д. 31. Л. 13.
- 237 Там же. Д. 262. Л. 10—54.
- 238 Подробнее см.: Вольман Б. Русские нотные издания XIX — начала XX века. Л., 1970.
- 239 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 28. Л. 38.
- 240 Там же. Д. 89. Л. 37 об.— 38.
- 241 Там же. Д. 210. Л. 29.
- 242 Там же. Д. 28. Л. 1.
- 243 Там же. Д. 126. Л. 28.
- 244 Там же. Д. 262. Л. 66 об.— 67, 67 об.— 68.
- 245 Там же. Д. 31. Л. 34.
- 246 Бессель В. О музыкально-издательской деятельности в России. СПб., 1875. С. 18 (оттиск).
- 247 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 159. Л. 47 об.
- 248 Там же. Д. 212. Л. 5.
- 249 Там же. Л. 9—9 об.
- 250 Там же. Д. 139. Л. 14—14 об., 28.
- 251 Там же. Д. 236. Л. 6; Д. 31. Л. 30; Д. 19. Л. 8.
- 252 Там же. Д. 25. Л. 5—6.
- 253 Там же. Д. 9. Л. 15.
- 254 Там же. Л. 3.
- 255 Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1340. Л. 16 об.
- 256 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 28. Л. 16.

²⁵⁷ Там же. Д. 27. Л. 3, 4; Д. 28. Л. 18.

²⁵⁸ Там же. Д. 28. Л. 5.

Типографское искусство книги

²⁵⁹ Сидоров А. А. Указ. соч. С. 158.

²⁶⁰ Там же. С. 145.

Издатели без типографий

²⁶¹ Шевырев С. П. История императорского Московского университета. М., 1855. С. 359.

²⁶² ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 29. Л. 34.

²⁶³ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

²⁶⁴ Мед.-физ. журн. 1808. Т. 1. С. IX.

²⁶⁵ Там же. С. VIII.

²⁶⁶ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 138. Д. 1813. Л. 74.

²⁶⁷ Попов Н. История императорского Московского общества истории и древностей российских // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1884. М., 1884. Кн. 1. С. 70.

²⁶⁸ Летопись Нестерова по древнейшему списку мниха Лаврентия. М., 1824. С. IV.

²⁶⁹ Труды и летописи императорского Общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 14.

²⁷⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 615.

²⁷¹ Записки и труды императорского Общества истории и древностей российских. 1815. Ч. 1. С. СХХIV.

²⁷² ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 239. Л. 32.

²⁷³ Записки и труды... Ч. 1. С. LVIII, LXX.

²⁷⁴ Бельчиков Ю. А. Общество любителей российской словесности // Рус. речь. 1968. № 2. С. 112.

²⁷⁵ Там же. С. 110.

²⁷⁶ Белинский В. Г. Указ. соч. М., 1956. Т. 7. С. 302.

²⁷⁷ Мордовченко Н. И. Русская критика в первой четверти XIX века. М., 1959. С. 259.

²⁷⁸ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1: XVIII век — 1825 г. С. 977.

²⁷⁹ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 122. Л. 1.

²⁸⁰ Сочинения в прозе и стихах. М., 1824. Ч. 4. С. 273—274, 291—292.

²⁸¹ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 202. Л. 34.

²⁸² Там же. Л. 36, 37—38.

²⁸⁵ Там же. Д. 116. Л. 7.

²⁸³ Там же. Д. 200. Л. 20.

²⁸⁶ Там же. Д. 117. Л. 14.

²⁸⁴ Там же. Д. 77. Л. 11.

²⁸⁷ Там же. Д. 137. Л. 2.

²⁸⁸ Добровольский Л. М. Указ. соч. С. 33—34.

²⁸⁹ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 258. Л. 23—23 об.

²⁹⁰ Там же. Д. 255. Л. 10.

²⁹¹ Биографический словарь профессоров... Т. 1. С. 345.

²⁹² ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 138. Д. 122. Л. 8 об.

²⁹³ Шевырев С. П. Указ. соч. С. 332.

²⁹⁴ Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 144—145.

²⁹⁵ ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 14. Л. 14.

²⁹⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 138. Д. 122. Л. 49 об.; Оп. 139. Д. 29. Л. 38.

²⁹⁷ Буслаев Ф. И. Иван Михайлович Снегирев и дневник его воспоминаний с 1821—1865 год. СПб., 1871. С. 186.

²⁹⁸ Там же. С. 188.

- 299 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 192. Л. 30.
 300 Там же. Д. 172. Л. 31.
 301 См.: *Гарелин Н. Ф.* Указ. соч. С. 25–98.
 302 *Полевой К. А.* Указ. соч. С. 331–332.
 303 *Белинский В. Г.* Указ. соч. М., 1955. Т. 9. С. 690.
 304 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 131. Л. 20.
 305 *Полевой К. А.* Указ. соч. С. 339, 345.
 306 Там же. С. 143.
 307 Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 227.
 308 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 30. Л. 26.
 309 Библиогр. зап. 1858. № 21. Стб. 651.
 310 Там же. Стб. 649.
 311 *Бессонов П. А.* Максим Иванович Невзоров // Рус. беседа. 1856. № 3. С. 104, 105, 125.
 312 Там же. С. 129.
 313 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 194. Л. 8.
 314 Там же. Д. 149. Л. 47. ³¹⁶ Там же. Д. 14. Л. 185.
 315 Там же. Д. 31. Л. 21. ³¹⁷ Там же. Д. 236. Л. 27, 32.
 318 *Снегирев И. М.* Указ. соч. С. 466.
 319 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 139. Д. 33. Л. 6 об.– 87.

Цензура

- 320 *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 418–419.
 321 Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 34.
 322 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 244, 298, 240.
 323 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 234. Л. 26.
 324 *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 341–343.
 325 *Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество.* Л., 1969. С. 322–326.
 326 *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 12.
 327 *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 33.
 328 Сборник постановлений по МНП. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 265.
 329 Там же. Стб. 299–300.
 330 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1036. Л. 6 об.
 331 Там же. Д. 1057. Л. 3.
 332 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 14. Л. 168.
 333 Там же. Д. 30. Л. 34.
 334 Там же. Д. 136. Л. 130.
 335 Там же. Д. 150. Л. 38.
 336 Там же. Д. 221. Л. 26–26 об.
 337 Сборник постановлений по МНП. Стб. 299.
 338 *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 160–161.
 339 *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 434–435.
 340 *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 256–257.
 341 Там же. С. 46–48, 50.
 342 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 75. Л. 30.
 343 Там же. Д. 82. Л. 30.
 344 Там же. Д. 237. Л. 10.
 345 *Полевой К. А.* Указ. соч. С. 255.
 346 *Глинка С. Н.* Мое цензорство // Современник. 1865. № 9. С. 222.
 347 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 76. Л. 29.
 348 Рус. старина. 1903. Кн. 1. С. 315.

Книжная торговля

- 349 Карамзин Н. М. О книжной торговле // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 58.
- 350 Лисовский Н. М. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет: 1782—1888. СПб., 1903. С. 62.
- 351 Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 73.
- 352 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 147. Д. 1. Л. 1.
- 353 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3739. Л. 1.
- 354 Московские ведомости. 1859. № 287. 26 ноября. Объявления.
- 355 Поршнев Г. И. История книжной торговли в России // Книжная торговля. М., 1925. С. 100.
- 356 Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 9. С. 671.
- 357 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 155. Л. 14.
- 358 Соколов В. Указ. соч. С. 155—157.
- 359 Поршнев Г. И. Указ. соч. С. 99.
- 360 Муратов М. В. Указ. соч. С. 89.
- 361 Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 182—183.
- 362 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 138. Д. 69. Л. 4—4 об.
- 363 Там же. Оп. 140. Д. 159. Л. 36—44.
- 364 Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3490. Л. 1—2.
- 365 Полевой К. А. Указ. соч. С. 136.
- 366 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4354. Л. 1.
- 367 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 59. Л. 3.
- 368 Там же. Д. 83. Л. 39.
- 369 Там же. Д. 59. Л. 22.
- 370 Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 170. Л. 25, 36—36 об.
- 371 Там же. Оп. 1. Д. 114. Л. 35 об.
- 372 Там же. Оп. 5. Д. 29. Л. 30.
- 373 Там же. Д. 115. Л. 18.
- 374 Там же. Д. 104. Л. 124 об.
- 375 Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля. М.; Л., 1925. С. 255.
- 376 Поршнев Г. И. Указ. соч. С. 111.
- 377 Шибанов П. П. Указ. соч. С. 260—261.
- 378 Там же. С. 208.
- 379 Там же. С. 203.
- 380 См.: Там же. С. 206—207.
- 381 Симоны П. К. Книжная торговля в Москве XVIII—XIX столетия. Л., 1927. С. 34.
- 382 ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 200. Л. 43.
- 383 Там же. Д. 106. Л. 39.
- 384 Там же. Д. 202. Л. 40—41.
- 385 Там же. Д. 148. Л. 34; Д. 149. Л. 22 об.
- 386 Полевой К. А. Указ. соч. С. 334.
- 387 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 959. Л. 36.

Библиотеки

- 388 Материалы взяты из книг: Сорокин В. В. История библиотеки Московского университета: 1800—1917. М., 1980; Пенчко Н. А. Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. М., 1969.
- 389 Сборник распоряжений по МНП. Т. 1. Стб. 556.
- 390 ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1581. Л. 76.

- ³⁹¹ *Румянцев В. Е.* Библиотека Московского печатного двора. М., 1877. С. 2–3.
- ³⁹² Цит. по: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. С. 262.
- ³⁹³ ЦГИАМ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1341. Л. 8, 4.
- ³⁹⁴ Там же. Л. 5, 23.
- ³⁹⁵ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 112. Л. 5 об.– 6.
- ³⁹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 18. Л. 1 об.– 2.
- ³⁹⁷ Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 143.
- ³⁹⁸ Там же. С. 130.
- ³⁹⁹ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 33.
- ⁴⁰⁰ *Шкловский В.* Матвей Комаров – житель города Москвы. Л., 1929. С. 14.

Читатели

- ⁴⁰¹ *Сопиков В.* Опыт российской библиографии. СПб., 1814. Ч. 2. С. VI.
- ⁴⁰² Рус. старина. 1900. Т. 103, кн. 9. Сентябрь. С. 579–590.
- ⁴⁰³ *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 169.
- ⁴⁰⁴ *Белинский В. Г.* Указ. соч. Т. 8. С. 560.
- ⁴⁰⁵ Биографический словарь профессоров... Т. 2. С. 109.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 231–238.
- ⁴⁰⁷ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 97.
- ⁴⁰⁸ *Вистенгоф П.* Очерки московской жизни. М., 1842. С. 18–19, 25–26, 36, 43–44, 53.
- ⁴⁰⁹ Новоселье. СПб., 1846. Ч. 3. С. 500–501.
- ⁴¹⁰ *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 169.

Указатель имен

- Аблесимов А. О. 111, 203
 Августин, митрополит Московский 89
 Аверин К. И. 197
 Агапов А. О. 132
 Аксаковы 46, 63, 171, 186
 Аксаков С. 143
 Александр I 5, 6, 30, 31, 59, 94, 103, 134, 168
 Алексеев Ф. 99
 Алмазов 120
 Алмазов Б. Н. 65
 Альфонский А. А. 87, 167
 Алябьев А. А. 33, 120
 Андреев 174
 Андрианов 122
 Андросов В. А. 141, 155, 171
 Анисимов К. 99
 Анненков П. В. 46
 Арефьев 161
 Аристотель 205
 Артемов 178
 Афанасьев А. Г. 99, 116
 Ахметьевы 116, 117
- Багрянский М. И. 159
 Базуновы 174, 176, 179, 180
 Байрон Дж. Г. 44, 150, 160
 Бантыш-Каменский Д. Н. 179
 Бантыш-Каменский Н. Н. 100, 135
 Баратынский Е. А. 38, 45, 68, 110, 121, 123, 172, 188
 Барклай де Толли М. Б. 117
 Барков Е. М. 112
 Баррюэль, аббат 27
 Барсов А. А. 186
 Бартелеми Ж. Ж. 41
 Бартольди Г. Н. 123
 Баршев С. И. 82
 Батюшков К. Н. 59, 148
 Баузе Ф. Г. 186
 Бегичев Д. Н. 46
 Безсомыкин И. И. 141
 Бекетов Н. А. 134
 Бекетов П. П. 79, 93, 96—99, 114—115, 135, 186, 197
- Беккария Ч. 6, 200
 Белинский В. Г. 10, 39, 46, 62, 63, 65, 102, 139, 154, 173, 186, 202, 205, 210
 Беловы 120
 Беляев 174
 Бенкендорф А. Х. 7, 8, 46, 48, 64, 67, 170, 171
 Беннингаузен К. Ф. 22
 Бернаделли 111
 Бестужев-Марлинский А. А. 45, 102, 121, 208
 Бестужев-Рюмин М. П. 43
 Беттингер 151
 Бирон Э. И. 43
 Бланшард 102
 Блер Ж. 30, 112
 Бобровский Ф. 16
 Богданов И. А. 124
 Богданович И. Ф. 97
 Бодянский О. М. 38, 79, 138, 151, 193
- Божукова 70
 Болдырев А. В. 35, 65, 79, 81, 115, 140, 141
 Болховитинов Е. см. Евгений
 Большаков Т. Ф. 187, 199
 Бороздин И. 179
 Боткин В. П. 102
 Бранкевич 161
 Брашман Н. Д. 15, 82
 Брежо Р. Л. 105
 Бридон 18
 Бриккер 119
 Бриссон М. Ж. 13
 Брусиллов Н. П. 197
 Брюнар К. 124
 Буало Н. 34
 Буве И. 174, 198
 Булахов П. П. 119
 Булгарин Ф. В. 47, 68, 169, 171, 202—204, 210
 Буле И. Ф. 56, 57, 138, 168, 190, 205
 Булыгин 48
 Бунина А. И. 112

- Буслаев Ф. И. 35, 36
 Бутурлин Д. П. 53, 163
 Буфф 111
 Буяльский И. Е. 21
- Вавилов П. А. 161, 166
 Варламов А. Е. 66, 102, 119-
 121
 Василий Великий 90
 Васильев И. В. 25
 Васильев С. 144
 Вейсгербер Ф. 118
 Вельтман А. Ф. 46, 65, 102, 110
 Веневитинов Д. В. 102, 172,
 203, 207
 Венелин Ю. И. 34, 151
 Венсович И. Ф. 134
 Венцель К. 71, 118—119
 Верстовский А. Н. 66, 118
 Виланд Хр. М. 207
 Вилибальд 69
 Вилькин И. 20
 Виноградовы 71, 74, 114, 116
 Вистенгоф П. 207
 Витгенштейн П. Х. 117
 Витте Ф. П. де 119
 Водопьянов И. Д. 189
 Воейков А. Ф. 150
 Воинов М. 74
 Войцехович И. П. 141
 Волковы 66, 119
 Волконский П. М. 117
 Володимиров-Смородинский Ф.
 35
 Вольтер 22, 43, 101—102, 107,
 157, 207
 Вольф Б. 34
 Воробьев М. 99
 Воронцов М. И. 117
 Востоков А. Х. 139
 Всеволожский Н. С. 30, 100—
 101, 104, 107, 108, 153
 Вяземский П. А. 45, 68, 98,
 148, 164, 172, 188
- Гаврилов М. Г. 57, 159
 Гагарин И. С. 119
 Гайдн 112
 Галле Г. 27
 Галлер 81
 Ганеман С. 22
 Гармут И. 77, 78
 Гартман 191
 Ге С. 182
 Гегель 205
 Гейм И. А. 16, 190, 193, 195
- Гейман Р. Г. 19, 195
 Геннади Г. Н. 201
 Георгиев Г. П. 187
 Георгиевский В. И. 74
 Гердер Н. Г. 207
 Герен 151
 Геродот 202
 Герцен А. И. 10
 Геслер И. 118
 Гете И. В. 34, 207
 Глазуновы 58—59, 97—98, 174,
 176, 179—184, 186, 189, 198
 Глинка М. И. 33, 118, 120
 Глинка С. Н. 6, 31, 57, 93,
 97—98, 102, 155—157, 163,
 170—171, 203, 206
 Глинка Ф. Н. 97, 102, 121,
 145
 Гнедич Н. И. 97
 Гобс 207
 Гоголь Н. В. 39, 45, 46, 50,
 172, 186
 Годунов Борис 43
 Голберг Л. 148
 Голенищев-Кутузов П. И. 97,
 135, 168, 197
 Голиков И. И. 175
 Голицын А. Н. 107, 164
 Голицын Д. В. 110, 141
 Голицын И. 30
 Головин Н. 31
 Гольдбах Л. Ф. 18
 Гольтенов, студент 30
 Гончаров И. А. 46, 149
 Горадий 150, 202
 Горенкин П. Ф. 197
 Горчаков В. Н. 43
 Горшков М. 119
 Горюшкин З. А. 146
 Готье 174, 189, 199
 Готье Дюфае М. И. 198
 Гофман Г. Ф. 18, 193
 Гофман Э. А. 59
 Грамматин 207
 Грановский Т. Н. 29, 38, 69
 Грачев А. П. 99
 Гребовский В. 161
 Греков А. А. 82
 Греч Н. И. 46, 141
 Грибоедов А. С. 47, 48, 110,
 191, 203, 205
 Григорович Д. В. 46
 Григорьев А. А. 65, 120
 Гримм А. А. 149
 Губерти Н. В. 185
 Гуляев П. 25

- Гун К. Ф. 193
 Гурилев А. Л. 33, 119
 Гурни 77
 Гуслистый 116
- Давыдов Д. В. 102, 110, 117, 148, 188
 Давыдов И. И. 14, 26, 35, 141, 150
 Даль В. И. 152, 153
 Дальмас 118
 Данилевский Н. 112, 167
 Данте А. 40
 Дашкова Е. Р. 192
 Двигубский И. А. 13, 19, 60, 78, 84, 128, 147
 Де ла Мот Гион 27
 Дельвиг А. А. 38, 172
 Де Мишель 151
 Демидов П. Г. 33, 133, 193
 Денисов Ф. А. 19, 103, 167
 Деппинг 16
 Дергам 27
 Десанглен Я. И. 57
 Державин Г. Р. 117, 203, 207
 Дидло Ш. 111, 112
 Дидо 78, 100, 109
 Дидро 6
 Диккенс Ч. 203
 Диринг И. Я. 77, 81, 82
 Дисекой Ф. И. 144
 Дмитриевский Д. И. 159
 Дмитриев И. И. 59, 97, 102, 104, 200, 207
 Дмитриев М. А. 6, 59, 97, 112, 200
 Дмитриев Н. 119
 Дмитрий Донской 43, 157
 Добрынин П. 175
 Долгорукий В. И. 54
 Долгорукий И. М. 111, 117, 207
 Домбаль М. 142
 Домогатский П. 28
 Досифей, архиепископ 91
 Достоевский Ф. М. 46
 Дохтуров Д. С. 117
 Дружинин П. М. 46, 57, 193
 Дубровин Н. 113, 148
 Дурново М. С. 47, 48
 Душин 174
 Дьячков 160
 Дюбук А. 119
 Дюкло Ф. А. 198
- Дюкре Дюмениль Ф. Г. 39, 40, 206
 Дюма А. 71
 Дюмон-Дюрвиль 17, 189
 Дядьковский И. Е. 13, 21, 102, 205
- Евгений, митрополит 59, 98, 101, 107, 149, 197
 Еврейновы 111, 112
 Екатерина II 93, 94, 103, 107, 135, 157
 Ермак 43, 123
 Ермолов А. П. 7
- Жадовская Ю. В. 119
 Жанлис М. Ф. 39, 40, 102, 107, 111
 Желнобов В. С. 160
 Жельвович, ксендз 145
 Жоли К. К. 109
 Жуковский В. А. 40, 45, 58, 59, 67, 68, 97, 102, 110, 125, 148, 172, 203, 205—207
- Забиякин Ф. М. 180, 188
 Завадовский П. В. 135
 Загоскин М. Н. 43, 45, 46, 112, 113, 204
 Залусские 31
 Занд К. 43
 Захаров Е. 119
 Зегерс 109
 Зедергольм К. 16, 26
 Зернов Н. Е. 15, 145
 Зонтаг А. П. 38
 Зосима З. П. 132, 134, 136, 137, 146, 193, 194
 Зыбин Д. 207
- Иван Грозный 43, 123, 138
 Иванов В. П. 54
 Ивановы 78, 99
 Иванов Ф. Ф. 43, 44, 97, 141, 148, 206
 Ивашковский С. М. 146, 190
 Измайлов А. Е. 39, 201, 207
 Измайлов В. В. 58, 97, 167, 170
 Ильин 174
 Ильин Н. И. 43, 206
 Ильинский 54
 Инихов П. Н. 176
 Иноземцев Ф. И. 102
 Иоанн Златоуст 90
 Иоаннесов И. 91

- Иовский А. А. 15, 19, 60, 61, 84, 107
Иовский П. А. 170
- Кайданов И. К. 92
Калайдович И. Ф. 69, 85
Калайдович К. Ф. 31, 59, 66, 107, 136, 137, 185, 187, 197, 199
Калайдович П. Ф. 140, 141
Калачов Н. В. 25, 31
Каменецкий 91
Каменецкий Т. А. 16, 143
Каменский Н. М. 117
Кант И. 205
Кантемир А. Д. 117, 203
Капнист В. В. 207
Карамзин Н. М. 33, 39, 58, 59, 63, 94, 97, 98, 102, 125, 135, 151, 157, 168, 172, 177, 194, 202, 203, 206, 207
Касаткин Ф. 99
Катков М. Н. 46
Каул Е. 70—71
Каченовский М. Т. 29, 31, 35, 48, 58, 59, 61, 63, 73, 137, 138, 141, 150, 153, 206
Кашин Д. Н. 33, 66
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 46
Кейзер Я. 116
Кемпийский Ф. 27
Кеппен И. 85
Кеппен П. И. 4, 11
Кетчер Н. Х. 102
Киреевские 46, 67—68, 99, 149, 152
Кириллов В. Н. 112, 113
Клапотонов П. 90, 91
Классен Е. 143
Клейн 82
Клименков С. 194
Клюшниковы 102
Княжнин Я. Б. 43, 203
Козлов И. И. 119, 121, 172
Колокольников В. Я. 158
Колумб 18, 154
Кольцов А. В. 45, 46, 102, 172
Кольчугины 186, 187
Комаров М. 51, 52
Комисаров С. П. 189
Констан Б. 207
Константин Павлович, цесаревич 121
Корш Е. Ф. 54, 190—192
Костров Е. И. 203, 207
- Котельницкий В. М. 134
Котень 39, 40, 107, 112
Коцауров Н. 14
Коцебу А. Ф. 39, 43, 102, 107, 109, 203, 206
Кошанский Н. Ф. 57
Кошелева М. 66
Краузе 92
Кривцов 174
Крылов И. А. 68, 117, 203, 206, 207
Крюков Д. Л. 38, 102
Кряжев В. С. 95, 96
Кудряковы 71, 99, 114, 115
Кузень В. 205
Кузмичев Ф. С. 52, 110—113
Кузнецовы 25, 70, 79, 111
Кукольник Н. В. 46, 64
Куликов И. 99
Купер Ф. 112, 203
Курбатов А. П. 197
Курбатов П. А. 73, 80, 86
Курочкин М. 116
Куртнер Ф. Ф. 189
Кутайсов 117
Кутузов М. И. 30, 117
Кювье Ж. 60
Кюхельбекер В. К. 45, 121
- Лавиаль Хр. 198
Лажечников И. И. 43, 46, 149
Лазарев Н. 52
Лазаревы 37, 91, 121
Лангер В. 119
Лассен-Геернер Е. С. 48
Лафонтен Ж. 39, 59, 102, 109, 111, 128, 178, 206
Леванда И. И. 193
Левашев П. Д. 88, 89
Левшин В. А. 20, 27
Лейбрехт Л. 161
Лейнгольд П. 121
Леман И. 119
Ленгольд К. 118, 175
Ленский Л. 112
Леонтьев В. Н. 46
Леопольдов А. 195
Лермонтов М. Ю. 44—46, 48, 119, 120, 149, 205, 208
Лешков В. Н. 170
Линдрот А. Ф. 123
Лихонин М. Н. 160
Лобачевский Н. И. 15
Ловецкий А. Л. 16
Логиновы 123, 124, 174, 187, 188, 198

- Лодер Х. И. 82, 193
 Ломоносов М. В. 8, 13, 63,
 117, 154, 203, 204, 207
 Лонгинов М. Н. 201
 Лопухин И. В. 94, 158, 159
 Лукин В. К. 92
 Лунин А. М. 95
 Львов В. В. 99, 100

 Мабли 207
 Мазепа И. С. 43
 Майков А. Н. 46
 Майков М. 111
 Макаров М. Н. 97
 Макаров П. И. 57, 97
 Максимов 119
 Максимович Л. 95, 200
 Максимович М. А. 11, 13, 18,
 60, 103, 148, 171
 Максютин А. С. 114
 Маликов Л. 93
 Малиновский А. Ф. 135
 Марков П. 82
 Мария Федоровна, императ-
 рица 95
 Мартынов А. Е. 71
 Маслов Н. 99
 Маслов С. А. 15, 20
 Матрунин Н. И. 197
 Маттеи Х. Ф. 34
 Матусевич 119
 Медведев С. 196
 Межевич В. С. 69
 Мей И. 95, 96
 Мейндорф А. 144
 Мельгунов А. С. 119—120
 Мельгунов Н. А. 69
 Меморские 14, 180
 Меньшиков А. Д. 107
 Мерзляков А. Ф. 33—34, 44,
 57, 97, 102, 113, 139—140,
 148—149, 206
 Местр Ж. де 203
 Метнер П. 81
 Мещерский М. 48
 Миллер 33
 Миллер О. Ф. 46
 Милов Н. 99
 Милорадович М. А. 117
 Милье К. Ф. 69
 Мильтон 102
 Мирабо О.-Г.-Р. 58
 Михайлов И. 161, 174
 Модзалевский Б. Л. 108
 Мольер Ж.-Б. 22, 43, 148
 Монигетти А. 198

 Монтескье Ш. Л. де 6, 102,
 200, 205, 207
 Мордвинов Н. С. 7
 Морошкин Ф. Л. 25, 205
 Мочалов П. С. 102, 154
 Мудров М. Я. 21, 199
 Муравьев М. Н. 56—57, 72—
 73, 132, 135, 147, 159, 190—
 191
 Муравьев Н. Н. 20, 138, 160
 Муравьевы 193, 207
 Мурзакевич Н. Н. 200
 Мусин-Пушкин А. И. 97, 135,
 186
 Муханов П. А. 31
 Мухин Е. О. 21, 147, 194—195,
 198
 Мягков Г. И. 15
 Мясников М. Н. 197

 Надеждин Н. И. 64, 112, 205
 Надуткин-второй 92
 Назимов А. И. 73
 Наливвин Ф. 123
 Наливкина Е. А. 198
 Наполеон Бонапарт 6, 30, 103,
 107, 135, 159, 162, 164
 Нарезный В. Т. 39, 97, 112,
 164
 Невзоров М. И. 73, 76, 83,
 158—160
 Некрасов Н. А. 46
 Немовы 30, 174—176
 Нерлих Ф. 66
 Нерсес, патриарх 93
 Нессельроде К. В. 30
 Нестор, летописец 134—136,
 199, 206
 Нехачин И. В. 179
 Нефедьев 174
 Никифоров С. Н. 189
 Николай I 6—9, 64, 67, 93,
 169
 Николев Н. П. 43
 Нич 150
 Новиков Н. И. 11, 20, 72, 83,
 94, 96, 105, 135, 150, 158,
 169, 172, 186, 197, 207

 Оболенский А. И. 73
 Оболенский М. А. 90
 Овчинников М. К. 161
 Огарев Н. П. 46
 Оглоблин Е. 119
 Одоевский В. Ф. 45, 68
 Озерецковский Н. Я. 162

Озеров В. А. 6, 206
Ознобишин Д. П. 61
Орлай И. С. 197
Орлов А. А. 52, 111, 113
Ортнер Ф. 119
Осипов А. А. 71, 98, 99, 114, 115
Ослябя 31
Островский А. Н. 65

Павел I 107, 158
Павлов М. Г. 13, 19, 20, 26, 60, 61, 63, 103, 141, 170, 205
Павлов Н. Ф. 46, 49
Пассек В. В. 69, 102
Пейрон Ж. 118
Пельский П. 97
Перевощиков Д. М. 13—15, 85, 147, 178, 195
Переплетчиков И. 176
Пересвет 31
Петр I 28, 107, 135, 154, 185, 196, 197
Петровы 99, 112, 144, 148, 179, 181, 182
Петрозилиус И. Д. 191
Пеше А. Н. 188
Пирогов Н. И. 21, 46
Писарев А. А. 63
Писарев А. И. 59, 118
Писемский А. Ф. 46, 65
Плавильщиков П. А. 43, 178
Платковский Н. 74
Платов М. И. 117
Платон 202, 205
Плещеев А. Н. 46, 119
Плотницкий 119
Плуменек К. фон 28
Плутарх 207
Пнин И. П. 207
Погодин М. П. 31, 32, 38, 61, 65, 99, 102, 105, 150—153, 156, 187, 199, 200, 205, 207
Погорельский А. А. 45
Пожарский Д. Н. 43
Полевой К. А. 89, 94, 153—157, 170, 172, 178, 189
Полевой Н. А. 17, 31, 46, 62, 63, 82, 89, 110, 153—155, 169, 170, 178, 179, 189, 209
Полежаев А. И. 45, 48, 59, 112, 119, 140, 148, 205
Полежаев Т. А. 189
Половцев Д. 119
Полонский Я. П. 46

Полторацкий С. Д. 178, 201
Поль А. И. 133
Поль де Кок 203
Пономаревы 70, 101, 110, 111, 174, 189
Поп А. 26, 106, 111
Попов И. В. 94, 95, 179, 189
Порывкин 174
Потапов В. Ф. 52
Правдин А. 49
Правилов Б. 74
Прокопович-Антонский А. А. 6, 60, 85, 131, 147, 148, 153
Проташинский В. А. 171
Пушкин А. С. 8, 20, 42, 44, 45, 59, 68, 110, 119, 121, 140, 151, 153—155, 172, 195, 200, 205, 208
Пушкин В. Л. 59, 140

Радищев А. Н. 97, 148, 186, 205, 207
Радклиф А. 39, 40, 102, 109, 203, 206
Разин Степан 43
Разумовский А. К. 135, 168, 193, 201
Раич (Амфитеатров) С. Е. 61
Расин Ж. 111
Ратьков П. А. 155
Редкин П. Г. 25, 38
Рейналь 207
Рейнздорф 175
Рейсс Ф. Ф. 133, 190
Рено Д. 198
Решетниковы 18, 105—107, 126, 144, 189
Ризенко В. П. 134
Рисс 174
Рихтер А. В. 190, 191
Рихтер В. М. 134
Ричардсон 102
Робеспьер 58
Розанов И. 98, 99
Ростопчин Ф. В. 97
Ростопчина Е. П. 65
Рубинштейн Н. Г. 119
Руднев 117
Рулье К. Ф. 13, 18, 38, 82
Румянцев Н. П. 6, 30, 32, 59, 100, 102, 104, 136, 153, 200
Руссо Ж. Ж. 40, 102, 206, 207
Рыкалов 70, 71
Рылеев К. Ф. 102, 104, 169, 186, 205
Рюрик 31, 58

- Садовский П. М. 65
 Садыков А. Н. 73
 Сакен 117
 Салаевы 97, 188
 Саларев С. Г. 140, 141
 Самохин А. И. 124
 Самсонова Н. 120
 Сандуновы 43, 194, 199, 206
 Саполович 91
 Сафонова Е. Ф. 67
 Свешников О. Л. 21, 174, 180
 Северин Ф. 198
 Селивановский Н. С. 13, 102, 109
 Селивановский С. И. 70, 86,
 93, 100—105, 109, 126, 127,
 149, 153, 182, 183, 197
 Семен А. А. 109
 Семен А. И. 47, 70, 78, 86, 89,
 93, 100, 104, 107—110, 122,
 125—127, 154, 157, 198
 Семенов С. М. 207
 Сенека 205
 Сенковский О. И. 46, 210
 Сервантес М. 40, 150
 Сидорович К. 119
 Синьковский Д. Н. 186
 Сиротинин 174
 Сковорода Г. В. 144
 Скорина Ф. Р. 186
 Скотт В. 42, 59, 102, 111, 112,
 154, 203
 Скуратов Малюта 43
 Сливицкий В. 81
 Смирдин А. Ф. 47, 154, 172,
 173, 178, 180
 Смирнов И. И. 113
 Смирнов С. В. 148
 Снегирев И. М. 34, 48—50,
 84, 110, 116, 144, 149, 151,
 178, 183, 187, 197
 Сниткин И. 21
 Соболев 161
 Соболевский С. А. 161, 201
 Соколов Н. И. 98, 99
 Сокольский Г. И. 167
 Сонцев Ф. Г. 110
 Сопиков В. С. 200, 202
 Сперанский М. М. 5, 6
 Срезневский И. И. 187
 Сталь А. Л.-Ж. де 40
 Степановы 112
 Страхов П. И. 13, 43, 72,
 76, 133
 Строганов С. Г. 122, 169, 193
 Строев П. М. 31, 102, 137,
 187, 197, 199
 Струкин 174
 Ступин И. И. 161, 175
 Суворов А. В. 30, 43, 103, 107,
 117
 Судовщиков, поручик 179
 Сумароков А. П. 43, 111
 Сумароков П. П. 58
 Суцов А. Д. 73, 84, 161
 Тассо Т. 148
 Татищев В. Н. 117
 Тацит 103, 202, 207
 Телепнев 174
 Теннеман 205
 Тернберг А. 123
 Теэр А. 20
 Тимковский Р. Ф. 31, 135,
 136
 Тит Ливий 207
 Тихон, епископ Воронежский
 90
 Тихонов Я. 102
 Толстая С. Ф. 160
 Толстой Л. Н. 46, 51
 Толстой М. В. 141
 Толстой Ф. А. 186, 200
 Толстой Ф. П. 160
 Томсон Г. 111
 Тормасов А. П. 117
 Тромонин К. Я. 32, 122, 131
 Троицкий 85
 Трухачев И. 122, 174
 Тургенев А. И. 193
 Тургенев И. С. 46, 188
 Турнбулл 18
 Тучков Н. А. 117
 Тютчев Ф. И. 140, 207
 Уваров С. С. 9, 10, 52, 64, 187
 Улитин Н. Н. 188, 189, 198
 Урбен К. 173, 174, 198
 Урусов С. Н. 119
 Федоров П. 99, 174
 Фейербах 200
 Фенелон 113
 Ферапонтов И. Ф. 174, 185,
 186, 197
 Фет А. А. 46, 65
 Филарет (Дроздов В. М.), ар-
 химандрит 144
 Филатов 199
 Филимонов В. С. 97
 Филиппов А. 52
 Филиппов Т. И. 65
 Филомафитский А. М. 18

Фишер фон Вальдгейм Г. И.
15, 60, 133, 193
Флеров В. 48, 143
Флетчер 138
Флориан Ж.-П. 111
Флоров А. А. 59, 114, 115
Фонвизин Д. И. 97, 113, 180,
188, 203, 207
Фонвизин М. А. 207
Франкер 14
Франк 193
Фролов А. К. 104, 114, 115,
179
Фус Н. И. 162

Хавский П. В. 31, 205
Харитонов Г. Т. 117
Хвостов Д. И. 97, 148
Хемницер И. И. 112, 113, 207
Херасков М. М. 59, 97, 111
Хитрово Н. З. 138
Хомяков А. С. 38, 46
Храмцев В. 99
Хрусталева 175
Худобашев 93

Цветаев Л. А. 24—25, 46—47,
52, 63, 93, 137—138, 146,
170—171, 178

Цеттер С. К. 115
Цицерон 202, 205, 207
Цыганов Н. 66

Чаадаев П. Я. 65, 149, 200,
203

Чеботарев А. Х. 190
Чеботарев Х. Н. 135
Черепанов Н. Е. 135, 168
Чернышев П. Г. 117
Чертков А. Д. 201
Чифф С. 120
Чуксин Е. И. 117
Чулков В. В. 159
Чумаков Ф. И. 15
Чуровский А. 113, 188

Шагеллон А. 120
Шаден И. 193
Шаликов П. И. 39, 54, 56,
76

Шатобриан Ф.-Р. 34, 40, 41,
59, 203, 207

Шафарик П. Й. 79, 151
Шаховской А. А. 112
Шевченко Т. Г. 46
Шевырев С. П. 34, 38, 61, 195
Шекспир 34, 154, 207
Шелли 107

Шеллинг 26, 63, 203, 205
Шереметьевский П. В. 66, 160
Шиллер Ф. 34, 43, 59, 207
Шильдбах Г. Ф. 132, 175
Ширяев А. С. 20, 37, 78, 117,
141, 146, 176—184, 188

Шишков А. С. 162
Шишков Н. 143
Шкловский В. Б. 51
Шлёцер А. Л. 134, 136, 138,
151, 206

Шлёцер Х. А. 23, 24, 138
Шнор 78, 94

Шошкин И. 99
Шписс 102, 109

Шрекк 189
Штейнберги 190, 191

Штраус И. 120
Штутцман С. 119

Шувалов А. П. 8

Щеголев Н. Г. 107, 195
Щепкин М. С. 14, 102

Щербатов М. М. 196, 203
Щербина Н. Ф. 45

Щуровы 121
Щуровский Г. Е. 13, 16

Эберггард Г. 118
Эдельсон Е. Н. 65

Эзоп 111, 128
Эккартсгаузен К. 178

Эльберт К. 118
Эльцнер 174

Эрдман К. 78
Эшенбург И. И. 34

Юнг 102

Языков Д. И. 117, 136
Языков Н. М. 38, 45, 68
Яковлев П. Л. 102, 175
Ястребилов А. С. 122

Указатель названий

Журналы, газеты

- Архив историко-юридических сведений о России 31
- Акты Физико-медицинского общества 133
- Амфион 57, 148
- Атены 20, 61, 63, 169
- Библиотека для чтения 208
- Вестник Европы 40, 58—59, 61, 80—81, 86, 94, 125, 150, 205
- Вестник естественных наук и медицины 19, 61
- Вестник парижских мод 66
- Галатея 61
- Детский вестник 57
- Драматический журнал 66
- Друг просвещения 57, 98, 125
- Друг юношества 57, 159—160
- Европеец 67—68
- Журнал для семиструнной гитары 118
- Журнал изящных искусств 32, 57
- Журнал любителей садоводства 143
- Журнал Министерства народного просвещения 11
- Журнал новейшего шитья 67
- Журнал отечественной музыки 66
- Журнал полезных изобретений в искусствах... 57
- Журнал сельского хозяйства и овцеводства 142
- Журнал хозяйственной химии 19
- Журналист (не разр.) 69
- Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов 20
- Записки заседаний комитета О-ва сельского хозяйства 142
- Записки и труды О-ва истории и древностей российских 98, 137
- Записки Лебедянского о-ва сельского хозяйства 143
- Земледельческий журнал 141
- Иностранное обозрение (не разр.) 69
- Иппокрена 60
- Исторический, статистический и географический журнал 57, 58, 61, 86, 159, 168
- Компас (не разр.) 153
- Курьер мод 67
- Литературная почта (не разр.) 69
- Магазин дамских и мужских мод 116
- Магазин женского рукоделия 67
- Магазин натуральной истории, физики, химии 60
- Медико-физический журнал 133, 134
- Мемуары О-ва московских натуралистов 132
- Минерва 60
- Модный вестник 67
- Молва 64, 112
- Москвитянин 65, 151, 153, 200
- Московские ведомости 20, 54—58, 60, 64, 72—83, 86—87, 107, 150, 169, 173, 176, 177, 182, 189, 192, 196, 201, 205
- Московские ученые ведомости 56
- Московский вестник 61, 65, 151, 171
- Московский Меркурий 57
- Московский наблюдатель 68, 155
- Московское обозрение (не разр.) 69
- Московский телеграф 62—

- 65, 68—69, 110, 153, 155, 169—170
- Новости иностранной литературы (не разр.) 69
 - Новости русской литературы 40, 60
 - Новые мемуары О-ва московских натуралистов 132
 - Новый магазин естественной истории, физики, химии... 13, 60, 61, 86
 - Партитура для военной трубной музыки с педалями 118
 - Патриот 57
 - Приношение прекрасному полу 118
 - Русские достопамятности 136, 137
 - Русский вестник 57, 80, 98, 156, 157, 205—206
 - Русский земледелец 20
 - Русский зритель 66
 - Русский исторический сборник 137, 151
 - Русский песенник 66
 - Современник 155
 - Телескоп 64, 65, 112, 170, 171
 - Трубадур 118
 - Труды О-ва любителей российской словесности 138—141
 - Утренний листок 56
 - Ученые записки Московского университета 15, 62, 68, 179, 194
 - Ученые записки Парижской Академии наук... 191
 - Чтения О-ва истории и древностей российских 138
 - Эолова арфа 66, 118
 - Эхо (не разр.) 69
- Книги, статьи, речи и проч.**
- Алфавит духовный 90
 - Анатомические рисунки Лодера 82
 - Анатомический атлас Пфеннинга 82
 - Анатомия 195
 - Анекдоты о Балакиреве 51
 - Антон-Горемыка 46
 - Антропологическая прогулка 169
 - Арабская грамматика 81, 85, 115
 - Арифметика (Меморского) 14
 - Арифметика (Перевощикова) 85
 - Арфа 112
 - Архив русского сельского хозяйства 107
 - Архитектор XIX столетия... 179
 - Архитектурный альбом 32
 - Аскольдова могила 46
 - Атала 41
 - Афинские письма... 41, 42
 - Балясы 111
 - Басурман 46
 - Бахчисарайский фонтан 44
 - Бедные люди 46
 - Бесценный подарок детям... 121
 - Библиографические известия 188
 - Библиотека для воспитания 38
 - Библиотека избранных повестей и анекдотов 150
 - Библиотека путешествий мужей знаменитых 17
 - Библиотека романов 182, 188
 - Библия 186
 - Бог в натуре... 27
 - Бородино 44
 - Брань архистратига Михаила с сатаною 144
 - Бригадир 206
 - Букварь (алеут. яз.) 91
 - Бурсак 39
 - В удовольствие и пользу 44
 - Ванька-Каин 52
 - Венок граций... 121
 - Венский самоучитель 118
 - Взгляд на некоторые журналы и газеты русские 63
 - Взгляд на успехи земледелия... 168
 - Вечерняя дума 46
 - Вид натурального кабинета 18
 - Вий 39
 - Влияние истинного свободного каменщичества во все-

- общее благо государства... 28
- Войнаровский 102, 169
- Волтерианцы... 27
- Восемь купеческих сундуков (запр.) 52
- Воспоминания о Сергее Гавриловиче Салареве 141
- Врач исцеляющий больных холодною водою (запр.) 167
- Всемирная история 148
- Всеобщая география в прописях... 123
- Всеобщая историческая библиотека 151
- Всеобщее путешествие вокруг всего Света 17
- Выбор невесты. Новоизобретенная забавная игра... 124
- Галерея портретов ныне царствующих особ 123
- Гамлет 154
- Гений христианства 207
- Геологическое путешествие по Алтаю... 16
- Герой нашего времени 46
- Герцогиня Шатору 182
- Горе от ума 47, 48, 110, 171,
- Гражданский предводитель, или Провинциальный быт (запр.) 49
- Грамматика трех языков... 35
- Грамматика мордовского языка 91
- Григорий Варсава-Сковорода любезному другу... (запр.) 144
- Два Ивана, или Страсть к тяжбам 39
- Двенадцать спящих будочников 171
- Двенадцать спящих дев 207
- Девятнадцатый век 67
- Денница 171
- Деревенский учебник... 22
- Детская комната 37—38
- Детская энциклопедия... 38
- Детский базар... 124
- Детское чтение 157
- Деяния Петра Великого 154
- Дипломатические сношения царя Иоанна Васильевича Грозного... 138
- Дифференциальное исчисление с приложением к геометрии 15
- Для немногих 125
- Дмитрий Донской 5, 206
- Домашнее воспитание 111
- Дон Кихот 40, 150
- Дояур... 160
- Драгоценный подарок детям... 166
- Драматический альбом на 1826 год 118
- Дривлехранилище 153, 199, 200
- Древние и новые болгары 151
- Древняя всеобщая история 107
- Думы 102, 104, 169, 186
- Дух христианства 41
- Дядя по носу глядя 51
- Евгений Онегин 20
- Емеля Пустомеля 51
- Енисейский альманах 179
- Живописное обозрение достопамятных предметов... 110, 154, 155
- Жизнь мужей Франции 103
- Жизнь Наполеона (запр.) 154
- Забава Жоко, или Оптическая игра 122
- Забавная игрушка для малюток... 37
- Замечания о современной политике (запр.) 170
- Записки москвича 175
- Земледельческая химия 20, 103
- Зимние вечера, или Разговоры отца с детьми... 16
- Зритель Божиих дел во вселенной... 26
- И отдых в пользу 44
- Из Виктора Гюго (запр.) 48, 49, 112
- Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах 44
- Избранные сочинения из «Утренней зари» 44
- Избранные сочинения, или Изъяснения и размышления... 27
- Избранный новейший песенник 120

- Изображение людей знаменитых или чем-либо замечательных... 99
- Изображения и описания животных Российской империи 128
- Изображения растений, употребляемых в медицинском хозяйстве... 18
- Именины 49
- Искусства и ремесла... 124
- Искусство учиться прогуливаясь 157
- Исследование о «Русской Правде» 31
- Историческая библиотека 64
- Исторические замечания на пути к Троице 206
- Исторический разговор о древнем Великом Новгороде 107
- Историческое обозрение Турции (запр.) 30
- История армянского народа 93
- История XVIII столетия 102
- История всеобщая 151
- История государства Российского 102—103, 206
- История древней философии 26
- История медицины в России 134
- История о славном Еруслане Лазаревиче 51
- История о храбром... Франциле 51, 52
- История Пугачевского бунта 155
- История русского народа 154
- Кавказский пленник 44
- Каллиопа 44, 148
- Кальян 112
- Карманная книжка географии... 16
- Картина народов 107
- Картины, изображающие разные характеры 123
- Каталог книг университетской библиотеки 191
- Катехизис (на якут. яз.) 91, (на арм. яз.) 93
- Киргизский пленник 160
- Клятва при гробе 208
- Книга Марсова 196
- Коварство и любовь 43
- Коринна 40
- Кориолан (запр.) 48
- Краткая логика и риторика 26
- Краткая риторика... 34
- Краткая священная история (на зырян. яз.) 91
- Краткий чертеж народов славянских 137
- Краткое всеобщее землеописание 16
- Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами 91
- Краткое начертание женских болезней 85
- Краткое начертание пользы крестоносных растений 85
- Краткое начертание российской истории (на арм. яз.) 92
- Краткое начертание теории изящной словесности 34
- Краткое начертание физики 13
- Краткое руководство к обращению грешной души на путь истинный 27
- Круторогий баран (запр.) 52
- Курс аналитической геометрии 15
- Курс сельского хозяйства 20
- Курс чистой математики 14
- Латинская Библия XIII века 193
- Ледяной дом 46, 208
- Лексикон городского и сельского хозяйства... 182
- Летописец Новгородский 90
- Летопись Нестерова по древнейшему списку... 135
- Лиза, или Торжество благодарности 206
- Лисица и дурак 160
- Литургия нотного придворного простого пения 90
- М. В. Ломоносов 154
- Людмила 207
- Магазин всех увеселений... 53

- Марфа Посадница 151
- Марьяна роца 205
- Мельник-колдун, обманщик и еват 111, 206
- Методическая энциклопедия 191
- Мертвые души 46, 50, 171
- Мизантроп 148
- Минои Четьи 90
- Мнемозина 45
- Модели каллиграфии 116
- Москве благотворительной 145
- Московская флора 84
- Музыкальная грамматика 121
- Музыкальный альбом 118, 120
- Наблюдения практические о влиянии кофе на здоровье человека 22
- Настоящий русский купец (запр.) 52
- Наслаждение 104
- Начальные основания государственного хозяйства... 23
- Начальные основания естественной истории растений 115
- Начальные основания минералогии 16
- Начальные основания опытной физики 13
- Начальные основания политической экономии... 161
- Начальные основания формации 180, 188
- Начальные основания химии 19, 84
- Начертания древней географии 150—151
- Начертание русской истории для училищ 31
- Начертание русской истории. Образцы... древлеписания 151
- Не любо — не слушай, а врать не мешай 51
- Недоросль 206
- Незабудка 104
- Неслыханное диво 179
- Нестор. Русские летописи... 136
- Нечто о Григории Сковороде (запр.) 144
- Низверженный Мамай 161
- Никлас Медвежья лапа 208
- Новая детская энциклопедия 148
- Новейшая детская энциклопедия (запр.) 167
- Новейшая рисовальная азбука 122
- Новейшие... сведения о Турецкой империи 151
- Новейший и самый полный снотолкователь (запр.) 167
- Новоселье 33
- Новые басни 128
- Новый англо-русский словарь 148
- Новый и полный астрономический телескоп... 181
- Новый самоучитель для гуслей 123
- Нравственная энциклопедия... 27
- Нравственные философские беседы 112
- Нынешний способ познания 26
- О важности химических исследований 19
- О влиянии наружных условий на жизнь животных 38
- О влиянии правоведцев на усовершенствование римского права 25
- О влиянии христианства на славянский язык 36
- О внутренней церкви 158
- О всенародном распространении грамотности в России... 28
- О государственном кредите (запр.) 170
- О духе законов 205
- О истинной мудрости 27
- О лубочных картинках русского народа 149
- О произвольном излиянии семени... 160
- О первом появлении растений и животных на Земле 18
- О переливании крови 18
- О познании самого себя (запр.) 144
- О пользе критического разбора хозяйственного сочинения... 176
- О предохранении от прилип-

- чивых болезней (на груз. яз.) 90
- О преподавании отечественного языка 35
- О происхождении Руси 151
- О происхождении словен вообще... 138
- О смерти царя Федора Алексеевича (запр.) 137
- О сущности захвата и узурпации власти 207
- О том, как помогать от укушения... (на груз. яз.) 90—91
- О том, как помогать утопшим (на груз. яз.) 90
- О характере народных песен у славян задунайских 35
- О физике «Атенея» 63
- О цензуре в России 202
- Об измерении высот посредством барометра 14
- Обзорение армянской истории. Собрание актов 93
- Образцы для рисования цветов... 122
- Образцы литер типографии Н. Дубровина и А. Ф. Мерзлякова 148
- Образцы литер типографии А. И. Семена 126
- Обстоятельное и верное описание жизни... Ваньки Каина... 51
- Обыкновенная история 46
- Октоих 90
- Описание Ботанического сада Московского университета 127
- Описание в лицах торжества, происходившего в 1636 году... 98
- Описание канцелярского порядка... в Сенате 72
- Описание древней новгородской гривны и рублей ея 138
- Описание мумии, найденной в Мемфисе 1820 года... 138
- Описание фабрики парусных произведений чесаной шерсти... 144
- Описания судебных действий 146
- Опыт гомеопатической терапии перемежающихся лихорадок... 22
- Опыт исторической грамматики русского языка 36
- Опыт начертания общей теории изящных искусств 141
- Опыт о человеке 26, 106, 111
- Опыт полного учебного курса русской грамматики... 35
- Опыт ручного словаря языка русского 85
- Опыт теории партизанских действий 102
- Опыты в стихах 179
- Оракул новых философов 107
- Ориктогнозия... 15
- Освобождение негров во французских колониях 169
- Освобожденный Иерусалим 126, 148
- Основания астрономии 14
- Основания наук о мокротных сумочках тела человеческого 147
- Основания рационального сельского хозяйства 20
- Основы ботаники 103
- Основы философии нравственной и политической 27
- Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуру... 21
- Отец семейства 44
- Открытие тайны древних магов и чародеев... 27
- Отчет комитета... для разбора и призрения просящих милостыни... 145
- Очерк истории типографии Московского университета 150
- Очерк монументальной истории Москвы 110
- Очерк московской жизни 207—208
- Очерки России 69
- Памятники московских древностей 110
- Первые начала политической экономии... 24
- Первые начала права естественного 25

- Переписка Екатерины II с Вольтером 107
- Песни, романсы, стихотворения 112
- Письма русского путешественника 206
- Плоды трудов моих 107
- Победная песнь 107
- Повесть о приключениях Аглинского Милорда Георга 51—52
- Повесть о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович 39
- Подарок новобрачным... (запр.) 167
- Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев 148
- Полная архитектура для городских и сельских хозяев 32
- Полное руководство теоретическое для рисовальщика... 105
- Полное собрание псалмов Давида 106
- Полное собрание русских летописей 136
- Полный греко-русский словарь 146
- Поражение Франции в Германии 102
- Поражение Франции на Севере 102
- Портреты именитых мужей российской церкви... 99
- Последнее новоселье 48
- Последние стихотворения Полежаева (запр.) 48
- Последний Новик 46, 208
- Похождения и приключения гостинодворских сидельцев... (запр.) 93
- Поэма о нынешних происшествиях... (запр.) 157
- Поэтическое искусство 34
- Правила рисования голов... 122
- Приключения двух детей... 157
- Примеры русского и французского чистописания 114
- Притча Ерофей (запр.) 144
- Притчи, или изречения Секстия Пифагорейца 158
- Приятный собеседник 111
- Программа испытаний учеников Земледельческой школы 141
- Программа курса химии 107
- Пролог... 186
- Промышленный атлас Московской губернии 144
- Прописи латинские 116
- Прописи российские... 114, 124
- Прописи французские 115
- Простой и недорогой способ добывания сахара... 142
- Простонародный лечебник 106
- Протекший век 102
- Псковская летопись 151
- Путешествие из Петербурга в Москву 186, 207
- Путешествие младшего Анахарсиса по Греции... 41
- Путешествия Кука 191
- Путешествия Лаперуза 191
- Разбитая арфа (запр.) 48
- Разговор Сократа... о красоте 26
- Размышления о любви к Богу 106
- Рассуждение, должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров... 21
- Рассуждение и речи, говоренные воспитанниками Московского коммерческого училища 143
- Рассуждение о причинах качания ртутного столба в барометре 13
- Рассуждение о семействе крестоносных растений 85
- Рассуждение о славянском языке... 139
- Рассуждение об истлении и сожжении всех вещей... 26
- Ревизор 50
- Реестр российским книгам, ландкартам, планам... 177
- Рекрутский набор 206
- Речи, произнесенные в собраниях О-ва свободной торговли 143

- Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета... 140—141
- Речь о постепенном образовании в России 28
- Романсы и песни М. Глинки 118
- Рославлев 46
- Роспись книгам и монетам, принесенным в дар... Авериным 197
- Российская азбука 188
- Российский Жильблаз 39, 164
- Российское уголовное право 25
- Ротмистр Чернокнижник, или Москва 1812 года ... 188
- Рука Всевышнего Отечества спасла 64
- Руководство к астрономии 14
- Руководство к общей технологии 103
- Руководство к познанию российского законоискусства 146
- Рукопись Жолкевского. Начало и успех Московской войны... 31
- Русская грамматика 141
- Русская история 157
- Русская Правда 25, 31—32
- Русская старина в памятниках... зодчества 71
- Русские в своих пословицах 149
- Русские народные пословицы и притчи 149
- Русские прописи, заключающие в себе собрание... истин 123
- Русские простонародные праздники и суеверные обряды 149
- Русский временник 90
- Ручная математическая энциклопедия 14, 15, 178
- Ручная экономическая энциклопедия... 183
- Самовернейший астрономический телескоп 161
- Сборник собственных стихотворений (М. И. Невзорова) 158
- Святое Евангелие [от] Матфея 93
- Священная история Ветхого и Нового завета 106
- Сельская жизнь и природа 160
- Сельский хозяин XIX века 20
- Семейство Старичковых 44, 206
- Семейство Холмских 154
- Семисотлетие Москвы ... 31
- Синонимы 140
- Систематика растений 18
- Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского с нечестивым царем Мамаем 31
- Сказка о славном Бове Королевиче 51
- Словарь домоводства и домашней медицины 188
- Словарь достопамятных людей Русской земли 179
- Словарь российско-польский 109
- Словарь русских духовных и светских писателей 98
- Словарь русских светских писателей 149, 151
- Слово о благочестии и нравственных качествах Гипократова врача 199
- Собрание государственных грамот и договоров 100, 104, 137, 153
- Собрание образцовых русских сочинений 206
- Собрание портретов россиян знаменитых... 98—99
- Содержание и распространение физики 63
- Сокращенный нотный обиход 90
- Сорена и Замир 43
- Сорок басен для детей 157
- Список книг библиотеки казенных студентов 194
- Ссора, или Два соседа 206
- Старичок балагур 111
- Старичок весельчак 51
- Статистическая записка о Москве 171
- Статистическое изображение городов и посадов... 9
- Сто семнадцать способов

- отыскивать пользу из картофеля 113
- Сто четыре священные истории 106
- Судьба Аббадонны 179
- Супрасльская рукопись... 90
- Таблица римской истории... 115—116
- Таблицы хронологические, объемлющие все части всемирной истории 30
- Таинства креста 158
- Теория поэзии в историческом ее развитии... 34
- Толковый словарь живого великорусского языка 152
- Три повести 49
- Троицкая лавра 149
- Турусы на колесах (запр.) 187
- Тюфяк 65
- Уголино 154
- Указатель праздничных и торжественных дней Римско-кафолической церкви на 1849 год 145
- Указатель российских законов 95
- Указы Московского губернского правления 106
- Уложение царя Алексея Михайловича 25
- Уральский хребет... 16
- Урания 151
- Уроки каллиграфии 116
- Услад и Всемила 207
- Устав Владимира Киевского 25
- Утренняя заря 44
- Учебный курс рисования по новой и легкой методе 124
- Ученые известия 85
- Физиология 18
- Фингал 206
- Философическое письмо (запр.) 65, 203
- Характер Наполеона, или Дух и свойства Наполеона 30
- Хвастун 206
- Хозяин и хозяйка 20
- Хорь и Калиныч 46
- Христофор Колумб 154
- Царь охоты (запр.) 48
- Чародей XIX столетия... 13
- Часы выздоровления (запр.) 48
- Чертеж наук и искусств 44
- Черчение, приспособленное к рисовальному искусству . . . 122
- Четыре времени года 111, 112
- Чин о приеме иноверцев 90
- Чтение о новейшей изящной словесности 34
- Школа рисовального художества 122
- Школа чистописания 124
- Эдип в Афинах 206
- Эдуард III 71
- Энтомография 133
- Юрий Милославский 46, 208
- Ябеда 206
- Картинки 38, 50, 52, 53, 113, 116, 117, 121, 123, 186
- Карты 114, 123, 179
- Песни, романсы 4, 33, 45, 66, 113, 118—120, 208, 209

Предметный указатель

Авторское право 47, 48, 84, 85, 97, 98, 119—121, 151, 152, 161, 166, 174, 179, 180, 183, 188

Библиотеки 31, 34, 80, 133, 139, 153, 166, 174, 177, 178, 187—201, 207

Лавки, магазины книжные, музыкальные, картинные Андреева, Базунова, Бекетова, Беляева, Большакова, Буве, Глазуновых, Голикова, Готье, Добрынина, Душина, Ильина, Кольчугиных, Кривцова, Кряжева и Мея, Лейнгольда П., Ленгольда К., Логинова, Михайлова, Немовых, Нефедьева, Новикова, Пономарева, Полевого К., Порывкина, Рейнздорфа, Рисса, Салаевых, Свешникова, Сиротинина, Смирдина, Струкина, Ступина, Телепнева, Трухачева, Улитина, Урбена, Федорова, Ферапонтовых, Хрусталева, Шильдбаха, Ширяева, Эльцнера; Библейского общества, Синодальной типографии, Университетская 51, 58—59, 76, 95, 96, 121, 124, 162, 172—189

Литографии, металлографии, гравировальни, нотные мастерские Алмазова, Афанасьева, Ахметьевых, Бартольди, Белова, Богданова, Бриккера, Вейсгербера, Венцеля, Виноградова, Дальмаса, Каула, Кириллова, Кудрякова, Линдрота, Логинова, Максимова, Мельгунова, Наливкина, Осипова, Пейрона, Раппольта, Руднева, Рыкалова, Тромонина, Трухачева, Харитонова, Чуксина,

Щуровых, Эльберта, Ястребилова; при типографии Московского университета, при Школе рисования С. Г. Строганова, при О-в истории и древностей российских 70, 71, 81, 82, 113—124

Словолитни Бекетова, Селивановского, Семена; Синодальной типографии, Университетской типографии 71, 77—79, 89, 96, 105, 109, 126, 127

Типографии в Москве: Губернская, Духовная при единоверческой Веденской церкви в Рогожской части, Лазаревского института восточных языков, Медико-хирургической академии, Сенатская, Синодальная, Театральная, Университетская, Управы благочиния или Полицейская; Бекетова, Божуковой, Всеволожского, Еврейных, Кириллова, Кряжева и Мея, Кузнецовых, Львовых, Мерзлякова и Дубровина, Пономарева, Решетникова, Селивановского, Семена, Смирнова, Степановых, Шильдбаха; в Петербурге: Академии наук, Военная, Сенатская; периферийные 59, 60, 70—118, 122, 126, 144, 150, 158, 161, 179, 180, 195

Типографские знаки 81, 88, 92, 98, 105

Цензура 3, 6, 8, 26, 28—30, 46—53, 58, 63—69, 73, 90, 93, 97, 99, 103, 112, 116, 119—121, 123, 138, 142—145, 151, 153, 155, 157, 160, 162—171, 174, 179, 180, 182, 187, 188, 194, 210

Школа граверов 99, 114

Научное издание

Клейменова

Раиса Николаевна

**КНИЖНАЯ МОСКВА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Зав. редакцией **О. В. Ивченко**

Редактор издательства **А. Н. Торопцева**

Художественный редактор **И. Ц. Богачев**

Технический редактор **Т. А. Калинина**

Корректоры **В. А. Бобров, Т. П. Вдов**

ИБ № 46356

Сдано в набор 08.06.90

Подписано к печати 14.03.91

Формат 84×108^{1/32}

Бумага книжно-журнальная, импортная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 13,0. Уч.-изд. л. 13,7

Тираж 4500 экз. Тип. зак. 1002

Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Содержание

От автора	3
Москва первой половины XIX века	5
Книги	11
Естественно-научная литература	13
Литература гуманитарного содержания	22
Художественная литература	39
Лубочная литература	50
Периодические издания	54
«Московские ведомости»	54
Журналы первой трети XIX в.	56
Журналы конца 1820—1840-х годов XIX в.	60
Театральные и музыкальные журналы и журналы мод	65
Журналы и цензура	67
Владельцы и арендаторы типографий	70
Типография Московского университета	72
Синодальная типография	88
Типография Лазаревского института восточных язы- ков	91
Типографии П. П. Бекетова, С. И. Селивановского, А. И. Семена и других	93
Литографии, металлографии, гравировальни	114
Мастерские, выполнявшие заказы на иллюстрации к книгам	114
Мастерские, готовившие прописи, азбуки	115
Мастерские, печатавшие портреты, картинки	116
Нотные мастерские	118
Мастерские, печатавшие книги по изобразительному искусству	121
Типографское искусство книги	124
Издатели без типографий	131
Общественные организации в роли издателей	132
Профессора Московского университета и другие част- ные лица в роли издателей	145
Цензура	162
Книжная торговля	172
Библиотеки	189
Читатели	201
Заключение	211
Примечания	212
Указатель имен	222
Указатель названий	230
Предметный указатель	239